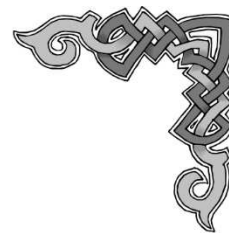




ООО «Наука и образование»



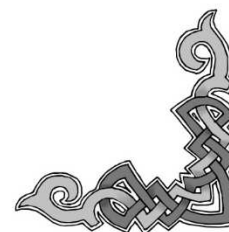
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru



**№ 12
2020**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



2020, № 12

Часть 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП ИТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;



EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

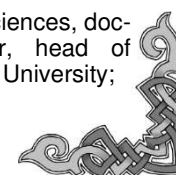
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;





Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия



Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice





Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института речевого риса.



Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.





*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Невский Сергей Александрович,

Силин Анатолий Николаевич.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала





СОДЕРЖАНИЕ:



Поздравления	6
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Альжанов Д.Р. Противодействие цифровым преступлениям в цифровой экономике	15
Апкаев Д.М., Зыков Д.А. Особая жестокость как оценочная категория	18
Асланян Р.Г. Систематизация предписаний особенной части уголовного права в истории дореволюционной России	22
Барашева Е.В., Терентьева Д.П., Степаненко А.С. Свобода договора в решениях Конституционного суда России	30
Бархович А.С., Дробот Е.И., Зеленская Л.А. Признание недействительным акта государственного органа (ропатента) как способ защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации	35
Беденков В.В. Теоретико-правовой анализ формирования правосознания и духовности как основы государственности в России	40
Борисова Е.К. Лицензионный договор о предоставлении права использования изобретения: понятие, признаки, субъекты, виды	44
Гаевой А.И. Диспозитивность как принцип применения технических средств в уголовном судопроизводстве	47
Гилёва Н.В. Насилие в семье	51
Голуб Е.И. К вопросу об исполнении обязанности заказчика выплатить обусловленное вознаграждение исполнителю по договору оказания юридических услуг	53
Груздев В.С. Онтология права в философско-правовой концепции В.С. Нерсисянца	57
Данильян А.С., Михайловская О.В. Особенности участия переводчика в ходе производства по уголовным делам	61
Евтушенко И.И., Венедиктов А.А. Дистанционные хищения: понятие и признаки	65
Еськова Л.К., Рябчиков В.В. Новые преступные способы мошенничества в период пандемии коронавирусной инфекции	68
Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. Организационные средства в методике расследования преступлений	71
Карлеба В.А. Финансирование международного терроризма в Чечне в конце XX – начале XXI вв.	75
Карханина Л.В. Международные стандарты, применяемые при исполнении уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества несовершеннолетних осужденных	79
Корчагин А.Ю. О целях судебного разбирательства уголовных дел	82
Кудряшов К.В., Понеделков А.В., Терещенко В.В., Омельченко И.В. Сравнительно-правовой анализ актуальных проблем современного избирательного права: отечественный и зарубежный опыт	85

Лукки Е.В. Проблемы квалификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против правосудия, против порядка управления	89
Мазалева Л.В., Овчинников О.А. Повышение эффективности работы по обеспечению мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием сотрудниками отделов охраны при несении службы в караулах	92
Маказиева З.Д. Коррективы положений Конституции РФ в уголовном судопроизводстве, связанных с коррупционной деятельностью	95
Мамий А.Ю., Бугаенко Ю.Ю. Аффект и его уголовно-правовое значение	98
Мамчун В.В. О понятии «принцип юридической техники»	101
Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Организованная преступность: состояние и тенденции	104
Моисеева О.Г., Авилова О.Е., Теобальдт Б.А. Особенности современной уголовно-правовой доктрины Китая	108
Мусаэлян М.Г. Использование специальных знаний в оценке копии следа как производного доказательства	111
Набиуллина В.Р. Административная и уголовная ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации	116
Нескородова И.С., Кислицын Н.А. Проблема систематизации преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»	120
Пашиева М.В. Конституционно-правовые особенности полномочий органов местного самоуправления в сфере управления муниципальным имуществом	123
Понеделков А.В., Аверин А.Н., Степанов К.В., Стельмах С.А. Конституционная основа деятельности федеральных органов государственной власти в формировании и реализации социальной политики и развитии социальной сферы	126
Рясов Д.А. Основание уголовной ответственности за разглашение сведений, составляющих содержание государственной тайны	131
Савин А.А., Мешков Д.Н. Понятие «институт освобождения от уголовной ответственности» в отечественном законодательстве	136
Сасько А.А. Проблема отождествления понятий «опознание» и «предъявление для опознания»	139
Сизова А.С., Наумова Н.В. К вопросу о реализации некоторых поправок в Конституции Российской Федерации	142
Соловяненко Н.И. Юридический контур электронного документооборота в трансграничных бизнес-операциях ЕАЭС	146
Старцев П.С. К вопросу о тактике производства допроса подозреваемого (обвиняемого)	150
Темникова О.Н. Медицинское освидетельствование несовершеннолетних на состояние опьянения: некоторые проблемы реализации	153
Фадеев А.В., Фадеев М.В., Четверикова А.И. История формирования дисциплинарного производства в органах внутренних дел Российской Федерации: пути совершенствования	156

Шапиро И.В.

Право иностранных граждан на свободу передвижения,
выбор места пребывания и жительства в РФ:

проблемы правового регулирования 160

Яковлева В.М.

О некоторых особенностях предупреждения корыстной преступности

осужденных уголовно-правовыми средствами 164



CONTENTS:



Congratulations	6
JURISPRUDENCE	
Damir R. Alzhanov Countering digital crime in the digital economy	15
Damir M. Apkaev, Daniil A. Zykov Special cruelty as an evaluation category	18
Ruslan G. Aslanyan Systematization of the prescriptions of a special part of criminal law in the history of pre-revolutionary Russia	22
Eleva V. Barasheva, Darya P. Terentyeva, Alexey S. Stepanenko Freedom of contract in decisions of the Constitutional Court of the Russia	30
Angelina S. Barkovich, Elena I. Drobot, Lyudmila A. Zelenskaya Invalidation of an act of a state body (rospatent) as a way to protect exclusive rights to the results of intellectual activity and means of individualization	35
Vladimir V. Bedenkov Theoretical and legal analysis of formation of legal consciousness and spirituality as the basis of statehood in Russia	40
Ekaterina K. Borisova License agreement on the granting of the right to use an invention: concept, signs, subjects, types	44
Alexander I. Gayevoy Dispositivity as a principle of application of technical means in criminal proceedings	47
Natalia V. Gileva Violence in family	51
Elena I. Golub The obligation of the principal to pay the success fee to the lawyer under the legal services contract	53
Vladimir S. Gruzdev Ontology of law in the philosophical and legal conception of V.S. Nersesyants	57
Alexander S. Danilyan, Olga V. Mikhailovskaya Features of the interpreter's participation in criminal proceedings	61
Inna I. Evtushenko, Andrey A. Venediktov Distant theft: concept and features	65
Lidia K. Yeskova, Vadim A. Ryabchikov New criminal methods of fraud during the pandemic of coronavirus infection	68
Vladimir D. Zelensk, Svetlana A. Kuimzhieva Organizational tools in crime investigation methodology	71
Vladimir A. Karleba Financing the International Terrorism in Chechnya in the Late 20th – early 21st centuries	75
Ludmila V. Karhanina International standards applied in the execution of criminal sentences not related with isolation from society of juvenile convicts	79
Aleksandr Yu. Korchagin On the objectives of criminal proceedings	82
Konstantin V. Kudryashov, Aleksandr V. Ponedelkov, Viktor V. Tereshchenko, Igor V. Omelchenko Comparative legal analysis of current problems of contemporary electoral law: domestic and foreign experience	85

Ekaterina V. Lukki Problems of qualification of crimes against state power, the interests of civil service and service in local government, against justice, against the order of government	89
Lyudmila V. Mazaleva, Oleg A. Ovchinnikov Improving the effectiveness of work to ensure security measures when handling firearms by employees of security departments while serving on guard duty	92
Zara D. Makazieva Correctives of the provisions of the constitution of the Russian Federation in criminal proceedings related to corruption activities	95
Alexander Yu. Mamiy, Yulia Yu. Bugaenko Affect and its criminal-legal meaning	98
Vladimir V. Mamchun On the concept of the principle of legal technique	101
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov, Ilya A. Tarakanov Organized crime: state and trends	104
Oksana G. Moiseeva, Oksana E. Avilova, Bella A. Teobaldt Features of the modern criminal legal doctrine of China	108
Mikhail G. Musaelyan Using special knowledge in evaluating a copy of a trace as a derived proof	111
Victoria R. Nabiullina Administrative and criminal liability for the dissemination of false information	116
Irina S. Neskorođova, Nikolai A. Kislitsyn The problem of systematization of crimes committed using the information and telecommunications network «Internet»	120
Marina V. Pashieva Constitutional and legal features of the powers of local self-government bodies in the field of municipal property management, municipality	123
Aleksandr V. Ponedelkov, Alexander N. Averin, Konstantin V. Stepanov, Sergey A. Stelmax The constitutional basis for the activities of the federal government in the formation and implementation of social policy and the development of the social sphere	126
Dmitriy A. Ryasov Grounds for criminal liability for disclosure of information, constituting the content of a state secret	131
Andrei A. Savin, Denis N. Meshkov The concept of the institution of exemption from criminal liability in domestic legislation	136
Anatoly A. Sasko The problem of identifying the concept of «identification» and «presentation for identification»	139
Alla S. Sizova, Natalia V. Naumova On the implementation of some amendments to the Constitution of the Russian Federation	142
Nina I. Solovyanenko Legal outline of electronic document management in cross-border business operations of the eaeu	146
Pyotr S. Startsev To the question of tactics of interrogation of the suspect (accused)	150
Olga N. Temnikova Medical examination of minors in the state of intoxication: some problems of implementation	153
Andrey V. Fadeev, Mihail V. Fadeev, Alexandra I. Chetverikova The history of the formation of disciplinary proceedings in the internal affairs of the Russian Federation: ways of improvement	156

Irina V. Shapiro

The right of foreign citizens to freedom of movement, choice of place of stay
and residence in the Russian Federation: problems of legal regulation 160

Vera M. Yakovleva

On some features of the prevention
of mercenary criminality convicted by criminal means 164

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Альжанов Дамир Ренатович
студент 4 курса юридического факультета,
Саратовская государственная
юридическая академия,
Астраханский филиал
mergenov-damir@yandex.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. В работе проведен системный анализ противодействия киберпреступлениям в цифровой экономике, проблеме, ставшей актуальной с ростом цифровых трансформаций и сопровождающей его латентной цифровой преступности. Сложность исследования – из-за статистики, инструментария и фиксации, учета преступлений. Есть и расхождение мнений по некоторым «айтишным» статьям УК РФ, например, категорирования по сговору, «цифровым» мотивам. Проведен системно-эволюционный анализ экономико-правовых факторов, криминальных транзакций, правовой ответственности, методов противодействия.

Ключевые слова: преступления, цифровые, противодействие, экономика, анализ, система.

Развитие цифровой экономики стимулируется системными цифровыми преобразованиями в экономической и бизнес-инфраструктуре, в управлении правовыми структурами (риск-менеджмент, персонал-менеджмент, менеджмент качества и др.). В Интернете – разнообразие и многообразие латентных нарушений.

Статья посвящена системному анализу методов противодействия цифровым преступлениям.

Россия пока отстаёт от мировых лидеров цифровых экономических трансформаций – Великобритании (13 % ВВП), Южной Кореи (8 %), Китая (7 %), демонстрируя всего около 3 % ВВП [1].

Цифровая экономика выросла из узких оков цифровой коммерции и бизнес-моделей типа B2B, B2C, B2P и других. Существуют различные определения цифровой экономики (например, [2; 3]). Для целей нашей статьи применим толкование как цифровой инфраструктуры, повышающей возможности социально-экономико-правовых процессов, их регулирования, самоорганизации.

С ростом цифровых трансформаций в экономике, социально-экономической инфраструктуре растёт и преступность в ней, особенно, кибермошенничество, вмешательство злоумышленников в архитектуру системы, хищения информационных ресурсов и другие [4], растут риски и импульсы,

Damir R. Alzhanov
Student of the 4 course
of the Faculty of Law,
Saratov State Law Academy,
Astrakhan branch
mergenov-damir@yandex.ru

COUNTERING DIGITAL CRIME IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. The paper provides a systematic analysis of countering cybercrime in the digital economy, a problem that has become relevant with the growth of digital transformations and the latent digital crime that accompanies it. The complexity of the study is due to statistics, tools, and recording of crimes. There are also differences of opinion on some «it» articles of the criminal code of the Russian Federation, for example, categorization by collusion, «digital» motives. The system-evolutionary analysis of economic and legal factors, criminal transactions, legal liability, and methods of counteraction is carried out.

Keywords: crime, digital, counteraction, economy, analysis, system.

частотность угроз. С 2017 г. в уголовной статистике отдельно выделяются преступления в сфере компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Динамика преступлений, возможно, не отражает тренд социально-экономических тенденций в обществе, так как такие преступления – высоко латентные и проистекают из правовой неграмотности (нигилизма) [5]. К тому же, статистика весьма приблизительная, экспертная, так как нет релевантных методов и инструментария фиксации и учета преступлений. Опросы экспертов [5] показывают, что существуют различные мнения по статьям УК РФ, касающихся ИКТ, элементарных платежей (ст. 159, 171, 185, 187, а также 172, 174, 180, 183). По ним было вынесено большинство обвинительных переговоров. Как и по ст. 272–274 «классических обвинений».

Очевидно отставание правовой поддержки цифровой экономики [6].

В мошеннических схемах могут использоваться и открытые базы данных, открытая персональная информация:

- 1) реестры юридических лиц;
- 2) данные сайтов (судебных приставов, веб-магазинов, различных сервисов и др.);

- 3) инсайдерского происхождения;
- 4) опросов (маркетингов, потребительских, социальных и др. [7]);
- 5) нейроотслеживания и др.

Небольшие предприятия, компании, не имея ресурсов для обеспечения инфраструктуры дорогами и сложными брендмаэрами, ПО, вынуждены страдать, «восстанавливаясь» после атак или обращаться к аутсорсингу IT-безопасности. Для мошенничества, взломов часто не нужно высокое профессиональное владение ИКТ, программированием, но ущерб от проникновения в сети может быть существенен – от краж номеров кредиток до парализации работы крупных онлайн-служб, ретейлеров, систем управления.

Есть и проблема трактовки категорий действия поговору «преступная группа» [8]. Наблюдается и единообразие правовых оценок деяний, ориентация на гражданские службы, что объяснимо ограниченностью информационно-правовой поддержки, сроков и ресурсов следственных экспериментов при рассмотрении дел.

Хотя в цифровой экономике обогащение и является основной и «движущей силой» совершаемых преступлений, есть и иные, «цифровые» мотивы. В частности, месть работодателю или коллегам, «инсайдерский порыв» и др.

Затрудняют расследование (по срокам, объективности, доказательности) следующие факторы:

- 1) динамичность, модифицируемость, мобильность в многозвенной цепи правоотношений;
- 2) анонимность пользователей, отсутствие их персонификации, возможность создания «обезличенных» преступных групп;
- 3) виртуализация площадок, месть совершения преступлений, использование криптозащищенных облачных и блокчейн-вычислений;
- 4) трудно-разграничиваемая граница разрешенных и криминальных транзакций, цифровых экономических отношений и отношений с гражданскими или уголовными последствиями;
- 5) недостаточная правовая ответственность провайдинга;

Литература:

1. The BCG. URL : <http://www.bcg.com> (дата обращения 02.11.2020).
2. 7 определений цифровой экономики. URL : <https://www.crn.ru/news/dtail.php?ID=116780> (дата обращения 03.12.2020).
3. *Казиев В.М.* «Умный город» с умной организацией безопасности в риск-условиях / В.М. Казиев, Б.В. Казиева, К.В. Казиев // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых

6) нежелание крупных банков, ретейлеров, организаций идти на сотрудничество с правовыми органами в случаях внедрения в свои сети, их взлома, что усиливает естественную латентность;

7) усиление виктимности, состояния опасности, отсутствие действенной антивиктимной профилактики и др.

Методами противодействия «цифровым экономическим преступлениям» могут стать:

- 1) совершенствование правовой, виктимологической профилактики и защиты, а также инструментария (инфраструктуры) для этого;
- 2) технологическая и экспертная поддержка правовых органов;
- 3) повышение эффективности риск-менеджмента цифровых экономических систем, процессов и др.

В правовой сфере проблемно доказательство, часто применяют прецедентную силу, многие цифровые нарушения неразрешимы практически. Например, недавняя ситуация с документальным дарением квартиры, оформленным по ЭЦП. Цифровой документ – не письменное доказательство, доказательство не о вещественное, так как АПК РФ (ч. 3, ст. 75) признает доказательством лишь документы (e-mail) с ЭЦП, факсимиле и др. Файлы цифровых документов нуждаются в обязательной защите ЭЦП с паролем от уполномоченного Удостоверяющего центра. Как минимум, специальными смарт-картами с PIN-кодами.

Цифровое право – часть «экосистемы права». Цифровые трансформации позволяют релевантно распространять, анализировать, хранить и защищать правовую информацию, регулировать надежно.

«Цифровизация» права эволюционирует, но темпы ниже, чем у быстро эволюционирующей «цифровой экономики». Актуализируются цифровые возможности, «оцифровываются» системы, развиваются инфраструктурные цифровые трансформации, правовая поддержка. Прделанный анализ поможет в юридической аналитике и деятельности органов права.

Literature:

1. The BCG. URL : <http://www.bcg.com> (date of application 02.11.2020).
2. 7 definitions of the digital economy. URL : <https://www.crn.ru/news/dtail.php?ID=116780> (date of application 03.12.2020).
3. *Kaziev V.M.* Smart City with Smart Risk Security Organization / V.M. Kaziev, B.V. Kazieva, K.V. Kaziev // global economy in the XXI century: the role of biotechnologies and digital technologies: sat. nauch.

технологий: сб. науч. статей 5-го круглого стола Высшей школы MBA Integral. М., 2020. С. 208–209.

4. *Boes S. Fighting cybercrime: joint effort / S.Boes, E.Leukfeldt / S. Boes, E. Leukfeldt // Cyber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level. Cincin : Springer, 2016. P. 185–205.*

5. *Суходолов А.П. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики / А.П. Суходолов, Л.А. Колпанова, Б.А. Спасенников // Всероссийский криминальный журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 258–267.*

6. *Бегишев И.Р. Преступления в сфере цифровой информации // Информационное право, 2017. № 2. С. 18–21.*

7. *Hajli N. Social commerce and new development in e-commerce technologies / N. Hajli, M. Featherman // Internat. J. of Informat. Manag. 2017. № 37. P. 177–178.*

8. *Leukfeldt E. Organized cybercrime and social opportunity structures: a proposal for future research directions // The European Review of Organized Crime. 2015. № 2. P. 91–103.*

articles of the 5th round table Of the higher school of MBA Integral. М. : 2020. P. 208–209.

4. *Boes S. Fighting cybercrime: joint effort / S.Boes, E.Leukfeldt / S. Boes, E. Leukfeldt // Cyber-Physical Security: Protecting Critical Infrastructure at the State and Local Level. Cincin : Springer, 2016. P. 185–205.*

5. *Sukhodolov A.P. Problems of countering crime in the digital economy / A.P. Sukhodolov, L.A. Kolpanova, B.A. Spasennikov // All-Russian Criminal Journal. 2017. Vol. 11. № 2. P. 258–267.*

6. *Begishev I. R. Crimes in the sphere of digital information // Information law. 2017. № 2. P. 18–21.*

7. *Hajli N. Social commerce and new development in e-commerce technologies / N. Hajli, M. Featherman // Internat. J. of Informat. Manag. 2017. № 37. P. 177–178.*

8. *Leukfeldt E. Organized cybercrime and social opportunity structures: a proposal for future research directions // The European Review of Organized Crime. 2015. № 2. P. 91–103.*

Апкаев Дамир Маратович
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения
daniilzykov@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

ОСОБАЯ ЖЕСТОКОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Аннотация. В статье авторы анализируют проблемы определения понятия «особая жестокость» в уголовном праве. В целях исключения ошибочных толкований понятия особой жестокости, авторы считают, что целесообразно его закрепление в примечании к ст. 105 УК РФ. «Особая жестокость убийства» является совокупностью трех обязательных составляющих и включает в себя: особо жестокий способ совершения, опасные последствия, личность преступника (его чрезмерную безжалостность и бесчеловечность).

Ключевые слова: особая жестокость, убийство, истязание, пытка.

В сфере уголовного права оценочные категории имеют огромное значение, так как помогают формировать уголовно-правовые нормы. Благодаря им, закон приобретает динамичность и гибкость при реализации норм.

Прежде чем определять особую жестокость в качестве оценочной категории, необходимо, в целом, обратиться к понятию «категория», которое во многих случаях определяется как «свойство», либо как форма сознания, связанная с отношением человека к окружающему миру, и способная отражать наиболее важные, существенные законы природы, мышления и общества.

Понятие «жестокый» можно определить как безжалостный, беспощадный, суровый и т.д. Непосредственно в уголовно-правовой сфере, жестокость применима к тяжким и особо тяжким преступным деяниям, однако, законодательно понятие «жестокость» нигде не раскрыто. Как следствие, особая жестокость в каждом конкретном случае требует установления. Такая ситуация

Damir M. Apkaev
Lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology
Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Execution Service
daniilzykov@mail.ru

Daniil A. Zykov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
daniilzykov@mail.ru

SPECIAL CRUELTY AS AN EVALUATION CATEGORY

Annotation. In the article, the authors analyze the problems of defining the concept of special cruelty in criminal law. In order to avoid erroneous interpretations of the concept of special cruelty, the authors believe that it is advisable to fix it in a note to article 105 of the criminal code. The "particular cruelty of murder" is a combination of three mandatory components and includes: a particularly cruel method of committing, dangerous consequences, the personality of the offender (his excessive ruthlessness and inhumanity).

Keywords: special cruelty, murder, torture, torture.

вносит путаницу и неопределенность, так как дает возможность и следствию, и суду по своему усмотрению решать вопросы применения норм права на местах.

Вышеизложенное дает основание полагать, что законодатель намеренно не приводит определение особой жестокости, считая, что более точно и верно определить данное понятие можно только в рамках практической деятельности судебных и следственных органов, и только с учетом меняющихся жизненных реалий и при индивидуальном подходе к каждой ситуации, связанной с совершением преступления.

В связи с этим, большую роль в правильном понимании категории «особая жестокость» играет правосознание судьи, следователя с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела. Неправильная трактовка, понимание указанной оценочной категории приводят к противоречиям в практике применения законов.

Для точного понимания особой жестокости, необходимо определить правовую и психологическую природу жестокости, в целом. Как полагают некоторые правоведы, категория «особая жестокость» применяется:

– по отношению к более жесткому способу совершения преступного деяния;

– к преступнику, как к особому психологическому типу;

– для связки этих элементов единую совокупность субъективных и объективных обстоятельств [3].

Как некую компенсацию отсутствия определения в УК РФ можно оценить изложение его в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В данном нормативно-правовом акте обращается внимание на связь категории «особая жестокость» со всеми обстоятельствами совершения убийства, указывающими на проявление особой жестокости и, в первую очередь, со способом совершения.

Для того, чтобы с полной уверенностью утверждать, что убийство было совершено с особой жестокостью, необходимо установить, что у преступника был умысел на совершение именно такого вида убийства. Более того, и способ совершения убийства заранее должен быть выбран преступником такой, чтобы при его помощи потерпевшему причинились сильные нравственные или физические мучения, страдания. В виду того, что в законодательстве не приводится содержания особой жестокости как оценочной категории, вышеуказанное постановление Пленума приводит лишь совокупность внешних критериев проявления особой жестокости, вопрос о смысле, закладываемом законодателем в данную категорию необходимо решать на уровне науки.

Так, некоторые авторы проводят аналогию между понятием «особая жестокость» и «беспощадность», «безжалостность», суровость [10]. На наш взгляд, это неверный подход, поскольку является поверхностным и расплывчатым. Следовательно, никак не помогает ни работникам следственных органов, ни работникам судебной системы в решении вопросов квалификации преступлений, совершенных с применением особой жестокости.

Бесспорно, утверждение о том, что любое посягательство на личность, тем более на жизнь, является жестоким по своему проявлению и характеру. Но уголовный закон, с учетом составов конкретных преступлений, вычленяет в отдельную категорию особую жестокость. Особая, то есть, выходящая за рамки, за пределы. Применяя к мучениям и истязаниям, понятия «особая жестокость», законодатель указывает на те мучения и истязания, которые выходят за рамки самих составов преступлений. Ответственность по данному отягчающему обстоятельству предусмотрена не только в убийстве п. «д» ч. 2 ст. 105, но и п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 131, п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ.

Заметим, что как отягчающее обстоятельство в законе указана не жестокость вообще, а особая жестокость, которая проявляется в способе совершения преступного деяния, и которыми потерпевшему причиняются особые мучения и страдания, в умысле лица, совершающего данное преступление и в других обстоятельствах.

В случае связывания особой жестокости с суровостью, беспощадностью, бессердечностью, можно сказать, что подобные признаки проявляются в любом преступлении, а не только совершенном с особой жестокостью. При таком подходе к оценочной категории нет разграничения между жестокостью и особой жестокостью. Более того, многие авторы склонны полагать, что эти два понятия и не стоит разграничивать [7].

Большинство же авторов, напротив, достаточно подробно разграничивает эти два понятия по социальному статусу и общественному положению лица, совершившего данное преступление, его образованию, мировоззрению и убеждениям, по его моральным признакам. При этом в основе разграничения таких понятий как «жестокость» и «особая жестокость» могут лежать и физические и психические особенности потерпевшего и преступника, окружающая обстановка в момент совершения преступления, общество, в котором живет преступник и т.д. [6].

Следовательно, рассматривая в совокупности, имеющиеся точки зрения, можно сказать, что это выходящая за рамки проявления простой жестокости, исключительная жестокость. Однако такое понимание является весьма расплывчатым и напоминает формулировки «крайняя жестокость», «чудовищная безжалостность» и т.д. Предоставленные определения «особой жестокости» пусты по своему содержанию и ничем не помогают при применении норм уголовного закона. В связи с чем, необходимо сформулировать более узко, четко и конкретно понятие «особая жестокость».

Поскольку понятие «особая жестокость» включает в себя еще и ряд более узких понятий, таких как: мучение, пытка, истязание, садизм и глумление, считаем целесообразным раскрыть их, с помощью толкового словаря русского языка.

Мучение – это действия, причиняющие страдания, вследствие длительного лишения жертвы возможности удовлетворять физиологические потребности организма, необходимые для жизнеобеспечения человека, таких, как пищи, тепла, питья и прочее.

Пытка – причинение сильной физической боли или психического страдания, с целью получения от потерпевшего признаний или какой-либо информации, а также, наказания за определенные поступки.

Истязание – действия, связанные с неоднократным или долгим причинением физической боли.

Садизм – есть получение виновным наслаждения от чужих страданий, удовольствия от причинения физической боли другому человеку [8].

Глумление определяется как злобное и оскорбительное издевательство над жертвой.

Г.И. Чечель, в свою очередь, пришел к выводу о том, что в русском языке пытки, мучения и истязания являются однозначными понятиями, которые в уголовном праве целесообразно выражать одним словом – истязание [11].

Таким образом, термин «жестокость» можно понимать как противоправные умышленные действия, направленные на причинение нравственных или физических страданий.

При этом субъект желает того, чтобы жертва мучилась и испытывала боль. Следовательно, в основе особой жестокости лежит именно цель преступника причинить страдание потерпевшему.

Объединяя многочисленные подходы к решению вопроса об определении понятия «особая жестокость», можно отметить, что ее понимают и как способ совершения преступного деяния, и какотягающее вину обстоятельство, и как квалифицирующий признак преступления, и как признак, характеризующий преступника.

Для того, чтобы разрешить вопрос об оценочных категориях, некоторые специалисты предлагают дополнить УК РФ отдельными статьями, в которых будет приведена вся терминология, употребляемая в законе. Другие авторы выступают против такого нововведения, обосновывая свою позицию тем, что нельзя однобоко определять такие категории как «особая жестокость», «мучение», «безжалостность», «издевательство» и т.д., поскольку только в контексте конкретных обстоятельств уголовного дела, можно прийти к выводу об их наличии [7].

Конкретные определения особой жестокости можно встретить в научной литературе. Например, Ю.М. Антонян определяет как намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий ради них самих или достижения других целей либо как угрозу такого причинения, а также действия, совершая которые субъект допускал или должен был предвидеть, что подобные последствия наступят [1].

А.П. Закалюк, В.Д. Жарый, В.С. Ковальский под «особой жестокостью» понимают сопровождающее или следующее за насильственным преступлением, не обязательное для его совершения и наступления обычных для него последствий, умышленное действие (бездействие), состоящее

Литература:

1. Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 14.
2. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 4.

в причинении потерпевшему или его близким дополнительного, как правило, тяжелого, физического или психического страдания [5].

По мнению С.Н. Дружкова, предшествующее убийству или сопровождающее его умышленное действие (бездействие), не обязательное для причинения смерти человеку и состоящее в причинении потерпевшему или его близким дополнительных физических или психологических страданий [4].

О.В. Артюшина под особой жестокостью понимает исключительно тяжкое преступление, совершаемое с причинением мучений и страданий, часто связанных с унижением человеческого достоинства. Оно всегда вызывает широкий общественный резонанс, поскольку при совершении демонстрируется цинизм, нравственная деградация, а в ряде случаев садизм и некрофилия [2].

Н.П. Попова связывает понятие «особая жестокость» с заведомо умышленным причинением жестокости человеку, когда преступник в процессе содеянного осознает, что причиняет жертве излишние мучения. Кроме того, она говорит о том, что при квалификации преступления необходимо учитывать: сознательный выбор орудия, частоту ударов, характер ран, обстановку места происшествия [9].

Таким образом, анализируя позиции авторов, можно сделать вывод о том, что особая жестокость – это заведомо умышленное действие (бездействие) человека, направленное на причинение особого физического и морального вреда, которое влечет за собой смерть потерпевшего.

В свою очередь, «особая жестокость убийства» является совокупностью трех обязательных составляющих и включает в себя: особо жестокий способ совершения, опасные последствия, личность преступника (его чрезмерную безжалостность и бесчеловечность).

Таким образом, в целях исключения ошибочных толкований понятия «особая жестокость» целесообразно его закрепление на законодательном уровне. То есть, изложение в примечании к ст. 105 УК РФ, где под «особой жестокостью» понимать противоправные умышленные действия (бездействия), направленные на причинение особых мучительных страданий, глумление над потерпевшим перед лишением его жизни, либо совершаемые в присутствии близких лиц, с целью причинения потерпевшему и его близким физических или нравственных страданий.

Literature:

1. Antonyan Yu.M. Psychology of murder. M., 1997. P. 14.
2. Artyushina O.V. Murder with special cruelty: criminal-legal and criminological aspects: author's thesis. the faculty of law. nauk. N. Novgorod, 2011. P. 4.

3. *Власов В.С.* Жестокость как элемент насильственного посягательства // Совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Тезисы докладов областной научной-практической конференции. Ярославль, 2010. С. 142.
4. *Дружков С.Н.* Уголовно-правовые функции особой жестокости в составе убийства Вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 3.
5. *Закалюк А.П.* Преступления, совершаемые с особой жестокостью / А.П. Закалюк, В.Д. Жарый, В.С. Ковальский // Научный обзор результатов исследования. Киев, 1989. С. 8.
6. *Кузуб М.В.* Понятие особой жестокости как способа совершения убийства // Межрегиональная конференция, посвященная 60-й годовщине празднования Дня прав человека: тезисы докладов. Волгоград : Изд-во Волгогр. акад. МВД России, 2011. Вып. 7. С. 104.
7. *Михайлова О.Ю.* Жестокость как правовая и нравственно-психологическая категория // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. 1985. С. 9–10.
8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 369.
9. *Попова Н.П.* Проблемы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Вып. 4. Братск, 2011. С. 26.
10. *Самолук И.Д.* Особая жестокость как элемент состава преступления // Проблемы искоренения преступности в период строительства коммунизма. Ученые записки ДВГУ. 2010. Т. 30. С. 23.
11. *Чечель Г.И.* Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик, 1991. С. 16.
3. *Vlasov B.C.* Cruelty as an element of violent assault // Improvement of legislation and law enforcement activities. Abstracts of reports of the regional scientific and practical conference. Yaroslavl, 2010. P. 142.
4. *Druzhkov S.N.* Criminal-legal functions of special cruelty as part of murder Questions of theory and practice : author's abstract. ... cand. the faculty of jurisprudence. Izhevsk, 2002. P. 3.
5. *Zakalyuk A.P.* Crimes committed with special cruelty / A.P. Zakalyuk, V.D. Zhary, V.S. Kovalsky. // Scientific review of research results. Kiev, 1989. P. 8.
6. *Kuzub M.V.* The Concept of special cruelty as a method of committing murder // Interregional conference dedicated to the 60th anniversary of human rights day: abstracts. Volgograd : publishing house of volgogr. Akad. MVD of Russia, 2011. Iss. 7. P. 104.
7. *Mikhailova O.Yu.* Cruelty as a legal and moral-psychological category // Issues of fighting crime. Iss. 42. 1985. P. 9–10.
8. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1990. P. 369.
9. *Popova N.P.* Problems of qualification of murder committed with special cruelty // Problems of socio-economic development of Siberia. Iss. 4. Bratsk, 2011. P. 26.
10. *Samolyuk I.D.* Special cruelty as an element of crime // Problems of crime eradication during the construction of communism. Scientific notes of dvsu, 2010. Vol. 30. P. 23.
11. *Chechel G.I.* A cruel way of committing crimes against the individual. Nalchik, 1991. P. 16.

Асланян Руслан Георгиевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aslanyanruslan@mail.ru

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДПИСАНИЙ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. Систематизация уголовно-правовых предписаний – одна из актуальных проблем современности, однако, ее исторический аспект исследован в науке недостаточно. На основе анализа исторических памятников права и дореволюционных научных источников в статье анализируется вопрос о формировании системы особенной части уголовного права. Исследование развивается по двум взаимосвязанным, но несовпадающим направлениям: а) систематизация преступлений; б) систематизация уголовно-правовых норм. Доказано, что к середине XIX столетия была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также воплощены на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре кодекса его особенной части, и принцип построения самой особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ. Выявлен недостаток внимания российских дореволюционных ученых к проблемам систематизации особенной части уголовного права.

Ключевые слова: история уголовного закона; история уголовно-правовой науки; исторический метод; систематизация в праве; институты особенной части уголовного права; классификация преступлений; структура уголовных законов.

Обращаясь к вопросу об истории внутренней систематизации уголовно-правовых предписаний особенной части уголовного права целесообразно с методологической точки зрения выделить два основных направления предстоящего анализа. Они, безусловно, взаимосвязаны, но, в то же время, и не совпадают полностью. Во-первых, это систематизация, а точнее классификация преступлений, вытекающая из положений уголовного законодательства, а во-вторых, это систематизация самих уголовно-правовых норм особенной части уголовного права. До определенного момента, а если быть точным, то Соборного Уложения 1649 года, эти два направления, в принципе, составляют единый аспект анализа. Со

Ruslan G. Aslanyan
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
aslanyanruslan@mail.ru

SYSTEMATIZATION OF THE PRESCRIPTIONS OF A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW IN THE HISTORY OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Annotation. The systematization of criminal law prescriptions is one of the urgent problems of our time, but its historical aspect has not been sufficiently studied in science. Based on the analysis of historical monuments of law and pre-revolutionary scientific sources, the article analyzes the issue of the formation of a system of a special part of criminal law. The study is developing in two interrelated, but not overlapping directions: a) systematization of crimes; b) systematization of criminal law norms. It has been proved that by the middle of the 19th century, not only the idea of creating an independent criminal law was realized, but also the principle of its pandectoral structure, which implies the isolation of its special part in the structure of the code, and the principle of constructing the most special part, based on their institutional structure of the industry and content benefits protected by law. The lack of attention of Russian pre-revolutionary scientists to the problems of systematization of a special part of criminal law is revealed.

Keywords: history of criminal law; history of criminal law science; historical method; systematization in law; institutions of the special part of criminal law; classification of crimes; structure of criminal laws.

второй половине XVII столетия они, в некоторой степени, расходятся, поскольку систематизация преступлений и систематизация уголовно-правовых норм приобретают относительно самостоятельное значение.

Памятники русского права киевского и московского периодов российской истории излагали списки преступлений относительно свободным образом, не выделяя в структуре законов структурных единиц выше статьи. В этой связи, представление о структуре и системе особенной части уголовного права может быть реконструировано только теоретическим путем с применением приема классификации преступлений.

Систему особенной части русского уголовного права периода Киевской Руси вполне убедительно изложил еще М.Ф. Владимирский-Буданов. Он писал: «Классификация преступлений делается в Русской правде на основании их объектов; уже древнейшая Правда держится в этом случае определенной системы, рассматривая сначала преступления против личных прав: убийство, нападение на здоровье и на честь, затем преступления имущественные» [1]. И далее, на основе норм Русской правды и иных источников уголовного права, он воспроизводит следующую группировку преступных деяний:

- 1) преступления против жизни»;
- 2) против здоровья;
- 3) против чести;
- 4) против свободы;
- 5) против прав имущественных;
- 6) против прав государства;
- 7) против веры;
- 8) против семейного права и нравственности.

Аналогичную, в основных своих чертах, классификацию представляют и современные авторы. Э.В. Георгиевский, в частности, выделяет преступления:

- против жизни;
- против здоровья и телесной неприкосновенности;
- против физической и половой свободы;
- против собственности;
- против административной и публичной власти;
- против общественного порядка и безопасности;
- против религии и церкви [2].

Такая система, в целом, сохранялась достаточно долго, в том числе, в виду продолжительности действия самой Русской правды в качестве источника права. Но напомним еще раз: это – система подчеркнута теоретическая, не нормативная. В Соборном Уложении впервые мы встречаем попытку не просто перечислить уголовно-правовые предписания, но и сгруппировать их определенным образом уже непосредственно в тексте самого закона. Как минимум, семь глав этого объемного документа имели заголовки, прямо указывающие на существо запрещенных этими главами деяний. Уголовно-правовые запреты были вполне компактно изложены:

- в главе 1 «О богохульниках и церковных мятежниках»;
- в главе 2 «О государьской чести и как его государское здоровье оберегать»;

– в главе 3 «О государеве дворе, чтобы на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было»;

– в главе 4 «О подпищеках, которые печати поддельывают»;

– главе 5 «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги»;

– в главе 21 «О разбойных и татиных делах»;

– в главе 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, а чинити наказанье».

Вместе с тем, с учетом уровня теоретической обработки нормативного материала в Уложении, сама структура этого документа не дает полного представления о системе предусмотренных в нем преступных деяний, ибо отдельные преступления фиксировались в главах, наименование которых не имеет прямого отношения к уголовному праву, в то время, как в иных главах (например, в главе 22) было сосредоточено несколько видов преступлений.

В науке представлено несколько вариантов общей классификации преступных деяний в Уложении. Некоторые авторы пишут о том, что такая классификация включает в себя: преступления против религии и церкви, преступления государственные, преступления по службе, против интересов частных лиц (жизни, здоровья, нравственности, имущественных прав) [3]. А.А. Рожнов признает, что в основу классификации преступлений в Уложении был положен, преимущественно, такой критерий, как объект преступления. В соответствии с этим, в структуре особенной части Уложения им выделяются, среди прочих, политические преступления, преступления против правосудия, должностные преступления, преступления против порядка управления, воинские преступления [4]. М.Ф. Владимирский-Буданов пишет, что «Уложение царя Алексея Михайловича дает понять свою классификацию той последовательностью, в какой оно излагает (хотя и не без отступлений) сначала преступления против религии (гл. I) и против государства (гл. II), а потом против порядка управления (гл. IV, V, VI, VII, IX) и суда (гл. X, XIV), против законов о состояниях (гл. XIX), наконец, против частных лиц (гл. XXI–XXII) [5].

В Воинском артикуле Петра I нормативные предписания также изложены в определенном порядке:

- преступления против религии и церкви (главы 1, 2);
- преступления против императора (глава 3);
- воинские преступления (главы 4–15);
- преступления против безопасности государства (глава 16);
- преступления против общественной безопасности и порядка (глава 17);

- преступления против чести и достоинства (глава 18), против жизни (глава 19);
- половые преступления (глава 20);
- преступления против собственности (глава 21);
- преступления против правосудия и управления (глава 22).

Такая структура закона, учитывая, что сами Артикулы есть преимущественно уголовно-правовой нормативный акт, уже гораздо полнее и четче, вплоть до полного совпадения, отражает систему особенной части и систему самого закона (хотя, разумеется, отступления от этой общей логики в тексте памятника еще встречаются).

Этот момент нам представляется особенно важным в свете рассматриваемой нами темы и свидетельствует о важном этапе в истории особенной части уголовного права. Если в ранних памятниках права складывалось, по большей части, инстинктивная группировка норм без выделения законодательных рубрик, в Соборном Уложении был отчетливо выражен опыт нормативной структуризации текста с попыткой соотнести элементы структуры закона с элементами системы особенной части, то в Артикулах мы можем наблюдать первый, вполне завершённый опыт полного отражения системы особенной части в структуре нормативного правового акта.

В науке справедливо отмечается, что общей закономерностью институционального строения уголовного права является принципиальное соответствие между уголовно-правовым институтом и главой как укрупненным подразделением закона [6]. Фиксируя этот момент в Воинских артикулах, мы можем вполне уверенно утверждать, что именно в этом памятнике впервые уголовное право было полноценно представлено в качестве институциональной системы и была создана платформа для последующего формирования системы институтов особенной части уголовного права в рамках пандектной системы права.

Перестройка системы российского уголовного права по пандектному принципу составляет основное содержание отдельного периода в его истории, охватывающего 1813–1845 годы. В литературе этому вопросу уже уделено внимание [7], а сформулированные исследователями выводы, касающиеся истории общей части уголовного права и институтов уголовного права, в целом, сохраняют свое значение для познания истории особенной части. Учитывая это обстоятельство, мы полагаем возможным, не повторяя известных суждений, сосредоточить внимание лишь на некоторых аспектах этого историко-правового периода.

Потребность в обновлении и систематизации российского законодательства остро ощущалась уже при Петре I, который положил начало деятельности многочисленных комиссий по составлению нового Уложения [8]. С разными нюансами перед этими комиссиями ставилось две основные задачи: свести в единый свод все изданные нормативные акты и сгруппировать их в отдельные

«книги законов», исходя из отраслевого принципа строения права, при этом необходимость составления «книги законов уголовных» никогда не оспаривалась.

Более или менее очевидные результаты деятельности этих комиссий проявили себя только в первой трети XIX столетия, когда юридической общественности были продемонстрированы, как минимум, два проекта уголовного кодекса, основанные на принципиально иной, нежели средневековые памятники, структуре. Первый – проект Уголовного уложения Генриха Якоба (известный как проект 1813 года) и второй – проект, составленный Григорием Ячейковым [9]. Оба они исходили из уже апробированной в теории и зарубежном праве идеи вычленения в структуре уголовного закона его общей и особенной части. Проект 1813 года состоял, к примеру, из трех частей: «Основания уголовного права», «О наказаниях за государственные и общественные преступления», «О наказаниях за частные преступления» [10]. Тем самым, впервые в российской юридической истории в структуре уголовного закона предлагалось выделить его особенную часть в современном ее понимании. Такое структурное оформление уголовного закона не было для юридической общественности абсолютно неведомым. Уже в проекте Уголовного Уложения, который был в общих чертах подготовлен комиссией, созданной Екатериной II в 1767–1772 годах, предусматривалось раздельное изложение общих вопросов уголовного права, касавшихся всех родов и видов преступлений (обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, пособничество, неоконченные преступления и др.), а также специальных вопросов о наказуемости отдельных видов преступлений, причем систематизированных в соответствии с идеями, изложенными в ее знаменитом Наказе:

- против закона или веры;
- против нравов;
- против тишины и спокойствия;
- против безопасности граждан [11].

Развернутое теоретическое обоснование вычленения в уголовных законах общей и особенной части изложено в работах И. Бентама, которые вне сомнений, были известны юристам, причем даже в переводе на русский язык [12]. Был известен к этому времени и опыт составления французского и австрийского уголовного кодексов, построенных на пандектной системе. С учетом всех этих обстоятельств, идея разделения уголовного закона на общую и особенную часть была в целом поддержана и нашла свое прямое отражение в Томе XV Свода законов 1832 года «Свод законов уголовных» [13], а потом воспроизведена во всех последующих уголовных законах империи – в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (с продолжениями), в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года, в Уголовном уложении 1903 года.

Выделение в структуре уголовного закона особенной части как одной из важных вех в истории отрасли не вызвало в отечественной науке XIX столетия сколько-нибудь глубокого теоретического осмысления в качестве нового принципа построения уголовного закона. И. Нейман, к примеру, вообще относился к такому делению как сугубо техническому. Он писал: «Уголовное право в собственном смысле или законы о преступлениях и наказаниях за оные разделяется на две главные части:

– первая содержит правила о преступлениях и налагаемых за оные наказаниях вообще;

– вторая имеет предметом положения о разных преступлениях и наказаниях за каждое из них определяемых.

Первая из сих частей называется в учебных книгах общою, а вторая особенною частью уголовного права; но выражения сии, сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов кроме немецкого, оставлены нами как излишние технические слова» [14]. Большинство же авторов просто констатировало свершившееся разделение как факт, не придавая ему, по видимому, особого правового значения. Подчеркивая тесную и неразрывную связь особенной и общей части уголовного закона, специалисты, в большей степени, обращали внимание на особенность организации науки уголовного права и его изучения. Так, А.Ф. Кистяковский писал: «Часть общая и часть особенная уголовного права – обе занимают одним и тем же предметом – преступлением и наказанием. Но каждая из них рассматривает их в различном виде, с различных сторон, каждая имеет свои специальные вопросы, хотя материал одной служит и для другой, а учения общей части предполагают существование особенной, для которой они служат фундаментом. Особенная часть, предполагая общие вопросы пройденными, занимается изложением учения о разных родах и видах преступлений в отдельности и о наказаниях им соответствующих. В особенной части рассматриваются и излагаются учения о преступлениях против государства, против личности, против собственности и т.д. В особенную часть входят также и те учения, которые излагаются в общей части, но только в применении к отдельным родам и видам преступлений. Так, в этой части может идти речь об умысле, вине неосторожной покушении, стечении преступников, не в их общей постановке, а в их применении, например, к убийству, поджогу и т.п.» [15].

Такое отношение во многом обусловило незначительное внимание, которое наука XIX века уделяла вопросам особенной части уголовного права. Как писал С.В. Познышев, «к сожалению, в настоящее время особенная часть представляется очень неразработанной и, может быть, понадобится еще целое поколение ученых прежде, чем она достигнет всей желательной полноты и высоты развития. Этой неразработанностью и объясняется, что в курсах и очерках особенной части господствующее место занимает положительное право» [16]. Н.А. Неклюдов был

вынужден констатировать, что кроме Курса уголовного права Г. Лохвицкого [17], «в русской юридической литературе не существует никакого руководства к особенной части отечественного уголовного законодательства», в связи чем, указал, что его труд «и будет первой к тому попыткой» [18].

Вопросы изучения теории особенной части уголовного права в литературе того времени ограничивались, по преимуществу, общим анализом системы особенной части уголовного законодательства и вопросами классификации преступлений.

В нашу задачу не входит изложение системы особенной части уголовного законодательства второй половины XIX века. Это, во-первых, заняло бы слишком большое пространство текста работы; во-вторых, соответствующий материал легко почерпнуть при знакомстве с памятниками; в-третьих, опыт подобного представления особенной части уже имеется [19]. Нет, пожалуй, оснований и исследовать качество этой системы, особенно оперируя современными представлениями о строении закона. Достаточно, по-видимому, сослаться на свидетельства современников, которые давали, в целом, не вполне лестные оценки системе особенной части. Н.А. Неклюдов, к примеру, писал, что «наше Уложение – сырой, непечатый бор, в котором легко заблудиться даже опытному лесничему» [20]. В другой своей работе он признавал, что «благодаря ... многообразной классификации Уложение варьирует оду и ту же статью в нескольких отделах, впадая, таким образом, в непрестанные повторения. При этом преступления и проступки размещены не всегда правильно». Гораздо проще, по его мнению, была градация особенной части, принятая в Уставе для Мировых судей, она «проста и безыскусственна», а размещение преступлений в ее главах – весьма правильно [21]. А.Ф. Кистяковский также писал, что «история уголовных законодательств не представляет другого такого сборника уголовных законов, подобного нашему Уложению. По объему оно непомерно и не в пример велико... Уложение наше носит на себе печать работы, в которой видны только самые слабые признаки обобщения. Однородные преступления размещены по разным разделам. Одно и то же преступление разбито на два, на три, вопреки природе самого преступления, и только на основании ходячего словоупотребления. Оттого нередко границы, отделяющие одно преступление от другого, бывают неуловимы. Редакторы этого усовершенствованного свода ... стремились дроблением видов преступлений охватить разнообразные случаи действительной жизни. На деле же вышло, что этим внесено только много путаницы в практику, но главная цель – охватить разнообразие явлений жизни – не достигнута. Даже, напротив, вследствие казуистичности постановлений Уложения, некоторые подвиды одного и того же преступления не могут улечься в дробные определения других подвидов и не подходят ни под одно из определений уложения. Вследствие этого, наше уложение есть один из самых трудных законов для изучения, один из самых неподдающихся классификации материалов» [22].

Что же касается вопроса о классификации преступлений в особенной части российского уголовного права, то важно обратить внимание на то, что ни один из авторов в своем изложении не следовал институциональному строению особенной части уголовного закона.

До принятия Свода законов 1832 года специалисты строили систему особенной части на основе идей, которые были озвучены еще в екатерининском Наказе. Л. Цветаев, в частности, указывал, что «важнейшее и главнейшее разделение преступлений на публичные и частные руководствует нас к подробнейшему их разделению на 7 следующих видов:

1. Публичных (против веры и бога; против верховной власти (т.е. против государства, государственного постановления и учрежденных чиновников); против самого общества (т.е. против порядка, благоустройства, спокойствия, безопасности, торговли, казны, нравственности, полиции; против политических граждан, против народного права).

2. Частных (против семейственного права; против лица гражданина; против собственности) [23].

В этом же направлении размышлял П. Гуляев, выделяя преступления государственные или общественные (против веры, против императорского величества, измене и бунте, против тишины, правосудия и частных прав государства) и преступления частные (сопровождаемые опасностью для многих либо лично к кому-либо относящиеся) [24].

Однако и в связи с принятием новых уголовных законов, демонстрирующих развернутую систему особенной части, позиция ученых не изменилась. Деление преступлений на частные, общественные и государственные (с теми или иными несущественными вариациями в названиях) воспроизводят едва ли не все авторы [25].

На несовпадение устоявшейся теоретической и нормативной классификации преступлений обратил внимание А.Ф. Бернер. Он писал: «Новейшие уголовные уложения стали все более и более отделяться от подразделения отдельных преступлений на особые рубрики, потому что эти общепринятые деления казались им, отчасти, слишком школьными и неопределенными для практики, отчасти, запутанными и, отчасти, даже ошибоч-

Литература:

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д. : Феникс, 1995. С. 317–318.
2. *Георгиевский Э.В.* Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М. : Юрлитинформ, 2013.
3. Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / Отв. ред. В.С Нерсисянц. М. : Наука, 1986. С. 161.

ными. Наши законодатели времен настоящих довольствуются тем, что излагают одно преступление за другим в порядке из ближайшего между собой сродства и в возможно широкой связи. ... Для изложения уголовного права как науки этот способ отношения к предмету соответствующий целям законодателя недостаточен. ... Ежели мы не желаем отделаться совершенно от научных требований системы, то нам остается только один исход: расположить отдельные преступления, смотря по коренному их характеру. Главнейший пункт, которым может быть определен этот главный характер, заключается в предмете правонарушения: ... сфера отдельных лиц, семейства, общества, государства и церкви» [26].

Путь построения научной системы особенной части уголовного права в рассматриваемый период времени был только намечен, но не пройден. Показательно, что специалисты определили и основное направление такой систематизации, четко указав на критерий систематизации уголовно-правовых предписаний. Если А.Ф. Бернер признавал им «предмет нарушения» или «сферу» его проявления, то Ф. Лист и М.Н. Гернет уже четко указывали на то, что основанием для деления особенной части уголовного права выступает «различие юридических благ, защищаемых наказанием и затрагиваемых преступлением», «объект или содержание блага», защищаемого законом [27].

Итогом исследования вопроса о формировании особенной части уголовного права, можно указать на основное достижение истории права и науки к середине XIX столетия. К этому моменту была не только реализована идея создания самостоятельного уголовного закона, но также, во-первых, воплощен на практике принцип пандектного его строения, предполагающий вычленение в структуре кодекса его особенной части и, во-вторых, принцип построения самой особенной части, исходя из институционального строения отрасли и содержания охраняемых законом благ. Вместе с тем, научное осмысление системы особенной части даже к концу XIX века не сложилось в стройную отраслевую теорию. Причин тут множество: и общий уровень развития науки, и недостаток исторического времени, и иные приоритеты научного развития, и т.д. Важно, однако, зафиксировать, что сама задача изучения особенной части уголовного права в качестве отдельного предмета науки была поставлена вполне ясно. Решение ее выпало уже на иной исторический период.

Literature:

1. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov-on/Don : Phoenix, 1995. P. 317–318.
2. *Georgievsky E.V.* System and types of crimes in the criminal law of Ancient Russia. M. : YurLitinform, 2013.
3. The development of Russian law in the XV – the first half of the XVII centuries / Editor-in-chief V.S. Nersesyants. M. : Science, 1986. P. 161.

4. *Рожнов А.А.* История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв). М. : Юрлитинформ, 2012. С. 204.
5. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-н/Д. : Феникс, 1995. С. 340.
6. *Жук М.С.* Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010. С. 89.
7. См.: *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 32–41; *Жук М.С.* Институты российского уголовного права: история развития и современное понимание. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2010. С. 46–54.
8. *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в). Л. : Изд. Ленинград. ун-та, 1961. С. 7.
9. См.: *Солодкин И.И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в). Л. : Изд. Ленинград. ун-та, 1961. С. 17.
10. *Безверхов А.Г.* Проект Уголовного Уложения Российской империи 1813 года / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. Самара : Самарский университет, 2013.
11. См. об этом: *Омельченко О.А.* Уголовная политика «просвещенного абсолютизма» и развитие русского уголовного права во второй половине XVIII века / О.А. Омельченко; Отв. ред. Ю.П. Титов // Вопросы истории уголовного права и уголовной политики. Сб. науч. трудов. М. : ВЮЗИ, 1986. С. 32.
12. *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Переведено М. Михайловым. СПб. : Типография Шпора, 1805. Т. 1. С. 296, 306–310.
13. Свод законов уголовных. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Императорск. Велич. Канц., 1832.
14. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб. : Тип. И. Иоаннесова, 1814. С. 8–9.
15. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник Общего уголовного права с подробным изложением начал Русского уголовного законодательства. Часть Общая. Второе испр. и значительно допол. изд. Киев : Тип. И. и А. Давиденко, 1882. С. 7.
16. *Познышев С.В.* Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложения. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Тип. В.М. Саблина, 1909. С. IX.
4. *Rozhnov A.A.* History of criminal law of the Moscow state (XIV–XVII centuries). M. : Yurlitinform, 2012. P. 204.
5. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov-on/D. : Phoenix, 1995. P. 340.
6. *Zhuk M.S.* Institutes of Russian Criminal Law: History of Development and Modern Understanding. Krasnodar : Kuban State University, Enlightenment-South, 2010. P. 89.
7. See: *Konyakhin V.P.* Theoretical foundations for the construction of the General Part of Russian Criminal Law. SPb. : Legal Center Press, 2002. P. 32–41; *Zhuk M.S.* Institutes of Russian criminal law: history of development and modern understanding. Krasnodar: Kuban state. Un-t, Enlightenment-South, 2010. P. 46–54.
8. *Solodkin I.I.* Essays on the history of Russian criminal law (first quarter of the 19th century). L. : Ed. Leningrad. un-ta, 1961. P. 7.
9. See: *Solodkin I.I.* Essays on the history of Russian criminal law (first quarter of the 19th century). L. : Ed. Leningrad. un-ta, 1961. P. 17.
10. *Bezverkhov A.G.* Project of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813 / A.G. Bezverkhov, V.S. Korostelev. Samara : Samara University, 2013.
11. See about this: *Omelchenko O.A.* Criminal policy of «enlightened absolutism» and the development of Russian criminal law in the second half of the 18th century / O.A. Omelchenko; editor-in-chief Yu.P. Titov // Issues of the history of criminal law and criminal policy. Collection of scientific works. M. : VuZI, 1986. P. 32.
12. *Bentham I.* Reasoning on civil and criminal law. With a preliminary statement of the beginning of the Legislative Provision and the universal outline of the complete Book of Laws, and with an addition of experience on the influence of time and place regarding the Laws. Translated by M. Mikhailov. SPb. : Spur Printing House, 1805. Vol. 1. P. 296. 306–310.
13. Code of criminal laws. SPb. : Type. II Department. Sobstvo. His Imperial. Velich. Kanz., 1832.
14. *Neyman I.* Initial grounds of criminal law. SPb. : Type. I. Ioannesova, 1814. P. 8–9.
15. *Kistyakovsky A.F.* Elementary textbook of General Criminal Law with a detailed description of the principles of Russian criminal law. Part General. The second is corrected and significantly additional. ed. Kiev : Type. I. and A. Davidenko, 1882. P. 7.
16. *Poznyshhev S.V.* A special part of Russian criminal law. A comparative essay on the most important departments of the special part of the old and new Codes. Prod. 2nd, correct and supplement M. : Type V.M. Sablina, 1909. P. IX.

17. Речь идет о работе: Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб. : Тип. Правительствующего сената, 1867.
18. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том первый. Преступления и проступки против личности. СПб. : Тип П.П. Меркульева, 1876.
19. См., например: Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 г.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1(46); Сорокина А.В. Система построения особенной части российских уголовных законов второй половины IX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4(10).
20. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Том первый. Преступления и проступки против личности. СПб. : Тип П.П. Меркульева, 1876.
21. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Часть Особенная. СПб. : Изд. Н. Неклюдова, 1867. Т. II. С. 5 – 7.
22. Кистяковский А.Ф. [Рецензия] Руководство к особенной части Русского уголовного права. Магистра прав Н.А. Неклюдова. Том первый. Преступления и проступки против личности. 1876 г. Том второй. Преступления и проступки против собственности. 1876 г. Том третий. Преступления: 1) против брака и прав семейственных; 2) противу законов о состояниях; 3) общеопасные преступления (подлог и т.п.) 1878 г. // Сборник Государственных знаний. 1879. Т. 7. С. 45–57.
23. Цветаев Л. Начертание теории уголовных законов, изданное для употребления учащихся. М. : Университет. тип., 1825. С. 8, 19–34.
24. Гуляев П. Российское уголовное право, составленное из Российских государственных узаконений. М. : Тип. П. Кузнецова, 1826.
25. См.: Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Тип. В.М. Саблина, 1909. С. IX–X; Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев : Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903. С. 344; Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13 перераб. из. Ф. Ельяшевич. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1905. С. 3–4.
26. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. Часть Особенная. СПб. : Изд. Н. Неклюдова, 1867. Т. II. С. 3–4.
27. Лист Ф. Учебник уголовного права. Особенная часть. Разрешенный автором перевод с 12 и 13.
17. We are talking about work: Lokhvitsky A. Course in Russian criminal law. SPb. : Type. The Governing Senate, 1867.
18. Neklyudov N.A. Guide to the Special Part of Russian Criminal Law. Volume one. Crimes and misconduct against the person. SPb. : Type P.P. Merkulyev, 1876.
19. See, for example: Sizova V.N. Development of the structure of the Special Part in the system of codified Russian criminal legislation (1864–1903) // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. 2020. № 1 (46); Sorokina A.V. The system for building a special part of Russian criminal laws of the second half of the 9th – beginning of the 20th centuries // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2013. № 4(10).
20. Neklyudov N.A. Guide to the Special Part of Russian Criminal Law. Volume one. Crimes and misconduct against the person. SPb. : Type P.P. Merkulyev, 1876.
21. Berner A.F. Criminal law textbook. With notes additions on the history of Russian law and legislation positive N. Neklyudov. Part Special. SPb. : Ed. N. Neklyudova, 1867. Vol. II. P. 5–7.
22. Kistyakovsky A.F. [Review] Guide to a special part of Russian criminal law. Master of Law N.A. Neklyudov. Vol. one. Crimes and misconduct against the person. 1876 Vol. Two. Crimes and misconduct against property. 1876 Vol. three. Crimes: (1) against marriage and family rights; 2) contrary to laws on states; 3) common dangerous crimes (forgery, etc.) 1878 // Collection of State Knowledge. 1879. Vol. 7 P. 45–57.
23. Tsvetaev L. Outline of the theory of criminal laws, published for the use of students. M. : University. type, 1825. P. 8. 19–34.
24. Gulyaev P. Russian criminal law, composed of Russian state legalizations. M. : Type. P. Kuznetsova, 1826.
25. See: Poznyshev S.V. A special part of Russian criminal law. A comparative essay on the most important departments of the special part of the old and new Codes. Prod. 2nd, correct and supplement. M. : Type. V.M. Sablina, 1909. P. IX–X; Belogritz-Kotlyarevsky L.S. Textbook of Russian criminal law. General and Special parts. Kiev : Type-lit. I.I. Cholokova, 1903. P. 344; List F. Textbook of criminal law. Special part. Translation allowed by the author from 12 and 13. from. F. Elyashevich. M. : Type. A.I. Mamontova, 1905. P. 3–4.
26. Berner A.F. Criminal Law Textbook. With notes additions on the history of Russian law and legislation positive N. Neklyudov. Part Special. SPb. : Ed. N. Neklyudova, 1867. Vol. II. P. 3–4.
27. List F. Textbook of criminal law. Special part. Translation allowed by the author from 12 and 13.

13 перераб. изд. Ф. Ельяшевич. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1905. С. 1; *Гернет М.Н.* Уголовное право. Часть Общая. Лекции, читанные в Народном Университете Московского общества народных университетов. Херсон : Изд. Н.А. Ходушина, 1913. С. 66.

prod. F. Elyashevich. M. : Type. A.I. Mamontova, 1905. P. 1; *Gernet M.N.* Criminal law. Part General. Lectures given at the People's University of Moscow Society of People's Universities. Kherson : Ed. N.A. Khodushina, 1913. P. 66.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

Терентьева Дарья Петровна

студентка,
Российский государственный
университет правосудия
darya.terenteva.2021@yandex.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**СВОБОДА ДОГОВОРА В РЕШЕНИЯХ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ**

Аннотация. Целью исследования является комплексный правовой анализ решения актуальных теоретических задач, связанных с применением решений Конституционного Суда РФ относительно действия свободы договора в Российской Федерации. В данной статье представлена краткая характеристика данной проблемы, исходя из источников права Российской Федерации, позволяющая определить место и роль свободы договора в основах законодательства Российской Федерации. Авторами также рассмотрена возможность ограничения свободы договора для одной из сторон договора для обеспечения реального равенства сторон договора для всех участников гражданского правоотношения.

Ключевые слова: Конституция, решения Конституционного Суда РФ, Верховный Суд РФ, Гражданское право, принципы права, принцип свободы договора, свобода договора.

В основном законе Российской Федерации – Конституции РФ закреплено, что в нашей стране разрешена свобода экономической деятельности и обеспечение поддержки конкуренции государством. В ст. 34 Конституции РФ закреплено данное положение и звучит оно так: « В Российской Федерации действует свободное перемещение товаров и услуг на всей территории РФ».

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Darya P. Terentyeva

Student,
Russian State University of Justice
darya.terenteva.2021@yandex.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socioeconomic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**FREEDOM OF CONTRACT IN DECISIONS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIA**

Annotation. The aim of the study is a comprehensive legal analysis of the solution of urgent theoretical problems associated with the application of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the operation of freedom of contract in the Russian Federation. This article presents a brief description based on the sources of the law of the Russian Federation, which allows to determine the place and role of freedom of contract in the foundations of the legislation of the Russian Federation. The possibility of limiting the freedom of the contract for one of the parties to the contract to ensure real equality of the parties to the contract for all participants in the civil legal relationship is considered.

Keywords: Constitution, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, Civil law, principles of law, principle of freedom of contract, freedom of contract.

Российская Федерация гарантирует право каждого на свободу использования собственных способностей и самостоятельное распоряжение имуществом в целях осуществления предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности. Подчеркнем тот факт, что в Конституции РФ нет прямого закрепления принципа свободы договора, однако, основы его действия

выводятся Конституционным судом РФ посредством опоры на конституционные нормы, где определена мера дозволенности прав человека в отношении экономической деятельности, данные нормы упоминаются в ст. 8, 34, 85, Конституции РФ [1].

В Постановлении Конституционного суда РФ от 6.06.2000 №-9 П. отмечено, что имущественные права реализуются на основании принципов свободы договора и неприкосновенности собственности, которые гарантируют свободу и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений [3].

Ст. 1 Гражданского Кодекса РФ закрепляет основы действия свободы договора. Необходимо отметить, что на сегодняшний день рыночные отношения не достигли своего «пика», они находятся на стадии развития. Человек – существо биосоциальное, следовательно, является неотъемлемым элементом общества, взаимодействующим по определенным правилам, нормам и законам и, соответственно, полной свободы как в общем, так и в частном смысле, он иметь не может, таким образом, человек должен соблюдать все правила, установленные обществом и не ущемлять права и свободы других людей [2].

Ограничения - важный элемент влияния на общество, поскольку их существование позволяет рационально и законно распоряжаться собственными правами, не обрекая себя на роль правонарушителя. Именно поэтому принцип свободы договора предполагает пределы допустимого участниками, желающими заключить гражданский договор.

Соотношение договора и закона является одним из главных аспектов вмешательства государства в рыночные отношения. Владелец имеет 2 вида свободы – свободы экономической деятельности и свободы договора, которые ограничены императивными нормами [3].

Далее, обратимся к Постановлению Конституционного Суда РФ от 30 января 2009 г. №-1П. В нем указано, что ГК РФ признает «в качестве основных начал гражданского законодательства, имеющих конституционное значение, равенство участников, регулируемых им имущественных и личных неимущественных отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора...». Данная позиция конкретизируется применительно к принципу свободы договора в п. 4 Постановления КС от 23 февраля 1999 г. № 4П, где указано: «Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (ст. 8). Конкретизируя это положения в ст. 34 и ст. 35, Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Из смысла указанных конституционных норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гаранти-

руемых государством свобод человека и гражданина, которая Гражданским Кодексом РФ провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства. Также, данная позиция подтверждается в более новом Постановлении КС от 27 октября 2015 года №-28П.: «Конституция Российской Федерации гарантирует в качестве одной из основ свободу экономической деятельности ст.8, и в развитие этого положения закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и свободное пользование своим имуществом для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 и 35) [1; 5; 7].

Свобода договора указана как конституционная свобода в Постановлениях КС РФ от 03 июля 2001 г. №-10П. и от 13 декабря 2001 г. №-16П.:

– как принцип, вытекающий из Конституции РФ в Постановлении КС РФ от 06 ноября 2013 г. № 23П;

– как надотраслевая, общеправовая ценность в Постановлениях КС РФ от 01 апреля 2003 г. № 4П, от 12 ноября 2003 г. № 17П;

– принцип свободы договора указан как общепризнанный принцип в Постановлении КС РФ от 22 ноября 2000 г. № 14П и Определении КС РФ от 05 марта 2013 г. № 436-О.

Что касается практики Верховного Суда Российской Федерации (далее, ВС РФ), в определении от 29 мая 2012 г. № 80-В12-2 указано, что «Конституция Российской Федерации гарантирует каждому свободу экономической деятельности, включая свободу договоров...». В определении ВС РФ от 07 апреля 2009 г. № 21-809-1 говорится, что «Конституция Российской Федерации признает свободу договора как одну из гарантируемых государством свобод человека и гражданина, которая Гражданским кодексом Российской Федерации провозглашается в числе основных начал гражданского законодательства».

На чем же основывается принцип свободы договора? Анализ правовых позиций КС РФ показывает, что в основном – на положениях Конституции РФ, относящихся к экономической сфере жизни общества. Так, в Постановлении КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П. указано, что «Конституция РФ гарантирует свободу экономической деятельности и устанавливает, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Из смысла данных норм о свободе в экономической сфере вытекает конституционное признание свободы договора как одной из гарантируемых государством свобод человека и гражданина» [3].

В Постановлении Конституционного суда РФ от 20.12.95 № 17 П и ст. 55 Конституции РФ установлено, что права человека в осуществлении экономической деятельности не могут быть использованы для умаления иных гражданских прав, гарантированных законом РФ, кроме как отношений в экономической сфере [12].

В одном из Постановлений Конституционным судом было отмечено, что свобода договора не абсолютна, но и не может быть ограничена ФЗ, кроме как в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционных основ РФ.

Ч. 1 ст. 56 Конституции РФ устанавливает, что в условиях чрезвычайной ситуации не подлежат ограничениям неприкосновенность частной жизни, право на свободу использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности [1].

Однако Конституция РФ предполагает и иные меры, ограничивающие деятельность участников экономических отношений. Принцип формального равенства выражает пределы осуществления, применяемые к любому праву. В ч. 3. ст. 17 Конституции РФ законодатель обозначает пределы осуществления гражданских прав, в том числе, и право свободы договора. Согласно данной статье осуществление гражданских прав не должно нарушать права и свободы иных лиц. Законодатель должен предоставить гарантии преимуществу экономически слабой стороне для того, чтобы не допустить нездоровой конкуренции [1].

Ч. 1 ст. 34 гласит, что деятельность, которая направлена на монополизацию и недобросовестную конкуренцию прямо запрещена законом и допускаться не может [1].

Ч. 2 ст. 36 устанавливает, что распоряжение своим имуществом может осуществляться

Литература:

1. Конституция Российской Федерации(принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 1993.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации(часть первая) от 30.11.1994 г. № 51 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994.
3. *Рыбалов А.О.* Свобода договора в решениях Конституционного Суда // Журнал Конституционное правосудие. 2018. 11 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.2000 № 9 П. По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) в связи с жалобой открытого акционерного общества «Тверская прядильная фабрика». URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06062000-n>
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2009 г. № 1П // По делу о проверке конституционности положений пунктов 2,3 и 4 статьи 13 абзаца второго пункта 1.1 статьи 14 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в связи с жалобой гражданки Л.Г. Погодиной. URL : <https://legalacts.ru/>

свободно при условии, если это не наносит вреда окружающей среде. Конституционным судом РФ отмечено, что ограничение свободы договора может осуществляться только на основании справедливости, быть основанным на законе – это необходимо для обеспечения равновесия между интересами частных лиц и интересами общества в договорных отношениях [1].

Данные нормы Конституции РФ позволяют сделать вывод о том, что понятия «свобод», в целом, и «свобода договора», в частности, достаточно условны. Свобода договора является более ограниченной в своем проявлении, чем любая иная свобода; это объясняется тем, что государство может свободно вмешаться в данную область отношений, если оно посчитает это необходимым в общих и в национальных интересах государства.

Итак, на основе анализа положений ст. 8 Конституции РФ и правовых позиций КС РФ и ВС РФ, изложенных в указанных выше актах, можно сделать следующий вывод: свобода экономической деятельности является одной из основ конституционного строя Российской Федерации, в то время, как свобода договора является одним из начал гражданского законодательства, при этом они соотносятся как общее и частное [3].

Свобода договора является также одной из гарантируемых Конституцией РФ свобод человека и гражданина, конституционно-правовым, надотраслевым, общеправовым и общепризнанным принципом, но, тем не менее, ограниченным нормами Российского законодательства.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1993.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994. № 51 FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994.
3. *Rybalov A.O.* Freedom of contract in decisions of the Constitutional Court // Journal of Constitutional Justice. 2018. 11 p.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.2000 № 9 P. In the case of checking the constitutionality of the provisions of the third paragraph of paragraph 2 of Article 77 of the federal law «On insolvency (bankruptcy) in connection with the complaint of the open joint-stock company» Tverskaya Spinning Factory. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06062000-n>
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 30, 2009 № 1P // In the case of checking the constitutionality of the provisions of clauses 2, 3 and 4 of Article 13 of the second paragraph of Clause 1.1 of Article 14 of the Federal Law «On the turnover of agricultural land» in connection with complaint of citizen L.G. Pogodina. URL :

doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30012009-n

6. Постановление КС от 23 февраля 1999 г. № 4П // По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23021999-n>

7. Постановление КС от 27 октября 2015 года № 28П // По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 836 гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.С. Билера, П.А. Гурьянова, Н.А. Гурьяновой, С.А. Каминской, А.М. Савенкова, Д.И. Савенковой и И.П. Степанюгиной. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27102015-n>

8. Постановление КС РФ от 03 июля 2001 г. № 10П. По делу о проверке конституционности отдельных положений подпункта 3 пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О реструктуризации (Банкротстве) кредитных организаций» в связи с жалобами ряда граждан. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03072001-n>

9. Постановление КС РФ от 13 декабря 2001 г. № 16П // По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой Т.В. Близинской. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13122001-n>

10. Постановление КС РФ от 06 ноября 2013 г. № 23П. // По делу о проверке конституционности части первой статьи 56 закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц», проходивших военную службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» В связи с жалобой гражданина С.А. Федина. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06112013-n>

11. Постановление КС РФ от 01 апреля 2003 г. № 4П // По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01042003-n>

12. Постановление КС РФ от 12 ноября 2003 г. № 17П // По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 19 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» в связи с

<https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30012009-n>

6. Resolution of the Constitutional Court of February 23, 1999 № 4P // In the case of checking the constitutionality of the provisions of part two of Article 29 of the Federal Law of February 3, 1996 «On banks and banking activities» in connection with complaints from citizens O.Yu. Veselyashkina, A.Yu. Veselyashkin and N.P. Lazarenko. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-23021999-n>

7. Resolution of the Constitutional Court of October 27, 2015 № 28P // In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 836 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens I.S. Beeler, P.A. Guryanova, N.A. Guryanova, S.A. Kaminskaya, A.M. Savenkova, D.I. Savenkova and I.P. Stepanyugina // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27102015-n>

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 3, 2001 № 10P. In the case of checking the constitutionality of certain provisions of subparagraph 3 of paragraph 2 of Article 13 of the Federal Law «On Restructuring (Bankruptcy) of Credit Organizations» in connection with complaints of a number of citizens. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-03072001-n>

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2001 № 16P // In the case of checking the constitutional part of the second article 16 of the law of the city of Moscow «On the basis of paid land use in the city of Moscow» in connection with the complaint of T.V. Blizinskaya // <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-13122001-n>

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 06, 2013 № 23P // In the case of checking the constitutionality of part one of Article 56 of the Law of the Russian Federation «On Pension Provision of Persons» who served in the internal affairs bodies, the State Fire Service, the bodies for the control over the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the criminal executive systems, and their families» In connection with the complaint of citizen S.A. Fedina. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-06112013-n>

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 1, 2003 № 4P // In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 7 of the Federal Law «On Auditing» in connection with the complaint of citizen I.V. Exhibition. URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01042003-n>

12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 12, 2003 № 17P // In the case of checking the constitutionality of a number of provisions of article 19 of the Federal Law «On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing

запросом Арбитражного Суда Псковской области и жалобой гражданина А.Н. Гасанова. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44999

13. Постановление КС РФ от 22 ноября 2000 г. № 14П // По делу о проверке Конституционности части третьей статьи 5 Федерального закона «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации». URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22112000-n>

14. Определение ВС РФ от 29 мая 2012 г. № 80-В12-2 // Дело в части отказа удовлетворения исковых требований об обращении взыскания на заложенное имущество. URL : <https://base.garant.ru/70214776>

15. Решение ВС РФ от 07 апреля 2009 г. № 21-В-09-1. URL : http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_42119.htm

products» in connection with the request of the Arbitration Court of the Pskov region and the complaint of citizen A.N. Hasanova. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44999

13. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 22, 2000 № 14P // In the case of checking the constitutionality of part three of Article 5 of the Federal Law «On State Support of the Mass Media and Book Publishing of the Russian Federation» URL : <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22112000-n>

14. Determination of the RF Armed Forces dated May 29, 2012 № 80-B12-2 // The case regarding the refusal to satisfy claims for foreclosure on pledged property. URL : <https://base.garant.ru/70214776>

15. Decision of the RF Armed Forces dated April 7, 2009 № 21-B-09-1. URL : http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_42119.htm

Бархович Ангелина Сергеевна
магистрант,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
barkhovich_as@mail.ru

Дробот Елена Игоревна
магистрант,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Bondarenko5elena@gmail.ru

Зеленская Людмила Анатольевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
lz10108@rambler.ru

ПРИЗНАНИЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ АКТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА (РОСПАТЕНТА) КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Признание недействительным акта соответствующего властного органа является одним из способов защиты гражданских прав. В данной статье авторами рассмотрены особенности использования указанного способа защиты при оспаривании актов Федеральной службы по интеллектуальной собственности, касающиеся законодательного регулирования и практики применения. Ими также предложены варианты гармонизации административного рассмотрения споров с процедурой судебного рассмотрения данной категории дел.

Ключевые слова: признание недействительным решения государственного органа, способ защиты, объект интеллектуальной собственности.

В мировой практике в настоящее время наблюдается тенденция некоего изменения приоритетности обращения при возникновении различных спорных вопросов в национальные патентные ведомства, что, в свою очередь, обуславливает усиление роли органов судебной власти в разрешении проблем, возникающих между заинтересованными субъектами и, как правило, органами государственной власти, осуществляющими функции по контролю и правовой охране объектов интеллектуальной собственности.

Angelina S. Barkovich
Undergraduate,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
barkhovich_as@mail.ru

Elena I. Drobot
Undergraduate,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Bondarenko5elena@gmail.ru

Lyudmila A. Zelenskaya
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin
lz10108@rambler.ru

INVALIDATION OF AN ACT OF A STATE BODY (ROSPATENT) AS A WAY TO PROTECT EXCLUSIVE RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY AND MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Annotation. Invalidation of an act of the relevant authority is one of the ways to protect civil rights. The paper considers the features of using this method of protection when challenging acts of the Federal service for intellectual property concerning legislative regulation and application practice. Variants of harmonization of administrative consideration of disputes with the procedure of judicial review of this category of cases are proposed.

Keywords: invalidation of a decision of a state body, method of protection, object of intellectual property.

Российская Федерация, в данном случае, не стала исключением. Всеобщая тенденция затронула и нашу страну, несмотря на то, что в период существования СССР патентные ведомства отличались высоким профессионализмом, что, в свою очередь, во-первых, обуславливало на тот момент значительно меньшее количество возникших споров, а во-вторых, превалирование именно административного порядка рассмотрения патентных споров над судебным.

Полагаем, что причинами, обуславливающими анализируемые изменения, могли стать как, в целом, повышение уровня правовой культуры, появление соответствующего специализированного суда в системе арбитражных судов, так и наличие большего доверия заинтересованных лиц именно суду и судебному решению при использовании соответствующего способа защиты прав и интересов. Таким образом, баланс между уполномоченным патентным органом и судебной системой в лице Суда по интеллектуальным правам и иных судебных органов, заметно смещается в сторону увеличения именно использования судебной формы защиты.

Правильность выводов можно подтвердить статистикой судебных дел, инициаторами обращений которых являлись лица, чьи права и законные интересы были нарушены действиями или решениями Роспатента. Необходимо отметить, в данном случае прослеживается использование такого способа защиты, в соответствии со ст. 12 ГК РФ, как признание недействительным акта компетентного органа в сфере интеллектуальной собственности.

Так, судами за 2014 год рассмотрено 389 дел; за 2015 год рассмотрено 405 дел; за 2016 год рассмотрено 409 дел; за 2017 год рассмотрено 604 дела; за 2018 год рассмотрено 750 дел [1].

Наибольшее количество дел об оспаривании решений (действий) Роспатента, рассматриваемых Судом по интеллектуальным правам, являются спорами, которые связаны с предоставлением или прекращением правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности или средствами индивидуализации.

В иные арбитражные суды обращаются заинтересованные лица преимущественно по вопросам, не входящим в компетенцию Суда по интеллектуальным правам, среди которых подавляющее большинство составляют дела об оспаривании ненормативных правовых актов, например, таких как обжалование действий по отказу в государственной регистрации распоряжения исключительным правом по договорам (либо без такового) в отношении результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

По мнению специалистов Роспатента, решения соответствующих судов по признанию незаконными и недействительными обжалуемых актов в большинстве случаев не связаны с тем, что Роспатент неправильно применил нормы материального права или нарушил процедурный порядок рассмотрения заявления либо возражений [2].

Наиболее распространённым основанием для признания недействительным решения Роспатента являются изменения правоприменительной практики. Объяснить это можно тем, что вразрез со сложившейся и устоявшейся в течение длительного периода времени судебной практикой, Суд по интеллектуальным правам формирует новую судебную практику. Так, например, вследствие соответствующих изменений практики

разрешения вопросов регистрации в качестве товарных знаков обозначений, включающих географические наименования, а также многолетней практики по вопросу изменения оснований для отказа в регистрации заявленных обозначений в качестве товарных знаков при рассмотрении возражений на решение экспертизы Роспатента, были признаны недействительными соответствующие решения Роспатента.

Следует также обратить особое внимание на признание недействительными решений Роспатента в судебном порядке вследствие либо частичного отсутствия документов, либо фальсификации документов, подаваемых в Роспатент. Обусловленность отмены решения обозначенными причинами свидетельствует о значительных недоработках процедурных правил соответствующего регламента рассмотрения заявлений и возражений и, быть может, отсутствием соответствующих полномочий по привлечению экспертов и проведению экспертизы документов.

Одним из актуальных вопросов на сегодняшний момент также представляется проблема реализации возможности примирения сторон путём использования различных примирительных процедур не только при обращении заинтересованных лиц в судебные органы. Так как в ряде случаев лицам, участвующим в деле, удаётся примириться в ходе судебного разбирательства, то возникает закономерный вопрос: Почему примирения не произошло при рассмотрении соответствующего спора в административном порядке? Например, получить от правообладателя противопоставленного заявке товарного знака письменное согласие на его регистрацию, что и явилось основанием для отмены решения Роспатента.

Обозначенные и проанализированные основания для признания недействительными соответствующих решений, на первый взгляд, не свидетельствуют о наличии ошибок в применении норм права Роспатентом, но, в свою очередь, требуют теоретического осмысления и принятия соответствующих мер по их предотвращению.

Таким образом, следует констатировать, что наличествующий значительный стабильный рост как количества обращений в судебные органы, так и соответствующее увеличение использования такого способа защиты как признание недействительным акта уполномоченного властного органа по анализируемым категориям дел, свидетельствует о необходимости привлечения внимания законодателя к построению такого механизма работы патентных ведомств, который существенно бы сократил число обращений в суд по вопросам оспаривания решений Палаты по патентным спорам в рамках положений ст. 198 АПК РФ.

Актуальными в связи с вышеизложенным нам представляются вопросы не только совершенствования судебного процессуального порядка рассмотрения и разрешения дел анализируемой категории, а, соответственно, поиск наиболее гармонизировано-выстроенного механизма работы уполномоченных властных органов, где

Роспатент будет настолько продуктивно действовать при рассмотрении жалоб заинтересованных лиц в административном порядке, в том числе, учитывая современные тенденции формирования судебной практики, что позволит суду не проводить патентную экспертизу заново, и, в конечном итоге, должно будет способствовать соответствующему снижению судебной нагрузки.

Исследуя вопросы совершенствования процессуального порядка рассмотрения дел соответствующей категории в суде, следует обратить особое внимание на то, что бремя доказывания законности решения патентного ведомства возлагается на сам Роспатент в соответствии с правилами, закреплёнными в ч. 3 ст. 189 АПК РФ. Обозначенная обязанность ведомства полностью корреспондирует обязанности заинтересованного лица доказать суду, что принятый Федеральной службой по интеллектуальной собственности акт не соответствует закону, тем самым нарушая его права и законные интересы.

Как показывает практика, при обращении в суд, заявителю необходимо отразить в своем заявлении конкретные нормы ГК РФ, которые были нарушены, а также, конкретизировать правила подготовки, подачи и исследования заявки каждого отдельно взятого объекта интеллектуальной собственности.

В заявлении необходимо наличие одновременно двух условий:

- 1) несоответствие акта Роспатента закону;
- 2) факт нарушения прав и законных интересов заявителя.

В случае, если заявителем в заявлении будет указан акт патентного ведомства, не соответствующий закону, но при этом не раскрыто, какое конкретно право заинтересованного лица было нарушено, то судом в удовлетворении требований будет отказано в полном объеме, в связи с чем, наличие этих условий в заявлении является императивом.

В случае удовлетворения судом требований заявителя о признании недействительным акта патентного ведомства, прослеживается комплекс проблем, обусловленных обязанностью суда не только указать на недействительность решения Роспатента, но и указать в решении обязанности патентного ведомства провести мероприятия по урегулированию спорной ситуации путем устранения факта нарушения прав и законных интересов заявителя. Полномочия суда ограничены признанием ненормативного акта недействительным, чем и достигается в целом цель обращения в судебный орган. В связи с вышесказанным, следует обратить внимание, что законодательно установлено право суда отменить несоответствующее закону решение Роспатента, не предусматривает при этом принятия по существу нового решения по результатам исследования представленных и рассмотренных требований и возражений. Поэтому на практике одним из закономерных вопросов представляется вопрос о

том, какие конкретно действия патентное ведомство правомочно и должно выполнять во исполнение решения суда?

Ответ на поставленный вопрос напрямую зависит от разновидности существующих споров, рассматриваемых судами, которые, в свою очередь, обусловлены соответствующей компетенцией Роспатента.

Со стороны может показаться, что Роспатенту достаточно, во исполнение решения суда, применить изложенные в резолютивной части предписания и вынести соответствующее решение без повторного соблюдения всех правил процедуры. Но признание недействительным решения Роспатента, относящееся к любому из вышеперечисленных видов споров, не могут осуществляться вне определенного порядка соблюдения строго регламентированных процедурных действий патентного органа, который предусмотрен.

С учетом данных обстоятельств, можно сделать вывод о том, что Роспатент, принимая решение во исполнение предписаний суда по конкретному делу, устраняет допущенные нарушения посредством повторения всей строго регламентированной процедуры. Отличия «первичного» от «повторного» рассмотрения заключаются лишь в том, что доводы, указанные в возражении не подлежат переоценке патентным органом, так им уже была дана оценка судом.

Обозначенные правила подлежат применению в практике Роспатента. Так, решением Арбитражного суда г. Москвы от 28 февраля 2013 г. по делу № А40-110460/12-5-1021 было отменено соответствующее решение Роспатента о признании патента на изобретение недействительным полностью.

В решении суда, в его резолютивной части было обозначено: «Признать решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности (123995, г. Москва, Бережковская наб., 30, 1, ОГРН 1047730015200, ИНН 7730176088) от 11.07.2012г. по заявке № 200110097104030/63 (2148400) несоответствующим положениям ст.ст. 4, 29 Патентного закона Российской Федерации. И, как следствие, оспариваемое решение было полностью признано недействительным.

Обязать Федеральную службу по интеллектуальной собственности восстановить нарушенные права и охраняемые законом интересы истца путем внесения соответствующих сведений в отношении патента Российской Федерации на изобретение № 2148400 в Государственный реестр изобретений Российской Федерации».

Роспатентом, в соответствии с указаниями, обозначенными в резолютивной части судебного решения, требование суда было выполнено путём повторного рассмотрения возражения. В результате чего было принято решение: «отказать в удовлетворении возражения, поступившего 18.04.2012, патент Российской Федерации на изобретение № 2148400 оставить в силе» [3, с. 30–32].

Стоит отметить, что процедура рассмотрения Роспатентом возражений в административном порядке регламентирована помимо ст. 1248 ГК РФ, в Правилах рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке, утверждённых приказом Минобрнауки России и Минэкономразвития России от 30 апреля 2020 г. № 644/261. Правила подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утверждённые приказом Роспатента от 22 апреля 2003 г. № 56, действуют в части, не противоречащей положениям ГК РФ в отношении возражений и заявлений, поступивших в Роспатент до 9 сентября 2020 г. [4].

В Правилах, утверждённых приказом Минобрнауки России и Минэкономразвития России от 30 апреля 2020 г. № 644/261, закреплён перечень заявлений и возражений в отношении каких конкретно решений Роспатента в зависимости от разновидности спора они могут быть поданы. Так, например, отказ в удовлетворении возражения против выдачи патента; отказ в выдаче патента; аннулирование патента полностью или в части и другие. При этом могут быть соответственно нарушены права и законные интересы заявителя на получение исключительного права на объект, права и законные интересы правообладателя патента, которыми лицо было наделено на законных основаниях.

Статьей 201 АПК РФ установлена обязанность судов по указанию в резолютивной части решения предписаний Роспатенту по устранению нарушений прав и законных интересов заявителя. Стоит отметить, что в вышеуказанной статье прослеживается достаточно серьёзный пробел, так как некоторые споры с участием органа, осуществляющего публичные полномочия, имеют особенности процедуры их рассмотрения.

Таким образом, рассмотрев особенности законодательного регулирования и практики использо-

вания признания недействительными соответствующих актов Роспатента как способа защиты, следует констатировать, что в связи с отсутствием законоположений, устанавливающих четко определенный порядок действий Роспатента в случае признания судом его решений недействительными и, соответственно, проведении мероприятий по устранению нарушения прав лица, в пользу которого вынесено решение суда, вопрос о нормативно-правовом регулировании рассматриваемой ситуации, остается открытым.

Восполнение обозначенного пробела послужит еще одной гарантией восстановления нарушенного права или законного интереса лица, обратившегося в суд с заявлением об оспаривании несоответствующего закону акта патентного органа.

Современная действительность позволяет сделать вывод о том, что дела об охраноспособности объектов интеллектуальной собственности могут рассматриваться и разрешаться путём использования такого способа защиты права как признание недействительными соответствующих актов Роспатента вследствие обращения заинтересованных лиц в компетентные судебные органы – Суд по интеллектуальным правам, иные арбитражные суды и суды общей юрисдикции.

Анализ и глубокое изучение соответствующей судебной практики представляется необходимым не только в целях единообразного применения норм как материального, так и процессуального права, но, и как было констатировано, в целях выработки единых подходов во взаимодействии судебных и административных органов и, в целом, гармонизации административного рассмотрения споров с процедурой судебного рассмотрения анализируемой категории дел, что, в свою очередь, должно способствовать снижению случаев обращения заинтересованных лиц в суд с требованием о признании недействительными решений Роспатента.

Литература:

1. *Ивлиев Г.П.* Проблемы правосубъектности в деятельности Роспатента. Журнал российского права. 2018. № 1.
2. Аналитическая справка по результатам анализа судебной практики по спорам, связанным с правовой охраной объектов интеллектуальной собственности. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/analit-sp-sud-2018.pdf>
3. *Мещеряков В.А.* Устранение судом по интеллектуальным правам нарушений прав и законных интересов заявителей в решениях Роспатента в случаях признания этих решений недействительными. Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2014. № 4. С. 28–36.

Literature:

1. *Ivliev G.P.* Problems of legal personality in the activities of Rospatent. Journal of Russian law. 2018. № 1.
2. Analytical report on the results of the analysis of judicial practice in disputes related to the legal protection of intellectual property objects. URL : <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/analit-sp-sud-2018.pdf>
3. *Meshcheryakov V.A.* Elimination by the intellectual property court of violations of the rights and legitimate interests of applicants in decisions of Rospatent in cases of recognition of these decisions as invalid. Journal of the intellectual property Court. 2014. № 4. P. 28–36.

4. Приказ Минобрнауки России № 644, Минэкономразвития России № 261 от 30.04.2020 «Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360687

4. the Ministry of education and science Order № 644, the Ministry of economic development from 30.04.2020 № 261 «About approval of rules of consideration and permission of the Federal Executive authority on intellectual property disputes in administrative procedure». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360687

Беденков Владимир Владимирович
старший преподаватель,
Алтайский государственный университет
bedenkov-1989@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ДУХОВНОСТИ КАК ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Объектом исследования выступает феномен правосознания и духовности. Предметом данного исследования выступают теоретические представления о состоянии и способах укрепления духовных ориентиров при формировании правосознания как основы государственности. Цель статьи – проведение теоретического анализа формирования правосознания и духовности общества. Автором использовались следующие методы исследования: диалектический, логический, историко-правовой, системно-структурный и формально-юридический.

Ключевые слова: архетип, правосознание, вера, духовность, нравственность, государственность, обязанность, правопорядок.

Понятие «правосознание» относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. Его значимость сложно переоценить, ибо она связана с постижением сущности всей государственно-правовой действительности. В то же время, правосознание – трудно познаваемый феномен, поскольку его исследование предполагает анализ не столько внешней, сколько внутренней, духовной жизни человека, выступающего субъектом права.

Как известно, теоретические обобщения невозможно сделать без историко-правовых исследований. Несмотря на то, что интерес ученых к проблеме правосознания не ослабевал на всех этапах развития отечественной юридической науки, особую остроту эта проблема приобретает в кризисные моменты в истории Российского государства, которых было немало.

Можно с уверенностью констатировать, что русское (а затем и российское) правосознание прошло в своем развитии много этапов, причем, каждый этап предполагал заимствование правовых знаний, накопленных в предыдущий исторический период, и наслаивание старого на новое; в определенной части – их переосмысление, а порой и отбрасывание. На наш взгляд – и в этом мы солидарны с Т.И. Демченко – необходимо различать дохристианское (праславянское) правосознание; христианское правосознание; светское советское правосознание и современное (постсоветское) правосознание [3, с. 11].

Vladimir V. Bedenkov
Senior lecturer,
Altai State University
bedenkov-1989@mail.ru

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND SPIRITUALITY AS THE BASIS OF STATEHOOD IN RUSSIA

Annotation. The object of the research is the phenomenon of legal awareness and spirituality. The subject of this study is theoretical ideas about the state and ways of strengthening spiritual guidelines in the formation of legal consciousness as the basis of statehood. The purpose of the article is to conduct a theoretical analysis of the formation of legal consciousness and spirituality in society. The author used the following research methods: dialectical, logical, historical-legal, system-structural and formal-legal.

Keywords: archetype, sense of justice, faith, spirituality, morality, statehood, duty, law and order.

Особый интерес представляет исследование правосознания в древнерусской государственно-правовой жизни. Несмотря на появляющиеся новые данные, которые предоставляет современная историческая наука, в этой сфере остается много пробелов. По некоторым вопросам (к примеру, о понятии Высшего Бога у древних славян) авторы пока не смогли выработать единой позиции, что, в свою очередь, препятствует формированию целостного представления о праславянском правосознании. Очевидно одно – праславянский этап русской истории был очень продолжительным и уходил в глубину веков. Известный ученый, историк и теоретик права В.А. Томсинов высказал мысль о том, что до наших дней из литературного наследия Древней Руси дошло чуть более одного процента от того, что было [8, с. 61]. Действительно, ведическая славянская литература была богата и разнообразна, но, к сожалению, от нее сохранилось немного.

Говоря об отношениях, в древнем славянском обществе следует отметить, что они регулировались принципами кона (духовно-нравственными принципами). От термина «кон» произошли древнерусские слова «канон», «покон», «испокон», «закон» [7, с. 343]. Принцип всегда уровнем выше законодательной нормы, ибо вмещает в себя несравнимо больше. Правовой порядок, таким образом, держался на внутренней нравственной силе человеческого духа.

В то далекое время Законы природы и космоса воспринимались каждой отдельной личностью и

обществом скорее инстинктивно, интуитивно; как считалось, в этих Законах была заключена высшая справедливость бытия. Данные законы определяли основу всего спектра государственно-правовых явлений в обществе того периода. К этим Законам относили: Закон творения, Закон бытия и Закон развития. Мир хотя и понимался как единое целое, но все же делился на три основные субстанции, которые постоянно сменяли друг друга, олицетворяя эволюцию Вселенной, колесо-вращение: Явь, Навь и Правь. Явь – это светлый мир, «белый свет». Навь – загробный мир, «тот свет». Правью же называлась безусловная истина; Высший принцип; Божественный порядок; образ благодатного мира; Всеобщий Закон, которым управлялся материальный мир – Явь [2, с. 573]. Идя по данному пути и имея самобытную духовную культуру, наши предки жили по совести, в мире и гармонии, никогда не противопоставляли себя законам природы и не ставили себя выше, чем законы мироздания.

Говоря о развитии правосознания начиная с конца X века, можно констатировать, что оно пережило определенную эпоху становления, где ключевым фактором формирования правосознания выступала Православная вера. Неся в себе византийские ценности, православная вера существенным образом скорректировала мировоззрение русского народа, что придало правосознанию еще более специфические черты. Право в русском правосознании представляло собой неразрывное единство с Правдой как одного из его духовных оснований, которое, в свою очередь, определяло традиционную нравственную суть человека.

Киевский митрополит Иларион (XI в.), в своем труде «Слово о Законе и Благодати» размышляет о дохристианском Законе, Правде русской и Законе Моисея. Термин «Закон» употребляется автором в теолого-юридическом смысле. Закон Моисея – Пятикнижие иудеев – он противопоставляет Благодати (Новому завету христиан). Иларион акцентировал внимание на универсальности и общечеловечности христианства в отличие от иудаизма – национальной религии евреев. Иларион признает Закон (Ветхий Завет) в смысле необходимости соблюдения его духа, внутреннего смысла. По его мнению, этот Закон является подготовительным средством для принятия Благодати (Нового завета христиан) и Истины [6, с. 39–40]. Сначала человек, словно «скверный сосуд», омывается «водой-Законом», а затем оказывается способным воспринять «молоко Благодати». Правовое государство Иларион понимает как государство Правды, в котором осуществляется Праведное государственное правление и действует Закон Правды. Человеческий Закон автор не превозносит, считая, что он отражает несовершенную, греховную природу человека, не постигнувшего сущности Праведного бытия; однако он необходим, чтобы люди не истребили друг друга, и потому ценен для нравственно слабых, которым легко оступиться. Закон – только тень идеала; идеал же – Правда, как Абсолютная идея Совершенства, постичь которую можно в процессе

духовного восхождения. Таким образом, человек должен превозмочь свою грешную натуру и принять Правду – Благодать. Первейшей задачей Иларион считал формирование духовного опыта и правосознания у правителя [4, с. 28–29]. Также, особое внимание уделялось нравственному аспекту, т. к. достаточно часто правосознание переплеталось с моральными воззрениями. Каждый человек формировал свое правосознание на нормах морали и понимании всех ценностей этих норм, в связи с чем, должен был относиться к праву с позиции высокой нравственности. Недостаточно просто знать право, необходимо с уважением относиться к нему, выполнять требования законов не из-за страха наказания, а по внутреннему убеждению.

Таким образом, особенности российской государственности были следующими:

– российское общество, право и нравственность представляли собой неразрывное единство;

– над правами и свободами в русских общинах возвышались обязанности;

– правомерное поведение преобладало над правонарушениями не под угрозой репрессий, а, исходя из чувства долга перед родом и общиной;

– закон как свод писанных формальных правил ставился на второе место после истины, заключенной во внутреннем смысле идеи права.

Говоря о Российском государстве XV–XVI вв., стоит согласиться с мнением Ю. Крижанича, который писал о своеобразии русского правосознания: «Ведь никто не живет для себя, как говорит апостол, то есть никто не рожден для того, чтобы жить только для себя и заботиться только о своих удовольствиях, но каждый человек должен знать какое-нибудь дело, которое будет полезным также и для всех людей. А дело, которое кто-либо делает для общего блага и с помощью которого зарабатывает или заслуживает свой хлеб, называется обязанностью» [5, с. 278].

Православная идея у Ю. Крижанича была выражена с необычайной любовью и полнотой. Говоря о порядках на Руси, он отмечал возникающую деформацию правосознания народа, но при этом уповал на высокую значимость духовных и нравственных начал, которые определяли поведение человека.

Говоря о формировании правосознания в конце XIX – начале XX вв., справедливо отмечал Н.Н. Алексеев, что здоровое правосознание – не что-то невозможное, недостижимое. Духовный опыт познания надо уметь сделать соборным опытом, считаясь с историческими условиями, и построить на нем систему учреждений, которые отражали бы в себе истинно святое и ценное [1, с. 154].

Исследуя достоинства концепции Н.Н. Алексеева, можно сделать вывод о том, что он учитывал исторические и культурные корни русского

правосознания, а также его архетипы: максимальную наполненность права нравственностью, принципы соборности, любви, справедливости и правды, на которых должно строиться российское общество. Ученый указал на необходимость работы над формированием здорового правосознания общества, и на то, что эту работу надо проводить с каждым индивидом. При этом Н.Н. Алексеев вполне адекватно оценивал возможности государства и недостижимость правового идеала, что вовсе не означает, что идеалов быть не должно. Достичь совершенства невозможно; однако, стараться достичь его, безусловно, необходимо.

Концепцию понимания правосознания отразил в своих трудах выдающийся философ И.А. Ильин. Он констатировал, что современное человечество, переживает кризис правосознания. Беспочвенное правосознание теряет свое благородное направление, забывает свои священные основы, подчиняется скептицизму и нигилизму. Оно разучивается видеть добро и зло, право и несправедливость. Необходимо вести планомерную систематическую борьбу за укрепление и очищение правосознания. Задача воспитания состоит в том, чтобы выявить в инстинкте духовное начало, причем не навязать его принудительно, а сделать так, чтобы оно стало свободным предпочтением личности.

Уникальный кругозор И.А. Ильина позволил ему создать оригинальную концепцию понимания правосознания, которая объединила в себе все существующие подходы к изучению данной проблемы. Его учение о правосознании фундаментально и является целостной системой, в которой можно выделить историческую, психологическую, культурологическую, религиозную и этическую составляющие. Право и правосознание для ученого составляют неразрывное единство. К особым достоинствам концепции И.А. Ильина также стоит отнести положения об основных

направлениях воспитания «нормального» (здорового) правосознания, а также о необходимости постоянной и целенаправленной работы над этим.

Говоря о современных условиях развития общества, стоит отметить, что в XXI веке как никогда остро стоят вопросы укрепления правосознания. В эпоху развивающейся системы международного или так называемого «транснационального права», создаются государственные и общественные учреждения для воплощения единого смысла жизни, а также общих универсальных ценностей, целей и принципов, с помощью которых предлагается упорядочить общемировой уклад. Происходящие процессы нарастающей бездуховности, разобщения и обезображивания человеческой души закономерно приведет к деформации правосознания современного человека. В целях укрепления государственности необходимо усилить внимание законодательных органов в вопросе совершенствования правовой системы нашего государства, чтобы избежать бездумного копирования положений законодательства соседних стран или даже так называемых общепринятых международных правовых стандартов без тщательной теоретико-правовой оценки и предварительного учета заповедей божьих, традиций, обычаев и духовных ценностей народа нашей Родины.

В заключении необходимо сделать вывод о том, что наше общество должно быть заинтересовано не в создании видимого внешнего блеска государства, а стремиться к внутренней первоочередной ценности общечеловеческого счастья. При этом высокого уровня правосознания и укрепления государственности можно достичь, олицетворяя только духовные и нравственные начала абсолютных, вечных и неизменных заповедей, а также всеобщей веры и любви между людьми и Богом.

Литература:

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права // СПб. : Лань, 1999. С. 154.
2. Асов А.И. Святорусские Веды. Книга Коляды // М. : ФАИР, 2010. С. 573.
3. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ставрополь, 2011. С. 11.
4. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Демченко Тамила Ивановна. Ставрополь, 2011. С. 28–29.
5. Крижанич Ю. Политика. М. : МИК, 1997. С. 278.
6. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. С. 39–40.

Literature:

1. Alekseev N.N. Fundamentals of the philosophy of law. SPb. : Lan, 1999. P. 154.
2. Asov A.I. Svyatorusskie Vedas. The book of Kolyada M. : FAIR, 2010. P. 573.
3. Demchenko T.I. Legal consciousness in ancient Russian and Russian state and legal life : author's abstract. dis. ... doct. jurid. sciences. Stavropol, 2011. P. 11.
4. Demchenko T.I. Legal consciousness in ancient Russian and Russian state-legal life: author. dis. ... doct. jurid. sciences: 12.00.01 / Demchenko Tamila Ivanovna. Stavropol, 2011. P. 28–29.
5. Krizhanich Y. Politics. M. : MIC, 1997. P. 278.
6. Metropolitan Hilarion. Word on Law and Grace/Editor-in-Charge. M. : Institute of Russian Civilization, 2011. P. 39–40.

7. *Сорокин В.В.* Понятие и сущность права в духовной культуре России. М. : Проспект, 2007. С. 343.

8. *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли XXVIII в. М. : Зерцало, 2003. С. 61.

7. *Sorokin V.V.* The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia. M. : Prospect, 2007. P. 343.

8. *Tomsinov VA* History of Russian political and legal thought of the XXVIII century. M. : Zertsalo, 2003. P. 61.

Борисова Екатерина Константиновна
студентка 2 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
katyshkin.2015@mail.ru

Лицензионный договор о предоставлении права использования изобретения: понятие, признаки, субъекты, виды

Аннотация. Легальное определение лицензионного договора содержится в норме 1367 ГК РФ: лицензионный договор – это соглашение, в силу которого одна сторона – патентообладатель (лицензиат) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) удостоверенное патентом право использования изобретения в установленных договором пределах. В данной статье рассмотрены подходы к лицензионному договору. Рассмотрены доктринальные подходы к толкованию понятия «лицензионный договор», выявлены особенности соглашения, определен субъектный состав и выявлены виды.

Ключевые слова: лицензионный договор, интеллектуальные права, изобретения, фармацевтика, лекарственные средства.

Легальное определение лицензионного договора содержится в норме 1367 ГК РФ: лицензионный договор – это соглашение, в силу которого одна сторона – патентообладатель (лицензиат) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) удостоверенное патентом право использования изобретения в установленных договором пределах [1].

Признаки данного соглашения:

- 1) взаимный характер;
- 2) возмездный;
- 3) нематериальная природа объектов, в отношении которых осуществляется распоряжение исключительными правами;
- 4) временный (срочный) характер лицензионного договора;
- 5) может быть консенсуальным или реальным.

В юридической литературе к последнему признаку относятся не однозначно.

Так, в доктрине отмечается, что консенсуальный договор – это договор, который считается

Ekaterina K. Borisova
Student of the 2nd year of Master's studies,
Law Institute
Tomsk State University
katyshkin.2015@mail.ru

LICENSE AGREEMENT ON THE GRANTING OF THE RIGHT TO USE AN INVENTION: CONCEPT, SIGNS, SUBJECTS, TYPES

Annotation. The legal definition of the license agreement is contained in rule 1367 of the Russian Central Committee: a license agreement is an agreement by which one party – the patent holder (licensee) grants or undertakes to grant the other party (licensee) the right to use the invention within the contractual limits. This article discusses the approaches to the licensing agreement. The doctrinal approaches to the interpretation of the concept are considered, the features of the agreement are revealed, the subject composition is determined and the types are identified.

Keywords: license agreement, intellectual rights, inventions, pharmaceuticals, medicines.

состоявшимся (заключенным) в тот момент, когда стороны договора достигли согласия по его условиям [2]. Данная позиция является общепринятой.

Реальный договор, в отличие от консенсуального, предполагает, что нужно не только согласовать существенные условия, но и передать определенное имущество. Эта разница влияет на момент заключения договора и, как следствие, допускает возможность стороны требовать от другой исполнения обязательства. Но нам необходимо учитывать особенность рассматриваемых объектов.

Рассмотрим данные признаки относительно лицензионного договора.

Некоторые авторы считают, что лицензионный договор может быть построен только по модели консенсуального договора, объясняя это тем, что одним из существенных условий рассматриваемого договора является определение способов использования переданных прав, что непосредственно обусловит консенсуальную модель договора [3].

Другие авторы наоборот считают, что в законодательстве справедливо содержится такая

конструкция, поскольку она служит развитию диспозитивности гражданско-правового регулирования[4]. С данной позицией трудно не согласиться, поскольку в данных правоотношений принцип диспозитивности является преобладающим.

По правовой природе лицензионный договор может существовать по модели как консенсуального, так и реального договора.

Существенными условиями рассматриваемого договора является предмет и условие о вознаграждении.

Относительно предмета лицензионного договора о предоставлении права использования изобретения в юридической науке существует дискуссия.

Так, ряд авторов полагает, что лицензионный договор имеет черты сходства с традиционными договорами купли-продажи и найма [5].

Но с вышеназванной позицией тяжело согласиться, поскольку, проанализировав специфику лицензионного договора, мы можем сделать вывод о том, что его юридическая природа определена как самостоятельный гражданско-правовой договор, предметом которого является передача правообладателем исключительного права на конкретный охраняемый законом объект интеллектуальной собственности для использования способами и в пределах, установленных в договоре.

Далее, некоторые авторы считают, что предметом лицензионного договора выступает непосредственно изобретение, то есть, право его использования, которое предусмотрено данным соглашением [6].

Полагаем, что предмет данного договора включает в себя: объект, т.е., определенное изобретение и предоставление права использования в определенных пределах и определенными способами.

Следующая позиция основывается на том, что предметом лицензионного договора является описание изобретения, права использования, которые передаются и дата выдачи, удостоверяющего документа.

При данном виде соглашения исключительные права в полном объеме не передаются. Лицо, которому предоставляется лицензия, имеет право пользоваться изобретением только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором. То есть, по лицензионному договору не передается право распоряжения исключительным правом лицензиару.

Стороны лицензионного договора абсолютно свободны и могут самостоятельно выбрать способ использования изобретения.

Что касается пределов использования, то они также устанавливаются соглашением сторон, но они определяют условия о предмете, сторонах,

сроках, цене. Таким образом, приведенные термины не тождественны друг другу.

Сторонами лицензионного соглашения являются:

1. Лицензиар – правообладатель.
2. Лицензиат – лицо, которому предоставляется право пользования объектом патентных прав.

Существенные условия лицензионного договора:

- 1) результат интеллектуальной деятельности;
- 2) способы его использования;
- 3) информация о территории, на которой может быть использовано изобретение в сфере фармацевтики. Ограничение использования предмета какой-либо территорией может быть обусловлено локализацией пандемии в определенном регионе РФ. В случае не указания данного условия, у лицензиата появляется право использования предмета договора на всей территории России;
- 4) срок действия лицензионного договора устанавливается соглашением сторон. Но следует заметить, что гражданским законодательством РФ установлено ограничение данного срока, а именно, он не может превышать срок действия исключительного права на изобретение в сфере фармацевтики, то есть, 20 лет и 5 лет в случае продления его действия на лекарственные препараты.

Если срок соглашением не установлен, то договор считается заключенным на 5 лет. В случае, когда исключительное право прекращается, то прекращается и действие лицензионного договора;

- 5) цена за пользование изобретением;
- 6) вид лицензионного договора.

Важным в данном соглашении является указание способа и пределов использования лекарственных средств или медицинского оборудования, охраняемых патентным правом.

Форма данного договора – письменная. Согласно абзацу 2 пункту 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», несоблюдение письменной формы такого договора влечет его ничтожность [9].

Предоставление права использования изобретения в сфере фармацевтики по лицензионному договору подлежит государственной регистрации на основании абзаца 2 пункта 2 статьи 1235 ГК РФ. Несоблюдение требований о государственной регистрации лицензионного договора влечет его недействительность.

В законодательстве РФ выделено несколько видов лицензионных договоров – данное видовое разграничение зависит от объема передаваемых прав. Так, существуют:

Исключительная лицензия. Она содержит в себе условия о том, что у лицензиара есть право пользоваться изобретением только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором, но у лицензиата отсутствует право выдачи лицензии на данный объект другим лицам. Данная лицензия более востребована в компаниях, которые обладают исключительным правом на изобретения в сфере фармацевтики, поскольку лицензиат становится более конкурентоспособным на рынке.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 ноября 2006 г.; одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 08 декабря 2006 г.; введ. Федер. законом Рос. Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ; в ред. Федер. закона от 03 июля 2016 г. № 314-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496; Рос. газ. 2006. 22 дек.
2. *Гаврилов Э.П.* Консенсуальные и реальные договоры в части четвертой ГК РФ // *Хозяйство и право. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».*
3. *Демьяненко Е.В.* Понятие и правовая природа лицензионного договора / Е.В. Демьяненко, А.В. Шпак // *Юристъ-Правоведъ*. 2019. С. 47–50.
4. *Васильев В.В.* Актуальные аспекты правового регулирования лицензионного договора // *Проблемы в российском законодательстве*. 2012. № 6. С. 99–102.
5. *Гришаев С.П.* Договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор в патентном праве // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. С. 12–17.
6. *Богуславский М.М.* Правовые вопросы технической помощи СССР иностранными государствами и лицензионные договоры. М., 1963. 247 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» документ представлен Юриспруденция: вопросы российского и международного права. URL : www.consultant.ru

Неисключительная. Неисключительная лицензия – это такая лицензия, которая предоставляет право лицензиату использовать лекарственное средство или медицинское оборудование, но также включает право лицензиара на выдачу лицензий на данные объекты другим лицам. Данный вид лицензий в фармацевтической области встречается довольно редко, это связано с тем, что у лицензиата отсутствует конкурентоспособность с другими фирмами.

Literature:

1. Civil Code of the Russian Federation. Part four of December 18, 2006 № 230-FZ: adopted by the State. Duma Feder. Coll. Grew up. Federation on November 24, 2006; approved Federation Council Feder. Coll. Grew up. Federation on December 08, 2006; entered Feder. Ros law. Federation of December 18, 2006 № 230-FZ; as amended by Feder. Law of July 3, 2016 № 314-FZ // *Sobr. legislation Ros. Federation*. 2006. № 52. Art. 5496; *Ros. gas*. 2006. Dec 22.
2. *Gavrilov E.P.* Consensual and real agreements in the fourth part of the Civil Code of the Russian Federation // *Economy and Law. Reference and legal system «ConsultantPlus».*
3. *Demyanenko E.V.* Concept And Legal Nature of the License Agreement / E.V. Demyanenko, A.V. Shpak // *Jurist-Pravoved*. 2019. P. 47–50.
4. *Vasiliev V.V.* Actual aspects of legal regulation of the license agreement // *Gaps in Russian legislation*. 2012. № 6. P. 99–102.
5. *Grishaev S.P.* Agreement on the alienation of exclusive rights and a license agreement in patent law // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2009. P. 12–17.
6. *Boguslavsky M.M.* Legal issues of technical assistance to the USSR by foreign states and licensing agreements. M., 1963. 247 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 № 10 «On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation» the document is presented *Jurisprudence: issues of Russian and international law*. URL : www.consultant.ru

Гаевой Александр Иванович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права,
Российский государственный
университет правосудия,
Северо-Кавказский филиал
sgaevoy@bk.ru

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Традиционно, термин «диспозитивность» ассоциируется с одним из принципов гражданского судопроизводства, согласно которому стороны свободно распоряжаются своими материальными и процессуальными правами. Что же касается использования принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, то надо заметить, что прямого указания, в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ нет. Публикация посвящена теоретико-правовым проблемам формирования института Применения технических средств в уголовном судопроизводстве; разработке отдельных его понятий и общих правил, в том числе на основе принципа диспозитивности.

Ключевые слова: диспозитивность, публичность, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальный институт, применение технических средств, принципы уголовного судопроизводства, метод правового регулирования, «Техническое средство», «Технологии», «субъекты применения технических средств», «цели и задачи применения технических средств», «пределы допустимости технических средств».

Традиционно термин «диспозитивность» [1] ассоциируется с одним из принципов гражданского судопроизводства, согласно которому стороны свободно распоряжаются своими материальными и процессуальными правами. Что же касается использования принципа диспозитивности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, то надо заметить, что прямого указания, в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ. (далее – Закон) нет. Однако если проанализировать процессуальные нормы, то совсем нетрудно будет обнаружить целый ряд положений, свидетельствующих о его существовании.

Как справедливо замечает В.Н. Руткевич, принцип диспозитивности в уголовном процессе – «... проходит «красной нитью» буквально через все его стадии...» [2, с. 263–268]. И, действительно, данный принцип неразрывно связан с

Alexander I. Gayeovoy
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Law of Criminal Procedure,
Russian State University
of Justice North Caucasian branch
sgaevoy@bk.ru

DISPOSITIVITY AS A PRINCIPLE OF APPLICATION OF TECHNICAL MEANS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. Traditionally, the term «dispositiveness» is associated with one of the principles of civil justice, according to which parties freely control their material and procedural rights. As for the use of the principle of dispositiveness in the criminal proceedings of the Russian Federation, it should be noted that there is no direct indication in the norms of the Criminal Procedure Code of the R.F. The publication is devoted to theoretical and legal problems of formation of the Institute Of application of technical means in criminal proceedings; development of its separate concepts and General rules, including on the basis of the principle of dispositivity.

Keywords: depositnot, publicity, criminal justice, criminal procedure, Institute, technology, principles of criminal procedure, method of legal regulation, «technology», «Technology», «subjects the use of technical means, goals and tasks of application of technical means», «limits of admissibility of means».

реализацией назначения всего уголовного судопроизводства. Он фактически выступает тем необходимым средством в достижении конечной цели – «... защиты прав и законных интересов лиц, ... потерпевших от преступления ...», а также «...защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод...» [2].

Российский уголовный процесс, с учетом исторически сложившейся модели правовой системы, всегда тяготел к всеобщему публичному началу, поскольку он относится к романо-германской семье права. С учетом этого обстоятельства, в отечественном уголовном судопроизводстве выстраивается определенная вертикаль государственной власти, с одной стороны, государственные органы, наделенные определенными властными полномочиями, а с другой, граждане и

юридические лица, на которых возложены определенные обязанности (ст. 20–21 УПК РФ). В качестве основного метода правового регулирования используется императивный метод, где типичным приемом выступает предписание – все, что не разрешено – запрещено.

В свое время, один из известных английских юристов и философов XIX века, Иеремия Бентам, размышляя о сущности прав и свобод человека и об их ограничениях существующих в Законе и в обществе, писал: «... Пытаться создать законы, которые не влекут никакого ограничения – это безумие», ... но устранить всевозможные ограничения, которые являются чрезмерными и таким, которые угнетают – это цель, к которой несется ум...» [3].

В этой связи, как нам представляется, что легальное использование в уголовном судопроизводстве принципа диспозитивности может укорить процесс создания необходимой демократической платформы – системы правовых норм, призванных обеспечить соблюдение прав и законных интересов граждан.

В юридической литературе бытует мнение о том, что принцип диспозитивности является прямой противоположностью принципа публичности. Между этими двумя принципами очень часто возникает конфликт, который во время усиления государственной власти разрешается путем уменьшения субъективных прав граждан, вовлеченных в уголовный процесс [4. с. 73–78]. Надо признать, что уголовного процесса, построенного только на основе принципа публичности или диспозитивности, практически не бывает. В данном случае необходимо понимать, что эффективным он (процесс) станет только в случае сбалансированности этих двух принципов.

В основе реализации принципа диспозитивности в уголовном процессе лежит неотъемлемое право каждого участника процесса действовать по своему усмотрению в целях реализации представленных им субъективных прав (например, по делам частного обвинения выступать в качестве частного обвинителя и на основе представленных суду доказательств, добивать защиты нарушенных его прав, возмещения гражданского иска и т.п.).

Разработка основных положений института применения технических средств, на основе принципа диспозитивности, обусловлена как минимум двумя моментами:

– во-первых, необходимостью предоставления участникам процесса, в первую очередь, подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и свидетелю, более широких прав в применении технических средств;

– во-вторых, необходимостью дальнейшей модернизации уголовного судопроизводства на основе проведения демократических преобразований с целью повышения его эффективности и снижения финансовых затрат.

Что касается состояния правового регулирования применения технических средств в современном уголовном судопроизводстве, то его можно охарактеризовать как крайне противоречивое [2].

Следуя логике законодателя, только два участника процесса (следователь и специалист), являются полноправными субъектами применения технических средств – другие, вправе использовать только те, которые указаны в конкретной норме Закона (например, ст. 278.1 УПК РФ).

В некоторых случаях, законодатель формулирует нормы так, что о наличии возможности применения того или иного технического средства можно только догадываться. Например, дознаватель, являясь субъектом собирания доказательств, вправе проводить следственные и иные процессуальные действия, однако, по смыслу содержания той же ст. 164 УПК РФ, он таким правом не наделен. Отсюда, напрашивается вполне логичный ответ: дознаватель не является субъектом применения технических средств, что в принципе противоречит основной идеи процесса доказывания. И это не единственное упущение законодателя, если обратиться к содержанию ст. 57 УПК РФ, то заметим, что эксперт, призванный в уголовном процессе проводить экспертные исследования, в том числе и с использованием технических средств и технологий, таким правом не наделен.

В отдельных случаях, применяемые технические средства закреплены путем их прямого перечисления: – например, в части первой ст. 166 УПК РФ сказано, что «... протокол ... может быть изготовлен ... с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка аудио- и видеозапись ...». В этой связи, хотелось бы вспомнить высказывание Р.С. Белкина, который, рассуждая о проблемах внедрения результатов научно-технического прогресса в судебно-следственную практику, в одной из своих статей, еще в 1977 году писал: « ...Всякая попытка выразить в одной правовой норме или даже в системе правовых норм исчерпывающий перечень технических средств, ... нереальна, ибо она явится попыткой остановить процесс развития и совершенствования практики борьбы с преступностью...». Далее он пишет, что «... руководствуясь фактически существующим перечнем допускаемых законом технических средств («правомерно то, что упоминается в законе»), можно всегда объявить незаконным любое новое техническое средство ... работы с доказательствами уже по одному тому признаку, что они в законе не упоминаются ...» [5].

Из-за отсутствия в УПК базовых понятий, таких как: «техническое средство», «технологии», «субъекты применения технических средств», «цели и задачи применения технических средств», «пределы допустимости технических средств», а также, наблюдается не только неопределенность их правового статуса и порядка использования в уголовно-процессуальной деятельности, но и неясность нормативно-правовых формулировок, что, в конечном счете, негативно

сказывается не только на качестве дознания и предварительного следствия, но и на результатах судебного разбирательства.

Практикуемый законодателем порядок внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, касающихся применения технических средств, представляется непоследовательным и не эффективным. Так, если бы изначально в Законе было закреплено право каждого участника процесса, в интересах судопроизводства, применяющие любые технические средства, отвечающие требованиям их безопасности (для других участников процесса, а также, для посторонних граждан и окружающей среды) в целях оптимизации процесса реализации возложенных на них прав и обязанностей, например, применение той же видеоконференц-связи стало бы возможным не только для суда, но и для других участников процесса, следователя, защитника, подозреваемого, обвиняемого и других его участников, чьи интересы были нарушены в ходе судопроизводства.

Предоставление законодателем более широких прав всем участникам процесса применять любые технические средства не только оптимизировало бы процесс доказывания на досудебных стадиях, но и повысило бы его эффективность, обеспечило право на защиту подозреваемого (обвиняемого). Возможно, тогда в правоприменительной практике не было бы таких сложных и курьезных случаев, граничащих с явным и не прикрытым нарушением норм УПК, со стороны отдельных должностных лиц органов дознания, предварительного следствия и суда, как это случилось в рамках производства уголовного дела, возбужденного по ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки) в отношении гр. Г., где вначале, сотрудниками органов дознания, осуществлявшими оперативно-разыскные мероприятия, были совершены явно провокационные и подстрекательские действия, связанные с передачей ей денежных средств в виде взятки, которые затем продолжились уже противоправным поведением следователя. В частности, оперативные работники, находившиеся в помещении, где проводились первоначальные и неотложные следственные действия, по требованию следователя, фактически применяя физическую силу, воспрепятствовали законному присутствию адвоката гр. Г., тем самым грубо нарушили ее право на защиту и право защитника на осуществление своей профессиональной деятельности. Не остался в стороне, в этом отношении, и районный суд, рассматривавший жалобу стороны защиты, который отказался приобщать к

Литература:

1. Происходит от позднелатинского. *dispositivus* – распоряжающийся, от лат. *dispono* – располагаю, устраиваю.
2. Противоречивое положение института применения технических средств объясняется, весьма нелогичным рассредоточением норм УПК РФ в которых указывается на возможность применения того или иного технического средства, а также

материалам дела видеозапись и давать ее содержанию правовую оценку, сославшись на то что, ее источник имеет незаконный характер происхождения [6].

В завершении хотелось бы заметить, что легальное использование диспозитивности в уголовном судопроизводстве в качестве своего отраслевого и институционального принципа, в частности, как одно из ключевых принципов института примененным образом изменить ситуацию не только с реализацией принципов равенства и состязательности сторон на досудебных стадиях процесса, но что, самое главное, способствовало повышению эффективности уголовному судопроизводству, в целом. Например, та же сторона защиты, получив значительные права в области применения современных технических средств, сможет серьезным образом влиять на процесс и объем доказывания, осуществляемого стороной обвинения по уголовному делу.

Итак, подведем вкратце итоги нашему исследованию:

1. Отсутствие принципа диспозитивности в действующем УПК РФ, на наш взгляд, не может не сказываться негативно на любых попытках законодателя в проведении реформ по пути демократических преобразований.
2. Современное правовое регулирование применения технических средств в том виде, в котором оно существует в УПК РФ, не способно эффективно решать проблемы, существующие в процессе производства по уголовному делу.
3. Существующая в Законе совокупность процессуальных норм, регламентирующих применение технических средств в уголовном судопроизводстве, так и не сформировалась в самостоятельный уголовно-процессуальный институт, объединяющий в себе единую систему унифицированных и логически взаимосвязанных между собой: понятий, общих правил и принципов, закрепленных в нормах УПК РФ, что, само по себе, не позволяет сформировать определенную правовую платформу для обеспечения процесса создания единого информационного пространства организации деятельности и взаимодействия судов всех уровней, формирования баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей [3].

Literature:

1. Comes from Late Latin. *dispositivus* – disposing, from lat. *dispono* – located, arranged.
2. The contradictory position of the institute of the use of technical means is explained by the very illogical dispersion of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, which indicates the possibility of using a technical means, as well as the lack of

отсутствием между ними общей терминологической и логической связи.

3. См.: Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22.12.2008 № 262-ФЗ; Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей РФ 05 декабря 2019). URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/#review> (дата обращения 29.06.2020).

a common terminological and logical connection between them.

3. See: Federal Law «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation» dated 22.12.2008 № 262-ФЗ; The concept of the information policy of the judicial system for 2020–2030 (approved by the Council of Judges of the Russian Federation on December 05, 2019). URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73061586/#review> (date of application 29.06.2020).

Гилёва Наталия Владимировна
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения
наказаний России
nataliya.gileva@mail.ru

Natalia V. Gileva
Candidate of Historical Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vologda Institute of Law and Economics
Federal Execution Service
Penalties of Russia
nataliya.gileva@mail.ru

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

VIOLENCE IN FAMILY

Аннотация. Статья посвящена вопросам насилия в семье. Рассмотрены особенности принятия закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Определены основные законодательные акты, регулирующие предотвращение насилия в семье. Рассмотрены наиболее актуальные вопросы, касающиеся жестокого обращения с женщинами и детьми. Приведены наиболее яркие примеры случаев насилия в семье, которые вызвали общественный резонанс. Даны необходимые рекомендации для преодоления обществом противоправных действий в отношении женщин и детей.

Annotation. The article is devoted to the issues of domestic violence. The features of the adoption of the law «On the prevention of domestic violence in the Russian Federation» are considered. The main legislative acts regulating the prevention of domestic violence have been identified. The most pressing issues related to abuse of women and children are considered. The most striking examples of cases of domestic violence that have caused a public outcry are given. The necessary recommendations for overcoming by the society illegal actions against women and children are given.

Ключевые слова: насилие в семье, уязвимые категории населения, профилактика семейно-бытового насилия, опека и попечительство.

Keywords: domestic violence, vulnerable categories of the population, prevention of family and domestic violence, guardianship and guardianship.

Одной из самых актуальных тем в настоящее время в Российской Федерации остается насилие в семье. Прежде всего, насилию разного характера подвергаются наиболее уязвимые категории населения: дети, женщины, старики. С февраля 2017 года побои в отношении родственников перешли из разряда уголовно наказуемых деяний в административные правонарушения в том случае, если это произошло впервые.

будет задерживаться. При этом, как отметила в своем выступлении Уполномоченный по правам человека в РФ Т. Москалькова, в апреле этого года число случаев домашнего насилия увеличилось в 2,5 раза. Однако МВД заявляет, что количество тяжких и особо тяжких деяний в семейно-бытовой сфере значительно снизилось [3]. Количество случаев домашнего насилия за время карантина выросло в 2,5 раза.

Начиная с 2016 года, законодатели активно обсуждают возможность принятия закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» [1]. В конце 2019 года на сайте Совета Федерации была опубликована последняя версия законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия. До июня 2020 года принимались поправки, и проходило общественное обсуждение. Одной из основных целей закона являются защитные и охранные меры для родственников (близких) от агрессора. Так нарушителям будет запрещено вступать в любые контакты с жертвой, его могут обязать покинуть совместное жилье. Также, законопроект дает определение, что такое семейно-бытовое насилие, предусматривает меры профилактического воздействия.

Данный закон является еще актуальным и по причине наличия в обществе серьезных преступлений против женщин и детей, которые вызывают широкий отклик у населения и освещаются в средствах массовой информации. В городе Омске в марте 2020 г. был вынесен приговор женщине, признанной виновной в убийстве малолетней дочери. Следствием и судом было установлено, что мать ребенка и ее сожитель находились в состоянии сильного алкогольного опьянения. Ребенок в возрасте 1 года 10 месяцев, который ел булочку, накрошил. Мать, применяя силу, накормила девочку, та перестала дышать и скончалась от асфиксии органов дыхания. Мать девочки получила 11 лет колонии общего режима. Кроме того, была назначена проверка деятельности органов опеки и попечительства, так как семья считалась неблагополучной [2].

Данный закон, вызвавший большой резонанс в обществе, должен был быть принят в первом полугодии 2020 года. Но, учитывая сложную эпидемиологическую ситуацию в стране, принятие его

В Алтайском крае 22-летний местный житель обвиняется в убийстве молодой женщины и двух ее

детей. Ночью 22 августа 2019 года женщина собрала вещи, взяла детей и решила уехать из города. Родной брат супруга повез семью в сторону вокзала. В процессе следования в пути произошел конфликт, в результате чего, родственник автомобильным тросом задушил малолетних детей в возрасте 4 и 9 лет, а чуть позже и их мать. Далее закопал тела в лесу и в течение нескольких дней заливал их бетоном [2].

Насилие в отношении родственников, особенно детей, применяют и женщины. В Кировской области возбуждено уголовное дело в отношении женщины, которая оставила двух малолетних детей без присмотра на несколько дней в закрытом доме. В селе Быковка инспектор по делам несовершеннолетних нашла в закрытом доме двух детей 2017 и 2019 г. рождения. Жилое помещение не отапливалось, пищи не было, мать отсутствовала несколько дней. Детей доставили в медицинское учреждение [2].

Нередки случаи, когда насилие в отношении детей, применяют сразу несколько родственников. Примером этого служат жестокие истязания 6-летнего Стёпы Кукина в Вологде. На протяжении нескольких лет мальчика в приемной семье избивали, медицинскую помощь ему не обеспечивали. 10 августа 2018 года опекун Ю. Блохина, находясь дома в состоянии алкогольного опьянения, нанесла ребенку множество ударов руками и подручными предметами. Мальчику был причинен тяжкий вред, он впал в кому. Через несколько

Литература:

1. Проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». URL : <http://www.counil.gov.ru.events/neys/118489> (дата обращения 20.07.2020).
2. Следственный комитет Российской Федерации. URL : <http://www.sledcom.ru/neys/item/1486015> (дата обращения 03.09.2020).
3. Число случаев домашнего насилия увеличилось в 2,5 раза. URL : <http://www.ru.evroneews.com/2020/07/128/spain> (дата обращения 22.07.2020).

месяцев Степан скончался, не приходя в сознание.

Дело рассматривалось коллегией присяжных заседателей. Юлии Блохиной было назначено наказание в виде 18 лет лишения свободы в исправительной колонии общего режима, Евгению Блохину – 4 года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [2].

И, безусловно, одним из показательных случаев домашнего насилия является дело сестер Хачатурян, обвиняемых в убийстве своего отца. 27 июля 2018 года 3 сестры (одна несовершеннолетняя) по предварительному сговору, испытывая неприязнь к отцу, нанесли ему 26 ножевых ранений. От полученных травм мужчина скончался. Мотивом преступления стали длительные физические и моральные страдания девушек, которые причинял им отец. В настоящее время дело передано в суд [2].

К сожалению, по всей стране, множество таких примеров. Мы считаем, что необходимо принятие закона «О профилактике семейно бытового насилия в Российской Федерации». Кроме того, надо активнее опираться на опыт законодательной практики других государств в этой сфере. Более требовательно относиться к деятельности органов опеки и попечительства, МВД РФ по защите и предотвращению противоправных действий, особенно по отношению к женщинам и детям.

Literature:

1. Draft law «On the prevention of domestic violence in the Russian Federation». URL : <http://www.counil.gov.ru.events/neys/118489> (date of application 20.07.2020).
2. Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <http://www.sledcom.ru/neys/item/1486015> (date of application 03.09.2020).
3. The number of cases of domestic violence has increased 2.5 times. URL : <http://www.ru.evroneews.com/2020/07/128/spain> (date of application 22.07.2020).

Голуб Елена Ивановна
студентка 2 курса магистратуры,
Юридический институт
Национального исследовательского
Томского государственного университета
GolubElena97@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ОБЯЗАННОСТИ ЗАКАЗЧИКА ВЫПЛАТИТЬ ОБУСЛОВЛЕННОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЮ ПО ДОГОВОРУ ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Аннотация. 01.03 2020 г. вступил в силу ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», который завершил многолетнюю дискуссию о допустимости «гонорара успеха». Данным законом статья 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» была дополнена п. 4.1, прямо закрепившим возможность сторон включать в договор оказания юридической помощи условие, обуславливающее выплату адвокату вознаграждения результатом оказания юридической помощи. Статья посвящена проблеме надлежащего исполнения заказчиком обязанности по выплате «гонорара успеха» лицу, оказывающему юридическую помощь. Приведен анализ судебной практики по вопросу взыскания «гонорара успеха» с проигравшей стороны в качестве судебных расходов. Рассмотрены положения п. 8 и 9 Правил, утвержденных Решением Совета Федеральной палаты адвокатов.

Ключевые слова: обусловленное вознаграждение, гонорар успеха, юридическая помощь, вознаграждение адвоката.

01 марта 2020 года вступил в силу ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [1], который поставил точку в многолетних дискуссиях о допустимости «гонорара успеха». Данным законом статья 25 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [2] была дополнена п. 4.1, прямо закрепившим возможность сторон включать в договор оказания юридической помощи условие, обуславливающее выплату адвокату вознаграждения в результате оказания юридической помощи. Ранее, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23.01.2007 № 1-П [3] отрицал возможность удовлетворения требования о взыскании «гонорара успеха», апеллируя к публично-правовому значению юридических услуг. Конституционный Суд РФ стремился не допустить стимулирования представителей добиваться необходимого решения суда недобросовестным образом, а также,

Elena I. Golub
Student of the 2nd year
of Master's studies,
Law Institute National Research
Tomsk State University
GolubElena97@mail.ru

THE OBLIGATION OF THE PRINCIPAL TO PAY THE SUCCESS FEE TO THE LAWYER UNDER THE LEGAL SERVICES CONTRACT

Annotation. 01.03 2020, the «On the amendments to the "On The Advocate's Activities and Advocacy in the Russian Federation» came into force, which ended a long-standing discussion on the admissibility of the «success fee». This law article 25 of the «On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation» was supplemented by article 4.1, which directly enshrined the possibility of the parties to include in the contract of legal aid a condition stipulating the payment of remuneration to the lawyer as a result of legal assistance. The article is devoted to the problem of proper performance by the client of the obligation to pay the «success fee» to the person providing legal assistance. The article contains an analysis of judicial practice on the issue of judicial recovery of the «success fee» from the defendant as legal costs. The author considered the provisions of clauses 8 and 9 of the Rules approved by the Decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers.

Keywords: success fee, conditional fee, legal assistance, lawyer's fee.

уменьшить коррумпированность судебной системы.

Вместе с тем, нам представляется, что не стоило решать вопросы коррупции отдельно взятых судей и недобросовестного поведения ряда адвокатов путем ограничения свободы договора для всех субъектов. Данная мера выступила достаточно жестким ограничением диспозитивных начал гражданского законодательства, по сути, не поставив существенных преград на пути недобросовестных лиц: если представитель привык решать вопросы в суде посредством взятки, вряд ли отсутствие возможности заключить соглашение о «гонораре успеха» будет для него веским аргументом против подобных действий.

Отрицание возможности взыскания «гонорара успеха» в судебном порядке влекло за собой ряд

негативных последствий. Как показывает практика, подобные соглашения все равно заключались, но в случае отказа заказчика от оплаты, исполнитель, несмотря на то, что надлежащим образом исполнил свои обязанности, потратил временные и финансовые ресурсы, оказывался лишенным судебной защиты при взыскании оплаты своего труда (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.07.2019 № Ф05-11792/2019 по делу № А40-191144/2018).

Кроме того, не стоит забывать и о стимулирующем эффекте, когда потенциальный «гонорар успеха» оказывает на представителя, «вынуждая» его работать более продуктивно, активнее принимать участие в решении той или иной правовой проблемы.

В Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [4] основной целью законодательного закрепления «гонорара успеха» было названо повышение доступности помощи адвокатов для лиц, не располагающих на момент заключения соглашения с адвокатом денежными средствами для выплаты ему вознаграждения. На достижение этой цели, также направлен п. 8 Правил [5], установленных советом Федеральной палаты адвокатов (далее – Правила), запрещающий требовать выплату обусловленного вознаграждения авансом.

Нам представляется, что заключение соглашения, содержащего условие о «гонораре успеха» не всегда способствует повышению доступности юридической помощи.

Во-первых, на практике представители в соглашение об оказании юридических услуг стремятся включать не только обусловленное вознаграждение, но и фиксированную часть оплаты, которая как минимум покрывает издержки исполнителя. На данную часть соглашения между адвокатом и клиентом не может распространяться установленный п. 8 Правил запрет на требование аванса и, в таком случае, на момент заключения соглашения доверитель должен обладать хотя бы суммой аванса.

Во-вторых, вопрос реального получения имущественной выгоды клиентом зависит не только от положительного для него разрешения спора, но и от фактического исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. Исполнители же по договору оказания юридических услуг не заинтересованы в том, чтобы обуславливать исполнение заказчиком обязанности по выплате вознаграждения моментом действительного получения их клиентом спорного имущества от противоположной стороны. В связи с этим, стороны согласовывают в договоре условие, в соответствии с которым выплата вознаграждения ставится в зависимость от принятия судебного решения полностью либо частично в пользу клиента, а не от исполнения решения суда. Таким образом, адвокаты будут с осторожностью заключать соглашения с лицами, не располагающими на момент заключения соглашения денежными средствами для выплаты вознаграждения, поскольку

рискует не получить оплаты оказанных услуг, даже в случае положительного для клиента результата.

Кроме того, заказчиком по договору оказания юридических услуг может выступать и ответчик по спору, положительное решение спора для которого будет выражаться не в увеличении его имущественной массы, а в сохранении имеющейся. В таком случае нельзя быть уверенным, что в случае разрешения спора в его пользу, он будет готов оплатить услуги представителя.

Рассмотрим пункт 8 Правил, установивший ограничение на включение в соглашение положения о выплате обусловленного вознаграждения авансом. С одной стороны, данная норма в какой-то мере реализует цель доступности юридической помощи для населения, но с другой, отталкивает адвокатов от заключения соглашений, содержащих «гонорар успеха», так как не гарантирует им получения вознаграждения от недобросовестного доверителя.

Вместе с тем, лица, оказывающие юридическую помощь, не лишены права воспользоваться аккредитивной формой расчета, либо согласовать помещение соответствующей денежной суммы в банковскую ячейку.

Обратившись к п. 16 Международного кодекса этики [6], отметим, что данный документ предусматривает возможность юристов требовать внесения депозита для покрытия расходов, при условии, что депозит соответствует оцененной величине оплаты их услуг, а также возможным расходам и затратам труда. Данный подход представляется оптимальным, поскольку позволяет адвокату в случае достижения положительного результата и недобросовестного поведения доверителя, хотя бы возместить понесенные им расходы на ведение дела.

Следует отметить, что ограничение, установленное в п. 8 Правил, не должно распространяться на лиц, не имеющих статуса адвоката, поскольку ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Правила, установленные советом Федеральной палаты адвокатов, регулируют деятельность лиц, обладающих специальным статусом, и не распространяют свое действие на иных представителей. Тем не менее, нам представляется, что условие об обусловленном вознаграждении допустимо включать не только в соглашение между адвокатом и доверителем, но и в иные договоры оказания юридических услуг, поскольку данное условие не только не противоречит действующему законодательству, но и допускается положениями статьи 327.1 ГК РФ, а также, отвечает принципу свободы договора.

Рассмотрим подробнее п. 9 Правил, в соответствии с которым, при заключении соглашения адвокат обязан предупредить доверителя о том, что последнему не может быть гарантировано взыскание в качестве судебных издержек с другого лица, участвующего в деле, суммы выплаченного адвокату обусловленного вознаграждения. Данная формулировка еще раз подчеркивает, что по

вопросу о том, подлежит ли выплаченный адвокату «гонорар успеха» взысканию в качестве судебных расходов с другой стороны имеет правовая неопределенность. Положение п. 9 Правил может быть истолковано таким образом, что при наличии определенных условий обусловленное вознаграждение все-таки может подлежать взысканию полностью или в части.

На сегодняшний день в судебной практике преобладает подход, в соответствии с которым «гонорар успеха» не может быть взыскан с проигравшей стороны (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.05.2015 № 302-КГ15-2312 по делу № А78-5912/2013; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2015 № 309-ЭС14-3167 по делу № А60-11353/2013). Вместе с тем, суды в некоторых случаях все же приходят к выводу о том, что сумма обусловленного вознаграждения подлежит взысканию с процессуального оппонента (Постановление Президиума ВАС РФ от 04.02.2014 № 16291/10 по делу № А40-91883/08-61-820; Постановление АС Уральского округа от 06.08.2014 № Ф09-4632/14 по делу № А76-16973/2013; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.06.2017 № Ф05-18105/2016 по делу № А41-34496/2016).

Нам представляется, что данный вопрос должен быть более определенно урегулирован на законодательном уровне, поскольку ныне существующая формулировка, с одной стороны, не налагает ограничение на взыскание обусловленного вознаграждения в качестве судебных расходов, а с другой – не гарантирует стороне возмещения ее издержек, что делает включение условия о

«гонораре успеха» в соглашение менее привлекательным как для адвокатов, так и для их доверителей.

П. 9 Правил закрепляет, что «адвокат обязан предупредить доверителя о том, что последнему не может быть гарантировано взыскание». Вместе с тем, Правила не устанавливают форму такого предупреждения (достаточно ли устного разъяснения или необходимо включение данного положения в соглашение), а также, не предусматривают последствий несоблюдения адвокатом данной обязанности. По нашему мнению, данное «предупреждение» должно оформляться в письменной форме и либо включаться в соглашение об оказании юридической помощи, либо оформляться приложением к нему и подписываться клиентом в целях предупреждения дальнейших споров о том, был ли доверитель проинформирован адвокатом. Вопрос о том, может ли соглашение между адвокатом и доверителем быть признано недействительным, как сделка, совершенная под влиянием обмана (п. 2 ст. 179 ГК РФ), и возможно ли действия адвоката квалифицировать как намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых он должен был сообщить при надлежащей степени добросовестности, остается открытым, поскольку судебная практика по данному вопросу на сегодняшний день отсутствует.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что законодатель сделал значительный шаг в пользу правовой определенности отношений сторон, включающих в соглашение условие о выплате обусловленного вознаграждения. Вместе с тем вопрос взыскания данного вознаграждения с проигравшей стороны в качестве судебных расходов на настоящий момент остается неурегулированным.

Литература:

1. Федеральный закон от 02.12.2019 № 400-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2020.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2020.
3. Постановление КС РФ от 23 января 2007 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК РФ в связи с жалобами ООО «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС КонсультантПлюс. 2020.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 469485-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. 2020.

Literature:

1. Federal Law of 02.12.2019 № 400 «On Amendments to the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» // ConsultantPlus. 2020.
2. Federal Law of 31.05.2002 № 63 (31.07.2020) «On legal activity and the legal profession in the Russian Federation» // ConsultantPlus. 2020.
3. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2007 № 1-P «On the case of the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 779 and paragraph 1 of Article 781 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints of LLC Corporate Security Agency and citizen V.V. Makeeva» // ConsultantPlus. 2020.
4. Explanatory note to the federal law № 469485-7 «On amendments to the Federal law «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» // Consultant Plus. 2020.

5. Правила включения в соглашение адвоката с доверителем условия о вознаграждении, зависящем от результата оказания юридической помощи (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 02.04.2020, Протокол № 12) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

6. Международный кодекс этики юристов (Принят в 1956 году) (с изм. и доп. от 1988 года) // СПС КонсультантПлюс. 2020.

5. Rules for including in the agreement of counsel with the trustee a condition on remuneration depending on the outcome of legal aid (art. By decision of the Council of the Federal Chamber of Lawyers of 02.04.2020, Protocol № 12) // ConsultantPlus. 2020.

6. International Code of Ethics for Lawyers (entered into force in 1956) // ConsultantPlus. 2020.

Груздев Владимир Сергеевич

кандидат юридических наук,
председатель правления,
Общероссийская
общественная организация
«Ассоциация юристов России»
vsgruzdev@yandex.ru

**ОНТОЛОГИЯ ПРАВА
В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ
КОНЦЕПЦИИ В.С. НЕРСЕЯНЦА**

Аннотация. В статье рассматриваются представления одного из выдающихся представителей современной философии права В.С. Нерсесянца (1938–2005) по поводу одной из фундаментальных проблем правопознания и правопонимания – онтологического статуса права. Философско-правовая концепция В.С. Нерсесянца знаменует собой не только существенную веху в обновлении и развитии юридической науки на изломе советского периода истории и постсоветского времени, но и представляет собой оригинальную концепцию формально-правовой онтологии, в основе которой лежит фундаментальная разработка внутренней логики формы права, как его собственной сферы бытия и существования, объективной реальности права как правовой формы со своим специфическим содержанием, формально-правовой материей.

Ключевые слова: Нерсесянец, либертарная концепция права, философский реализм, правовой реализм, онтология права, бытие формы права, формально-правовое содержание, формальное равенство.

Реализм или реалистическое в праве, в правопознании – это большая научная и философская проблема, которая имеет множество трактовок, разъяснений, уточнений аспектов и приемов обоснования права и правовой проблематики [1; 8–11]. Строго говоря, атрибутирование какой-то школе, концепции или направлению правовой мысли характеристики реализма, в общем то, мало что говорит об их сути и содержании, требуя в каждом случае серьезных пояснений относительно характера и типа реализма, его работанности и теоретико-методологической оформленности, связи с общим понятием права или только инструментально-прагматическим применением в области правопознания или правопонимания и т.д.

К сожалению, одной из фундаментальных проблем, связанных с понятием реалистического в праве, остается неразъясненность эвристических возможностей именно этого прима. У

Vladimir S. Gruzdev

Candidate of Law Sciences,
Chairman of the Board,
All-Russian Public Organization
«Association of Lawyers of Russia»
vsgruzdev@yandex.ru

**ONTOLOGY OF LAW
IN THE PHILOSOPHICAL
AND LEGAL CONCEPTION
OF V.S. NERSESYANTS**

Annotation. The article examines the views of one of the outstanding representatives of modern philosophy of law V. S. Nerseyants (1938–2005) on one of the fundamental problems of legal knowledge and legal understanding – the ontological status of law. Philosophical and legal concept of V.S. Nerseyants marks not only a significant milestone in the renewal and development of legal science at the turn of the Soviet period of history and the post-Soviet period, but also represents an original concept of formal legal ontology, which is based on the fundamental development of the internal logic of the form of law as its own sphere of existence and existence, the objective reality of law as a legal form with its specific content, formal legal matter.

Keywords: Nerseyants, libertarian concept of law, philosophical realism, legal realism, ontology of law, existence of the form of law, formal legal content, formal equality.

значительной массы мыслителей разных эпох, как правило, реализм или его противоположности утверждаются как некая более удачная и перспективная установка или даже стратегия познания права, но в основном без достаточного внимания остается вопрос о том, каковы же те принципиальные теоретические перемены в понимании и интерпретации основных юридических понятий, связанных с фундированием этого прима. Многое остается, как будто, выведенным за скобки, подается на веру, вместо попыток обосновать способность соответствующего приема обогатить или уточнить основные юридические понятия.

Проблема реализма в философско-методологическом обосновании понимания права и эпистемологических возможностей философии права акцентировано или имплицитно всегда присутствуют в теоретически зрелых формах юридических и философско-правовых концепций. Так, скажем В.С. Нерсесянец, автор оригинальной

концепции правопонимания, которая получила название либертарной [2–7], придавал существенное значение вопросам онтологии права в русле его концепции. Он как раз подчеркивал значение онтологии права как стратегии правопонимания и правопознания. Относительно разъяснения онтологических аспектов права в трудах В.С. Нерсесянца следует отметить несколько весьма существенных соображений.

Во-первых, он явно принадлежал к той многочисленной группе философов права и правоведов, которые закономерным и в этом смысле подлинно научным считали формальные аспекты права. Его, прежде всего, интересовала трактовка права как правовой формы социальной жизни, социальной реальности. В этой связи он последовательно отстаивал позицию о том, что онтология права представляет собой бытие правовых формальностей, правовой формы, проявлений (формообразований), отличающихся от фактической, эмпирически реальной действительности. Отсюда и математика свободы, которая очевидно была схожа с одним из ключевых утверждений И. Канта о том, что в каждой науке столько науки, сколько в ней математики. Собственно говоря, либертарная концепция права В.С. Нерсесянца представляет собой инспирированную немецкой идеалистической философией, прежде всего в лице И. Канта и Г. Гегеля, концепцию права, артикулировавшую значимое уточнение логики правовой формы социальной жизни.

Во-вторых, В.С. Нерсесянец настаивал на том, что право исторично и в этом смысле бытие права апостериорно, а не априорно. Право есть часть человеческой культуры, оно рождается и развивается вместе с человеком и человеческим родом. Бытие права всегда социально-исторически обусловлено. Но в этом смысле право как продукт эволюции человечества, возникающий и развивающийся вместе с ним, все же остается культурным и социально-историческим фактом. Однако реальность права по В.С. Нерсесянцу является реальностью формы, правовых формальностей; она вовсе не тождественна эмпирической социальной реальности. В.С. Нерсесянец подчеркивал, что следует различать реальность формы, т.е. формально-правовую, формально-содержательную реальность, и реальность эмпирическую, фактически-содержательную. Иными словами, категория формы в рассматриваемой концепции имела свое определенное содержание, внутреннюю материю, логику формы, формально-правовое содержание. Соответственно, и реальность права носит формально-правовой характер. Важным аспектом разъяснения логики правовой формы как подлинно закономерной части понятия права, являлось утверждение о неразрывной связи правовой сущности и правового явления. Однако в отличие от ряда других юридических концепций эти аспекты оставались именно в рамках формально-правового определения понятия права. Иными словами, правовое явление в концепции В.С. Нерсесянца – это не социальная реальность, это не эмпирический факт, а проявление правовой сущности в виде правовых формальностей: нормы права, субъект права, правоотношения и т.д.

В-третьих, реальность правовой формы обусловлена особым состоянием социальной реальности, которая в преобразованном состоянии представляет собой правовую форму социальной жизни. Эта правовая форма социальной жизни противоположна «доформальному» состоянию, при котором господствуют произвол и хаос. Но, вместе с тем, правовая форма и фактическая реальность могут не совпадать; подлинная правовая форма социального общежития достигается отнюдь не сразу, она требует определенной нравственной и моральной зрелости и подготовленности человека и народа. В этой связи, подлинная правовая форма – стремление к правовому закону, выражающему принцип формального равенства, – рассматривается как цель. «С точки зрения либертарно-юридической онтологии, – писал В.С. Нерсесянец, – принципиальное значение имеет реально-практическое утверждение исторически достигнутой ступени и меры равенства, свободы и справедливости в форме ... правового закона, без чего нет ни бытия права, ни правовых явлений как таковых» [7, с. 73].

В.С. Нерсесянец увязывал проблему онтологии права с последовательным различением и разграничением типов правопонимания. Соответственно, у него реальность права освещается с позиции легистской онтологии, естественно-правовой онтологии и либертарно-юридической онтологии. По существу, фиксируя виды онтологий (а не единой онтологии, трактуемой с разных позиций), он подчеркивал, тем самым, то, что соответствующий вариант интерпретации реальности права является стратегией правопонимания, обусловленной сознательным выбором между отдельными типами обоснования сущности и понятия права. Так, легистская онтология направлена на «отрицание объективной правовой сущности, независимой от субъективной воли и произвола законодателя» [7, с. 58]. Для легистов бытие права означает «существование эмпирически-реального ... явления» [7, с. 58]. Далее, последовательно право как эмпирически-реальное явление сужается в легистской онтологии до «феномена официально-властного характера», реальность которого «представлена в виде текста соответствующего официального документа» [7, с. 58].

В русле естественно-правовой онтологии бытие права представлено в двух противоположных формах: «в форме подлинного бытия права (это бытие естественного права) и в форме неподлинного бытия (это существование позитивного права)» [7, с. 59]. Основным недостатком естественно-правовой онтологии В.С. Нерсесянца усматривал в том, что она замыкается на самостоятельности собственного подлинного бытия естественного права, а инобытие в виде ненастоящего бытия позитивного права для него несущественно. «Ведь подлинность права, – писал В.С. Нерсесянец, – состоит не только в его истинности как сущности, но и в его реальности как общеобязательного правового явления» [7, с. 59].

Наконец, в разработанной В.С. Нерсесянцем либертарно-юридической концепции права бытие права обосновывалось путем указания на «необходимую связь между правовой сущностью и

правовым явлением, взаимосвязанное единство которых и есть право как особая форма и специфический регулятор общественных отношений» [7, с. 60–61]. Однако при этом внутри такого подхода обособлялась «надлежащая (адекватная, полная,вершенная и в этом смысле подлинная) форма бытия права» в виде правового закона, в котором правовая сущность и правовое явление находятся в необходимом соотношении. Соответственно, её противоположностью должна мыслиться «ненадлежащая» форма бытия права, которая в логике концепции В.С. Нерсесянца, выражается понятием «неправовой закон», т.е., происходит разрыв той единой связи правовой сущности и правового явления, которая лежит в основе либертарной концепции права.

По В.С. Нерсесянцу, право – это явление историческое и культурное. Его генезис, последующее развитие и современное состояние являются отражениями отдельных сторон и результатами социально-исторического процесса. Один из главных тезисов о праве звучал так: право апостериорно [7, с. 62]. «Исторический процесс генезиса права, – писал В.С. Нерсесянц, – его бытия и существования, протекает в контексте общекультурного формирования и развития человека и человеческого рода» [7, с. 65]. В этой связи, он писал о нравственной зрелости и подготовленности человека и народов для жизни по праву и закону, о способности и умении жить по правовой форме, о том, что и сегодня многие люди и народы «ещё так не завершили ... генезис своей политической (и правовой) природы, не достигли высот того политического и правового общения, которое на современном языке называется правовым государством, господством права, правами и свободами человека и гражданина» [7, с. 62].

Всё бытие права, по В.С. Нерсесянцу – это «проявления (формообразования) принципа формального равенства, т.е., бытие, существование и действие правовых формальностей, мир формальных предметов», а «объективная реальность бытия права, как и права вообще, – это реальность существования и действия правовой формы, формально-правовая, формально-содержательная реальность, а не эмпирическая, не фактически-содержательная реальность» [7, с. 74].

В позиции В.С. Нерсесянца о значимости и непростой конструкции «объективной реальности бытия» права наиболее существенным является правовая форма. Только форма и правовые формальности обладают закономерностью, позволяющей трактовать ее концептуально. Эмпирическое содержание объёмляется несущественным для понятия права. В этом смысле, В.С. Нерсесянц примыкал к той группе философов права, которые разъясняли сущность права его формальными признаками. У В.С. Нерсесянца оригинальной является логика правовой формы, которая представляется в виде исходного принципа – принципа формального равенства.

Таким образом, для В.С. Нерсесянца реальность права имеет совершенно особое значения, которое органично включено в либертарно-

юридическую концепцию правопонимания. Эта реальность представляет собой реальность правовой формы социальной жизни. Без необходимого признания и разъяснения реальности правовой формы, именно как определенной формально-правовой и формально-содержательной реальности, вне использования специального приема концептуальной онтологизации правовой формы либертарно-юридическая концепция была бы явно разновидностью солипсизма. В этом последнем случае она могла бы претендовать лишь на роль концепции (логики) правосознания, но не правопонимания (и даже не правопознания). Это была бы, вероятно, модернизированная версия юридического неокантианства. В противоположность этому, либертарно-юридическая концепция понимает, трактует и разрабатывает особую онтологию права как бытия и существования правовой формы, которая имеет внутреннюю логику, выражающуюся принципом формального равенства, свободы и справедливости, а не ограничивается лишь указанием на формальную природу права. В этой разъяснительной формуле о формальном равенстве как логике правовой формы социальной жизни заключается, безусловно, большая заслуга В.С. Нерсесянца по обновлению и углублению наших представлений о понятии права.

Правовая форма возникает как необходимый и существенный элемент человеческой культуры и по мере ее развития углубляется и уточняется, но правовая сущность при этом остается постоянной. Можно было бы представить концепцию В.С. Нерсесянца как отрицающую право в качестве реальности, не опирающуюся на принцип реализма, пусть даже интерпретируемый в формальном ключе. В этом случае она бы лишилась фундаментального положения, влекущего разрушение всей концепции. Во-первых, В.С. Нерсесянц отрицал эмпирическую, а точнее фактическую, реальность права, которая бы совпадала или приближалась к социальной реальности. В противном случае концепция приобрела бы определенные социологические характеристики, что, однако, напротив, была предметом критики со стороны автора. Во-вторых, либертарно-юридическая концепция акцентирует и артикулирует исторический, социальный и культурный характер права. В этом смысле, она как будто вступает в противоречие сама с собой. Однако в ней центральной идеей является осознание и осуществление в совместной жизни людей права как универсальной формы их совместной жизни, правовой сущности социума. Иными словами, она, в отличие от концепций «живого права», черпающих право из эмпирического фактического материала, фиксирует и разъясняет саму возможность принципа социального как правового; это соотношение предполагает неперемное стремление человека и народов к достижению и сохранению правового состояния, которое при этом является противоположностью произволу во всех его видах. Концепция В.С. Нерсесянца не является идеалистической, отличается от естественно-правовой доктрины понимания права. Это отличие проявляется, прежде всего, в признании исторического характера права, единства правовой

сущности и правового явления. В-третьих, право обладает объективной сущностью, не зависящей от случайной и произвольной воли. Эта объективная сущность коренится в особой и конкретной логике правовой формы социальной жизни. Даже

Литература:

1. *Алексеев С.С.* Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000. 250 с.
2. *Нерсесянц В.С.* Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. С. 4–11.
3. *Нерсесянц В.С.* Типология правопонимания // Право и политика. 2001. № 10. С. 4–14.
4. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М. : Норма, Инфра-М, 1999. 552 с.
5. *Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. От социализма к цивилизму. М., 1992. 352 с.
6. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы. М. : Юристъ, 1996. 160 с.
7. *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 2009. 848 с.
8. *Поляков А.В.* Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... на соиск. уч. ст. докт. юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. 94 с.
9. *Честнов И.Л.* Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000. 104 с.
10. The New Legal Realism. Translating Law-and-Society for Today's Legal Practice. Volume 1 / Edited by Elizabeth Mertz, Stewart Macaulay, Thomas W. Mitchell. New-York : Cambridge University Press, 2016. 303 p.
11. The New Legal Realism. Studying Law Globally: New Legal Realist Perspectives, Volume II / Edited by Heinz Klug and Sally Engle Merry. New-York : Cambridge University Press, 2016. 282 p.

понятие «норма права», в отличие от нормативистов, в русле либертарно-юридической концепции имеет определенное формальное содержание, а не просто является лингвистическим или нормативным суждением.

Literature:

1. *Alekseev S.S.* Theory of law: search for new approaches. Yekaterinburg, 2000. 250 p.
2. *Nersesyants V.S.* The value of law as a trinity of freedom, equality and justice // Problems of the value approach in law: traditions and renewal. M. : Institute of state and law RAS, 1996. P. 4–11.
3. *Nersesyants V.S.* Typology of legal understanding // Law and politics. 2001. № 10. P. 4–14.
4. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M. : Norma, Infra-M, 1999. 552 p.
5. *Nersesyants V.S.* Our way to the right. From socialism to civilization. M., 1992. 352 p.
6. *Nersesyants V.S.* The law – mathematics of freedom. Experience of the past and prospects. M., Yurist, 1996. 160 p.
7. *Nersesyants V.S.* Philosophy of law. M., 2009. 848 p.
8. *Polyakov A.V.* communicative concept of law (genesis and theoretical and legal justification). SPb., 2002. 94 p.
9. *Chestnov I.L.* Law as a dialogue: towards the formation of a new ontology of legal reality. SPb., 2000. 104 p.
10. The New Legal Realism. Translating Law-and-Society for Today's Legal Practice. Volume 1 / Edited by Elizabeth Mertz, Stewart Macaulay, Thomas W. Mitchell. New-York : Cambridge University Press, 2016. 303 p.
11. The New Legal Realism. Studying Law Globally: New Legal Realist Perspectives, Volume II / Edited by Heinz Klug and Sally Engle Merry. New-York : Cambridge University Press, 2016. 282 p.

Данильян Александр Сергеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
danila23@bk.ru

Михайловская Ольга Валентиновна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
olichka_miha@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. Привлечение переводчика к участию в уголовном процессе актуально как в случаях совершения преступления иностранными гражданами, так и в случаях совершения противоправных деяний в отношении таких лиц. Число преступлений, совершенных иностранцами, с каждым годом возрастает. В особенности, это касается регионов, граничащих с иностранными государствами. В статье рассмотрены некоторые вопросы привлечения переводчика к участию в уголовном деле; определены требования, предъявляемые к переводчику, а также – критерии, определяющие лицо как не владеющее языком уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: переводчик, участники уголовного судопроизводства, язык уголовного судопроизводства.

Участие переводчика в ходе расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде закреплен в ст. 18 УПК РФ, регламентирующей один из принципов уголовного судопроизводства, и является неотъемлемым условием соблюдения прав лица, не владеющими либо недостаточно владеющими русским языком. Привлечение переводчика к участию в уголовном процессе актуально как в случаях совершения преступления иностранными гражданами, так и в случаях совершения противоправных деяний в отношении таких лиц. Число преступлений, совершенных иностранцами, с каждым годом возрастает. В особенности, это касается регионов, граничащих с иностранными государствами. Так, за 11 месяцев 2020 года в Краснодарском крае иностранными гражданами совершено 740 преступлений, большую часть из которых составляют кражи чужого имущества и преступления в сфере незаконного

Alexander S. Danilyan
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of criminal procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
danila23@bk.ru

Olga V. Mikhailovskaya
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Docent of the Chair of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry of internal
Affairs of Russia olichka_miha@mail.ru

FEATURES OF THE INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The involvement of an interpreter in the criminal process is relevant both in cases of the commission of a crime by foreign nationals and in cases of unlawful acts committed against such persons. This is especially true in regions bordering foreign countries. The article considers some issues of involving an interpreter in a criminal case; defines the requirements for an interpreter, as well as criteria that define a person as not proficient in the language of criminal proceedings.

Keywords: Translator, participants in criminal proceedings, language of criminal proceedings.

оборота наркотических средств. За указанный период по 639 уголовным делам (это 86 % от общего количества преступлений, совершенных иностранными гражданами) к уголовной ответственности привлечены лица – граждане государств – участников СНГ, среди которых можно выделить следующих: граждане Армении (131), граждане Таджикистана (53), граждане Узбекистана (56) и др. Однако большую часть преступлений на территории Краснодарского края совершили граждане Украины – 238. Кроме того, значительная часть преступлений совершена гражданами Абхазии (73). Следует также отметить, что значительная часть преступлений совершается выходцами из республик Северного Кавказа, при этом некоторые подозреваемые (обвиняемые) также плохо владеют либо не владеют вовсе знанием русского языка.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость участия в уголовном деле такого участника, как переводчик. В соответствии со ст. 59 УПК РФ, следователь, дознаватель, суд в качестве переводчика привлекают лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Каких-либо иных требований к переводчику, помимо свободного владения языком, законодатель не предъявляет – ни ограничений в возрасте, ни в образовании. Такая позиция порождает большое количество споров, как среди ученых-процессуалистов, так и среди правоприменителей. При этом перевод является единственным средством, при помощи которого должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, получает возможность провести соответствующие следственные действия, в первую очередь, допрос, с участником, не владеющим языком уголовного судопроизводства для того, чтобы:

– установить его позицию по расследуемым обстоятельствам дела;

– объективно и полноценно рассмотреть и разрешить по существу заявления и ходатайства, поступившие от него.

Для лица, ограниченного в возможности понимать и быть понятым в связи с незнанием русского языка — это единственная возможность реализации своих прав.

Расширенное определение понятия «переводчик» предложено ещё советскими учеными. Переводчик – это лицо:

– достигшее совершеннолетия, достаточно владеющее языками и специальной терминологией, знание которых необходимо для полного точного выполнения им в рамках следственных и судебных действий перевода;

– не выполняющее функцию другого участника процесса по данному уголовному делу;

– не заинтересованное в исходе дела, принявшее на себя функции перевода и назначенное органом дознания, следователем, прокурором, судом в случаях, предусмотренных законом [1].

Из указанного определения вытекают признаки, характеризующие рассматриваемого участника уголовного процесса.

1. Возраст. Данный признак продиктован ст. 307 УК РФ, согласно которой переводчик несет ответственность в случае заведомо неправильного перевода. По указанной статье уголовного закона лицо подлежит уголовной ответственности с шестнадцати лет. Можно ли привлекать в качестве переводчика лицо, достигшее 16 лет, однако не достигшее 18? Законодатель обошел этот вопрос. С одной стороны – привлечение лица в таком довольно юном возрасте в качестве переводчика не нарушает нормы закона, однако, вызывает сомнение в наличии достаточных знаний у такого лица и возможности осуществления перевода в ходе проведения следственных действий. На практике встречаются такие случаи, когда в

поисках переводчика лицо, проводящее предварительное расследование, привлекает студентов, курсантов вузов – представителей малых народностей, таким образом, разрешая вопрос о поиске высококвалифицированного опытного переводчика и неизбежном продлении для этой цели сроков расследования.

2. Отсутствие заинтересованности в исходе дела. Переводчик не должен состоять ни с одним из участников уголовного судопроизводства в отношениях родства либо соподчинения. Следует, однако, оговориться, что при привлечении к участию в уголовном деле непрофессионального переводчика (как в вышеописанном варианте привлечения студентов вуза) есть вероятность того, что лицо, испытывая ложное сопереживание к своему «земляку», неправильно воспринимая чувство товарищества и верности своей национальности, предпримет действия, влекущие за собой искажение смысла процессуального действия.

3. Несовместимость функции переводчика с другими функциями в уголовном судопроизводстве. Данный признак тесно связан с предыдущим, в связи с чем, переводчик относится к категории иных участников уголовного процесса, не представляя ни одну из сторон.

4. Компетентность. Законодатель не определяет требования к профессиональному уровню такого специалиста, в связи с чем, возникают разночтения. Подобная «невзыскательность» законодателя во многом обусловлена сложностью поиска и подбора переводчиков для участия по уголовным делам.

Некоторые авторы считают, что переводчик должен не только свободно владеть двумя языками (с которого и на который осуществляется перевод), но именно обладать знанием юридической терминологии и вопросов деятельности правоохранительных органов. Кроме того, он должен уметь осуществлять синхронный перевод, иметь развитую речь и кругозор для грамотного преподнесения информации участникам уголовного судопроизводства [2]. Данная позиция, на наш взгляд, слишком категорична.

Русскоговорящие граждане РФ далеко не всегда обладают глубокими знаниями в области организации правоохранительных органов, в том числе, судебной системы. Однако закон не требует предоставления им соответствующего специалиста, поскольку для участия в уголовном судопроизводстве достаточно разговорного уровня. Для понимания сущности предъявленного предъявления, прав и обязанностей конкретного участника уголовного судопроизводства, изложения своей позиции не требуется знание юридической терминологии.

В этой связи, вопросы «подбора» переводчика возложены и разрешаются должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело в каждом индивидуальном случае, и требования могут отличаться. По одному уголовному делу будет достаточно приглашения студента из

ранее приведенного примера, в другом случае – специалиста с опытом технического перевода в узкой сфере деятельности при расследовании преступлений в сфере здравоохранения, строительства и т.д.

Компетентность переводчика проверяется должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Следователь либо дознаватель может убедиться в профессионализме переводчика, истребовав у него копию диплома об образовании, рекомендации или характеристики (как письменных, так и устных) с места его основной работы [3].

Анализируя состав иностранных лиц, совершивших преступления, на территории России, становится очевидным, что, преимущественно, это выходцы из стран СНГ, зачастую владеющие русским языком. В этой связи, следователи (дознаватели) сталкиваются с вопросом о необходимости привлечения переводчика. В целях затягивания производства по уголовным делам некоторые подозреваемые (обвиняемые), рожденные в СССР и владеющие русским языком, требуют воспользоваться бесплатной помощью переводчика. Является ли такое поведение указанных участников уголовного судопроизводства злоупотреблением или желанием реализовать предоставленные уголовно-процессуальным законом права? Рассматриваемая ситуация на практике разрешается неоднозначно.

С одной стороны, должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, обязано обеспечить реализацию права подозреваемого (обвиняемого) заявлять ходатайства и знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, а также, иными материалами уголовного дела на том языке, которым он владеет.

Понятие «лицо, не владеющее языком уголовного судопроизводства», не определено на законодательном уровне, но его трактовка выработана судебно-следственной практикой и теорией уголовного процесса.

Не владеющим языком уголовного судопроизводства считается лицо:

– не понимающее или плохо понимающее разговорную речь на языке уголовного судопроизводства;

Литература:

1. *Джафаркулиев М.А.* Проблемы национального языка в уголовном судопроизводстве. Баку: Азернерш, 1989. С. 81.
2. *Шевелев И.А.* Язык судопроизводства и участие переводчика в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 98.
3. *Бунова И.И.* Некомпетентность переводчика как основание его отвода от участия в уголовном

– не умеющее свободно изъясняться на данном языке;

– не понимающее изложение на языке уголовного судопроизводства фактических обстоятельств, связанных с производством по делу;

– не понимающее применяемые при производстве по делу специальные термины и их разъяснение в понятной и доступной форме [4].

С другой стороны, если лицо знает русский язык, в некоторых случаях – к тому же длительное время находится на территории России, есть ли необходимость в назначении переводчика? Лица же, рожденные в СССР или непосредственно после его распада, изучали русский язык в рамках школьной программы. В данном случае, в целях сокращения сроков расследования (привлечение переводчика подразумевает не только его непосредственное участие в следственных и иных процессуальных действиях, но и перевод процессуальных документов, вручаемых подозреваемому (обвиняемому) целесообразно приобщить к материалам уголовного дела копию диплома (аттестата) учебного заведения, в котором он изучал русский язык подозреваемый (обвиняемый), копии тетрадей (конспектов) на русском языке, допросить его родственников о степени владения им русским языком и наличии у него практики использования русского языка, и отказать в предоставлении лицу переводчика.

Так, при расследовании уголовного дела в отношении гражданина Абхазии Н. первоначально обвиняемый давал показания на русском языке и демонстрировал его хорошие знания. Однако спустя месяц Н. заявил, что русский язык знает плохо, в связи с чем, ему требуется переводчик. Следователь предложил Н. написать ходатайство о предоставлении переводчика. Обвиняемый Н. лично написал ходатайство о необходимости привлечения переводчика в связи с незнанием Н. русского языка. Ходатайство составлено Н. с соблюдением правил как орфографии, так и пунктуации. Следователь отказал в удовлетворении ходатайства. На наш взгляд, следователь поступил правомерно.

Вопросы привлечения переводчика, его выбор, должны разрешаться в каждом индивидуальном случае должностным лицом (следователем, дознавателем или судом).

Literature:

1. *Dzhafarkuliev M.A.* Problems of the national language in criminal proceedings. Baku: Azernersh, 1989. P. 81.
2. *Shevelev I.A.* The language of proceedings and the participation of a translator in the criminal process of Russia : dis. ... cand. of law sciences. SPb., 2008. P. 98.
3. *Bunova I.I.* Incompetence of the interpreter as the basis for the right to withdraw from participation

судопроизводстве // Общество и право. 2010. С. 207.

4. *Мищенко А.Ю.* Роль переводчика в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №6. С. 245.

in criminal proceedings // Society and law. 2010. P. 207.

4. *Mishchenko A.Yu.* The role of an interpreter in criminal proceedings // Gaps in Russian legislation. 2013. № 6. P. 245.

Евтушенко Инна Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
inna-evt@yandex.ru

Венедиктов Андрей Анатольевич

Заслуженный юрист Республики Крым,
кандидат юридических наук,
Университет экономики и управления
venediktov_an@ukr.net

**ДИСТАНЦИОННЫЕ ХИЩЕНИЯ:
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ**



Аннотация. В статье анализируются понятие и признаки дистанционных хищений в отношении безналичных денег, электронных денежных средств и с использованием электронных средств платежа, а также, теоретические и практические вопросы разграничения преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159, ст. 159.3. Автор приходит к выводу о необходимости формулирования нового состава преступления, объединяющего все хищения, совершаемые дистанционно вне зависимости от способа совершения хищения, а по признаку общности предмета преступления.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, дистанционные хищения, безналичные деньги, электронные денежные средства, электронные средства платежа, хищения электронных активов.



Российская экономика в эпоху информационного общества все чаще использует возможности цифровых технологий, которые значительно снижают издержки производства и упрощают реализацию товаров и услуг, расширяют рынки сбыта. Одновременно и преступный мир все шире использует потенциал интернета, телекоммуникационных сетей для совершения преступлений, как против общественной безопасности, так и против собственности. Не только экспертами, но и данными официальной статистики отмечается рост хищений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Дальнейшее развитие информационных технологий и возможностей средств коммуникации неизбежно приведет к росту дистанционных краж и мошенничеств.

Распространение в последние несколько лет использования преступниками сети Интернет, средств сотовой связи, компьютерных программ, социальных сетей для совершения хищений

Inna I. Evtushenko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
inna-evt@yandex.ru

Andrey A. Venediktov

Honored Lawyer of the Republic of Crimea,
Candidate of Law Sciences,
University of Economics and Management
venediktov_an@ukr.net

**DISTANT THEFT:
CONCEPT AND FEATURES**



Annotation. The article analyzes the concept and features of distant theft in relation to non-cash money, electronic money and using electronic means of payment, as well as theoretical and practical issues of distinguishing crimes under paragraph «g» of part 3 of article 158, article 159.3, of the Criminal code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that it is necessary to formulate a new crime that combines all thefts committed distantly, regardless of the method of committing the theft, but on the basis of the commonality of the subject of the crime.

Keywords: distant fraud, distant theft, non-cash money, electronic money, electronic means of payment, theft of electronic assets.



получило в практике и научном сообществе наименование «дистанционное мошенничество». Однако однозначного понимания, что же такое «дистанционное мошенничество» нет.

Чаще всего, правоприменители понимают под ним телефонные мошенничества, совершенные с помощью сотовой связи, реже стационарной телефонной связи в условиях, когда отсутствует личный контакт преступника и жертвы.

На сегодняшний день под термин «дистанционное хищение» подпадают три состава преступлений: п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ. Попытки определить данный вид преступлений предпринимали и другие исследователи [1; 2].

Что же объединяет все эти преступления? Почему такие разные по способу и разнообразию их непосредственного проявления посягательства правоохранительные органы объединяют в одно понятие – дистанционные?

Во-первых, не зависимо от способа, изъятие денежных средств совершается в условиях неочевидности, когда преступник и потерпевший не видят друг друга и, как правило, не знакомы.

Во-вторых, преступник не просто не видит потерпевшего, он находится, как правило, в другом субъекте РФ (Центральная Россия, Сибирь), и зачастую – в местах лишения свободы.

В-третьих, такие преступления носят хорошо спланированный, тщательно подготовленный характер, позволяющий вовлечь неопределенно большой круг потерпевших, в том числе путем неправомерного завладения базами персональных данных граждан, используя современное программное обеспечение, новейшие технические разработки и устройства.

В-четвертых, предметом таких преступлений выступают только денежные средства, которые обезличены, могут быть переданы преступнику как в безналичной, так и наличной форме.

В-пятых, средства и устройства, с помощью которых изымаются денежные средства, позволяют преступнику без личного физического контакта с потерпевшим и его деньгами, осуществить их изъятие.

В-шестых, как правило, потерпевший вообще не осознает факта вывода денежных средств с его счета в момент их изъятия.

Приходится констатировать тот факт, что «дистанционные хищения», в основном из-за отсутствия технической возможности, зачастую, не раскрываются, а похищенные денежные средства вернуть практически невозможно.

Если говорить об общности предмета всех дистанционных хищений, то предметами могут быть безналичные денежные средства, электронные денежные средства и иные имущественные права, в том числе цифровые права.

Безналичные денежные средства представляют собой особую форму существования наличных денег, хранящихся на банковских счетах кредитных организаций и предназначенных для совершения банковских расчетов. То есть, количеству безналичных денег соответствует равное количество наличных денег, хранящихся в натуральной форме в кредитной организации.

Другой разновидностью предмета в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ являются электронные денежные средства. Они также используются при осуществлении безналичных расчетов. Как справедливо отмечает А.А. Южин, «электронные денежные средства представляют собой определенную информацию, которая была конвертирована в эквивалент, выраженный в стоимостной или натуральной единице (деньги, минуты, количество поездок, литры)» [3].

Таким образом, изменив правовой статус безналичных денег и электронных денежных средств в ст. 128 Гражданского кодекса РФ и дополнив ч. 3 ст. 158 УК РФ новым квалифицирующим

признаком, законодатель расширил границы применения ст. 158 УК РФ. То есть, в настоящий момент предметом кражи могут быть не только безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, но и цифровые права.

Еще до внесения этих поправок в законодательство, Верховный Суд РФ признал цифровые права в виде биткоинов и других денежных суррогатов предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, разрешив, таким образом, существовавшую до недавнего времени неопределенность с правовым статусом биткоинов и прочих денежных суррогатов [4].

Анализ приговоров по пункту «г» части 3 ст. 158 УК РФ показал, что так суды, чаще всего, квалифицируют хищения безналичных денежных средств с помощью сервиса «Мобильный банк».

Вместе с тем, ставить квалификацию деяния и размер назначаемого наказания в зависимость только от того, наличные деньги или безналичные были похищены, при том что, общественная опасность этих разновидностей кражи несущественна, также, как и другие исследователи, считаем несправедливым [5; 6].

Вызывают затруднения в квалификации случаи совершения хищений с использованием системы бесконтактной оплаты банковскими картами. На практике одними органами следствия такие действия квалифицируются как кражи с банковского счета, а другими – как мошенничества с использованием электронных средств платежа.

Электронное средство платежа выступает в ст. 159.3 УК РФ не как предмет хищения, а именно как средство изъятия денежных средств, а предметом являются только безналичные денежные средства, находящиеся на банковском или консолидированном счете держателя карты. То есть, в контексте ст. 159.3 УК РФ электронное средство платежа выступает в качестве ключа к банковскому сейфу, в котором лежат деньги.

Во всех перечисленных случаях дистанционных хищений квалификация должна осуществляться по ст. 158 УК РФ ч. 2 или ч. 3, в зависимости от того, наличные деньги перечислялись злоумышленнику, электронные деньги (например, авансовые платежи на счете мобильного оператора, деньги с электронного кошелька), или безналичные деньги похищены с банковского счета потерпевшего.

Исходя из действующей редакции статьи, мы полагаем, что как мошенничество с использованием электронных средств платежа, должны квалифицироваться только такие ситуации, когда потерпевший, под влиянием обмана, добровольно именно сам перечисляет денежные средства в безналичном виде со своего банковского счета или электронные денежные средства на счет злоумышленника.

Таким образом, учитывая возникшую в результате непродуманного законотворчества неопределенность между различными видами хищения электронных активов, мы вновь ставим вопрос:

Может быть, есть основания при разработке новой редакции Уголовного кодекса РФ не делить хищения такого имущества на виды по способу их изъятия [7], а, напротив, по признаку общности

Литература:

1. *Литвинов Н.Д.* Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения / Н.Д. Литвинов, А.Н. Федоров // Научно-исследовательские публикации. 2015. № 12. С. 73–80.
2. *Петрикова С.В.* Особенности состава преступления «дистанционное мошенничество» / С.В. Петрикова, А.А. Лаврушкина // Электронный научно-практический журнал «Молодежный научный вестник». Ноябрь, 2017.
3. *Южин А.А.* Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 1. С. 141–144.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442/> (дата обращения 22.09.2020).
5. *Архипов А.В.* Актуальные вопросы квалификации хищения безналичных денежных средств // «Вестник Томского государственного университета». 2017. № 418. С. 195–198.
6. *Филатова М.* Разграничение посягательств на безналичные денежные средства по формам хищения // Уголовное право. 2020 г. № 1.
7. *Чернякова А.В.* Актуальные аспекты уголовной ответственности за хищения, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий // «Юридическая наука и правоохранительная практика», 2019 № 3(49). С. 129.

предмета объединить в один состав преступления под названием «Хищение имущественных прав» по аналогии со ст. 164 УК РФ «Хищение предметов, имеющих особую ценность»?

Literature:

1. *Litvinov N.D.* Fraud using mobile communication tools (remote): concept and features of the Commission / N.D. Litvinov, A.N. Fedorov // Scientific research publications, 2015. № 12. P. 73–80.
2. *Petrikova S.V.* Features of the crime «remote fraud» / S.V. Petrikova, A.A. Lavrushkina // Electronic scientific and practical journal «Youth scientific Bulletin». November, 2017.
3. *Yuzhin A.A.* Criminal law characteristics and problems of qualification of fraud using payment cards // Socio-economic phenomena and processes 2016. Vol. 11. № 1. P. 141–144.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 № 32 «On judicial practice in cases of legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means». URL : <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8442/> (date of application 22.09.2020).
5. *Arkhipov A.V.* Actual issues of qualification of theft of non-cash funds // Bulletin of Tomsk state University. 2017. № 418. P. 195–198.
6. *Filatova M.* Differentiation of encroachments on non-cash funds by forms of theft // Criminal law. 2020 № 1.
7. *Chernyakova A.V.* Actual aspects of criminal liability for theft committed using information and communication technologies // «Legal science and law enforcement practice». 2019. № 3(49). P. 129.

Еськова Лидия Константиновна
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения
лиdiy_1987@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения
лиdiy_1987@mail.ru

НОВЫЕ ПРЕСТУПНЫЕ СПОСОБЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ

Аннотация. Период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) обернулся самыми негативными последствиями для всего человечества. Российская Федерация в этом плане, к сожалению, не стала исключением. В статье рассматриваются новые способы совершения уголовно наказуемого мошенничества на современном этапе развития Российской Федерации в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Акцентируется внимание на механизме конкретных преступных действий.

Ключевые слова: хищение; способ хищения; мошенничество; обман; пандемия; коронавирус.

Период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) обернулся самыми негативными последствиями для всего человечества. Российская Федерация в этом плане, к сожалению, не стала исключением. Помимо ухудшения экономических показателей, возникла социальная напряженность, следствием которой стал неконтролируемый всплеск преступности. Так, по данным МВД России за период с января по сентябрь 2020 г. зарегистрировано 1540,2 тыс. преступлений, что на 1,2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

В качестве причин роста преступности исследователи отмечают:

- «потерю многими гражданами рабочих мест и, как следствие, источника существования;
- жажду легкой наживы;

Lidia K. Yeskova
Teacher of the Department
of Criminal Law and Criminology
Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Execution Service
лиdiy_1987@mail.ru

Vadim A. Ryabchikov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Public Law
subjects of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Execution Service
лиdiy_1987@mail.ru

NEW CRIMINAL METHODS OF FRAUD DURING THE PANDEMIC OF CORONAVIRUS INFECTION

Annotation. The period of the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19) has had the most negative consequences for all mankind. Unfortunately, the Russian Federation is no exception. The article examines new ways of committing criminal fraud at the present stage of development of the Russian Federation in the context of the COVID-19 coronavirus infection pandemic. Attention is focused on the mechanism of specific criminal actions.

Keywords: theft; method of theft; fraud; deception; pandemic; coronavirus.

– чувство вседозволенности и безнаказанности за совершенное общественно опасные деяния» [2].

Среди прочих преступлений в период пандемии особо стоит отметить преступления против собственности (906744 зарегистрированных преступлений за указанный период). Конечно, преступления против собственности на протяжении уже многих лет занимают первое место в структуре российской преступности. Причем, преступные способы совершения многих из них довольно хорошо известны как потерпевшим, так и правоприменителям. В связи с этим, большинство из них можно рассматривать в качестве «классических», но, тем не менее, продуцирующих большое количество противоправных деяний.

Казалось бы, статистика отражает вполне предсказуемые показатели большого объема

преступлений против собственности [3]. Однако стоит обратить внимание на то, что в 2020 г. существенно изменились качественные показатели данных преступлений. Речь идет о тех самых способах их совершения. Объективная действительность в период пандемии значительно поменялась, а ее извращенное субъективное восприятие отдельными гражданами позволили констатировать появление новых, ранее не встречавшихся в правоприменительной деятельности, способов хищения чужого имущества, а именно – мошенничества.

Увеличение количества мошеннических действий, предусмотренных ст. 159–159.6 УК РФ, отмечается и в официальной статистике МВД России. Суммарное количество данных преступлений, зарегистрированных за январь–сентябрь 2020 г., составило 247592 преступления. Прирост, в сравнении с аналогичным периодом 2019 г., составил больше четверти – 32,5 %. Заметим, что во многих зарубежных странах (например, Болгария, Великобритания, Швейцария) в период пандемии наблюдается аналогичная картина активизации мошенников [1].

Итак, способы обмана при совершении мошенничества стремительно адаптировались к новым условиям современной действительности. Рассмотрим самые распространенные из них.

1. Заведомо ложный административный штраф за нарушение самоизоляции. Мошенники с использованием мобильных сервисов осуществляют рассылку «смс-оповещений» с текстов якобы от государственных органов с требованием оплатить «штраф» за нарушения карантина или режима самоизоляции. К сообщению, мошенники прилагают реквизиты, по которым нужно внести оплату. Реже о «нарушении режима самоизоляции» мошенники сообщают потерпевшему по телефону. При этом акцент делается на то, что ввиду ограниченности приема в государственных учреждениях из-за введенных карантинных мер у «нарушителя» есть возможность прекратить производство по делу, оплатив штраф удаленно. В противном случае потерпевшим угрожают привлечением к уголовной ответственности.

2. Заведомо ложное предложение о выплате компенсации в связи с нахождением на карантине. С использованием информационно-телекоммуникационных сетей мошенники рассылают или размещают фейковую информацию о выплатах в связи с карантином. К сообщению прилагаются ссылки на сайты, где эти выплаты «оформляются». Тем, кто кликает на эту ссылку и заполняет там анкетные данные, приходит сообщение о якобы полагающейся компенсации в десятки и сотни тысяч рублей. Но есть условие – для этого нужно сначала оплатить комиссию, услуги по оформлению документов, создать ключ электронной подписи, пройти проверку безопасности транзакции.

Также, существует и более простой способ совершения аналогичных мошеннических действий, но с использованием мобильных или стационарных телефонных аппаратов. Например, звонки, как

правило, пенсионерам, с информацией о начислении им «карантинной» выплаты и просьбой назвать данные банковской карты для перечисления указанной выплаты.

3. Дистанционное оформление отсрочки по кредитам. На электронную почту приходят письма с фишинговыми ссылками, т.е., такими, которые открывают доступ к личным паролям и логинам пользователя. По этим ссылкам обещают отсрочку по кредитам, выплату пособий, волонтерскую помощь и другие «бонусы». Потерпевшего пытаются заставить пройти по ссылке и оставить на фиктивном сайте – «близнеце» данные для доступа к платежным системам и банковским картам и другую личную информацию.

4. Предоставление заведомо ложной информации о том, что родственник потерпевшего находится в больнице с коронавирусной инфекцией. На мобильный телефон потерпевшего поступает звонок от имени «врачей», мнимых сотрудников Роспотребнадзора и иных ведомств. Родственникам сообщают, что у их близких оказался положительный тест на коронавирус. Сообщается, что их увезли в больницу или изолировали в обсерваторе. Затем, предлагается перевести деньги на счет «медучреждения» для улучшения условий содержания больного и его лечения. Бонусом к такой «услуге» могут следовать предложения от этих же «медицинских учреждений» о покупке дорогостоящих медицинских препаратов, средств профилактики и гигиены, якобы рекомендованных для защиты от COVID-19. Среди прочего могут продавать лже-тесты на определение коронавируса или вакцину от него.

5. Предоплата за маски, антисептики и тесты на коронавирус. Мошенники посредством телефонных звонков, смс-сообщений и рассылок в сети «Интернет» предлагают потерпевшему приобрести средства защиты от коронавируса, не выходя из дома. После перевода денежных средств на указанный счет в качестве предоплаты, мошенники исчезают.

Также, посредством телефонного звонка потерпевшему могут сообщить, что он, возможно, контактировал с носителем вируса, и предлагают сдать тест. К тем, кто соглашается, приезжают «врачи» или якобы представители частных медицинских организаций, взимают оплату (до 5000 руб.) и забирают образец слюны. После этого мошенники исчезают, их телефоны не отвечают.

6. Санобработка квартиры от коронавирусной инфекции. Несмотря на то, что обман в таких ситуациях выступает способом совершения не мошенничества, а кражи (ст. 158 УК РФ), тем не менее, считаем важным отметить и данный способ совершения хищения. Преступники, одетые в белые халаты или комбинезоны, маски и с дезинфекторами в руках звонят в дверь потерпевшим. Если им открывают, сообщают о внеплановой санитарной обработке жилья от вирусов, насекомых и пр. Жильцы квартиры на некоторое время покидают ее, находясь на улице или в коридоре многоквартирного дома. При этом сама услуга может

быть как бесплатной, так и платной. В процессе «санобработки» виновные похищают имущество.

7. Мошенничество, совершаемое в IT-сфере и с использованием IT-технологий. Мошенники создают вирусные интернет-сайты, распространяющие вредоносное программное обеспечение для похищения личных данных или данных банковской карты. В условиях эпидемии COVID-19 такие сайты маскируются под официальные порталы реальных организаций, например, Всемирной организации здравоохранения или Минздрава России, благотворительных организаций, осуществляющих помощь и поддержку граждан.

Обобщив все названные способы мошенничества можно выделить несколько больших групп способов:

1. Заведомо ложное привлечение к ответственности за нарушение режима ограничительных мер.

2. Заведомо ложные предложения о продаже фиктивных товаров и услуг, необходимых гражданам в период ограничительных мер и профилактики заболеваемости.

Литература:

1. *Багреева Е.Г.* Криминологический анализ и тенденции преступности в период и после пандемии в Российской Федерации и Республике Болгарии / Е.Г. Багреева, А.И. Мантарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 93–104.

2. *Бочкарева Е.В.* Самодетерминация преступности во время пандемии COVID-19 // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Пенза, 2020. С. 147–149.

3. *Быковская Ю.В.* Анализ динамики и структуры преступности экономической направленности в российской федерации в современных условиях борьбы с пандемией // Экономика и предпринимательство. 2020. № 9(122). С. 1322–1331.

3. Заведомо ложные предложения об оказании услуг социального характера.

4. Мошеннические действия с использованием IT-технологий.

Таким образом, можно констатировать, что ограничительные меры и стимулирующие мероприятия, созданные и проводимые нашим государством для минимизации заболеваемости населения коронавирусной инфекцией, стали одновременно условиями для совершения преступлений корыстной направленности. Психология самого общества в период пандемии существенно пошатнулась, в связи с чем, усилилась и правовая аномия. Очевидно, что пик заболеваемости еще не пройден, а значит – говорить о выходе из сложившегося кризиса еще рано. Рассмотренные нами новые способы и формы преступной активности, по всей видимости, еще будут популярными среди современных преступников. В этой связи, дело ближайшего будущего – незамедлительная разработка новых общекриминологических и специальных мер профилактики таких способов преступного поведения.

Literature:

1. *Bagreeva E.G.* Criminological analysis and crime trends during and after the pandemic in the Russian Federation and the Republic of Bulgaria / E.G. Bagreeva, A.I. Mantarova // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2020. № 3. P. 93–104.

2. *Bochkareva E.V.* Self-determination of crime during the COVID-19 pandemic // Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations: a collection of articles of the XII International Scientific and Practical Conference : at 3 hours. Penza, 2020. P. 147–149.

3. *Bykovskaya Yu.V.* Analysis of the dynamics and structure of economic crime in the Russian Federation in modern conditions of fighting a pandemic // Economics and entrepreneurship. 2020. № 9(122). P. 1322–1331.

Зеленский Владимир Дмитриевич
Заслуженный юрист России,
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kgau-uf@mail.ru

Vladimir D. Zelensky
Honored Lawyer of Russia,
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Forensic Science,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
kgau-uf@mail.ru

Кuemжиева Светлана Александровна
Заслуженный юрист Кубани,
доктор юридических наук,
профессор,
декан юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kgau-uf@mail.ru

Svetlana A. Kuimzhieva
Honored Lawyer of Kuban,
Doctor of Law,
Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
kgau-uf@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ORGANIZATIONAL TOOLS IN CRIME INVESTIGATION METHODOLOGY

Аннотация. Оптимизация расследования как средство повышения его качества осуществляется по различным направлениям. Один из эффективных является сочетание организационных средств и методов расследования с теоретическими положениями и научно-практическими рекомендациями криминалистической методикой. В статье раскрывается содержание сочетания организации и методик, изложен организационно-аналитический процесс формирования предмета расследования и программы его исследования-планирования.

Annotation. Optimization of the investigation, as a means of improving its quality, is carried out in various directions. One of the most effective is the combination of organizational tools and methods of investigation with theoretical provisions and scientific and practical recommendations of forensic techniques. The article reveals the content of the combination of organization and methodology, outlines the organizational and analytical process of forming the subject of investigation and the program of its research and planning.

Ключевые слова: организация расследования, криминалистическая методика, целеопределение, планирование, система следственных и иных действий.

Keywords: organization of investigation, forensic technique, goal-setting, planning, system of investigative and other actions.

Организация расследования – это процесс структурного упорядочивания деятельности посредством целеопределения, планирования, взаимодействия, создания условий для качественного производства следственных и иных действий и руководства расследованием. Существуют и иные определения организации расследования, но, в целом, мнение криминалистов сходно в том, что организационный процесс состоит в создании структуры конкретного расследования с целью оптимизации деятельности его участников.

Посредством организации создаются условия для качественного производства следственных и иных действий. Организационный процесс структурно состоит из целеопределения, планирования, создания условий, взаимодействия и других элементов. Выступая в качестве обязательного компонента расследования, организация обеспечивает формирование и совершенствование его структуры и способствует процессу реализации [1, с. 35–51].

Организация является образующим процессом, формирующим структуру расследования, т.е., систему взаимосвязанных элементов: цели, следственные и иные действия, необходимые для достижения этих целей, участники расследования и

В системе криминалистики организационные основы расследования являются элементом (частной теорией) общей теории или методологии расследования. Организация, безусловно, сопряжена с другими частями криминалистики, что обуславливает сочетание организационных средств и методов с криминалистической методикой.

Криминалистическая методика – это система теоретических положений и основанных на них научно-практических рекомендаций по рациональному и эффективному расследованию. Целевое назначение методики состоит в разработке рекомендаций по реализации положений криминалистики в конкретном расследовании. Таким образом, цели организации и методики расследования обладают определенным сходством. С целью оптимизации расследования нам представляется необходимым выявить механизм сочетания положений организации и криминалистической методики. Для этого рассмотрим основные точки сочетания положений двух указанных теорий.

Криминалистическая методика разрабатывает систему обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Это типовая система по отдельным видам преступлений. Как известно, одной из основных задач организационно-аналитического процесса является формирование предмета расследования – системы обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Как видно, определение системы обстоятельств является точкой сочетания положений организации и методики расследования отдельных видов преступлений. Рассмотрим механизм подобного сочетания.

Известно, что совершение преступления (событие преступления) отражается в реальной действительности, посредством следов-отражений, именуемых следовой картиной [2]. Содержание следовой картины зависит от множества факторов: механизма преступления, способа совершения и сокрытия, обстоятельств, личности преступника и др. Криминалистическая методика, исследуя данный вопрос, выявила типичные следы и иные фактические данные, которые могут образоваться при совершении определенных видов преступлений в типичной обстановке. Это данные криминалистической характеристики преступления. Методика расследования вырабатывает рекомендации о процессе обоснования названными следами обстоятельств предмета доказывания и промежуточных фактов. Но ситуации выявления следов – отражений могут быть различными. В простых расследованиях (одномоментные преступления, совершаемые в условиях очевидности) основная часть обстоятельств (события преступления и лицо, его совершившее), как правило, известна с самого начала. В сложных, сложных и особо сложных расследованиях [3, с. 26–34] значительная часть обстоятельств неочевидна. Для их выявления строятся следственные версии. По своей правовой природе, криминалистическая версия представляет собой неустойчивую временную субстанцию квинсисценции познания, занимающую промежуточное положение в едином алгоритме установления истины по делу [4, с. 80]. Специфика построения следственных версий состоит в том, что следователь, располагая ограниченным объемом доказательств, использует выработанные криминалистикой и практикой расследования типичные следственные версии, являющиеся основой конкретизации версий в определенном расследовании [5, с. 63]. Из каждой версии выводятся

логические следствия – факты, которые должны (могут) существовать при условии, что данная версия верна. Установление выявленных обстоятельств является целью следственных действий. Изложенный процесс целеобразования – определение системы целей по уголовному делу – организационный. Но средства и методы организации в данном случае диалектически сочетаются с положениями и рекомендациями криминалистической методики. Указанный процесс включает: типовой перечень обстоятельств (методика) – конкретизацию обстоятельств в отдельном расследовании (организация) – определение системы целей по уголовному делу (организация) – формирование предмета расследования (организация с использованием положений методики).

Изложенное структурирование организационного и методического процессов необходимо в целях его совершенствования и оптимизации. Совершенно очевидно, что процесс этот протекает под влиянием различных факторов. По своему существу он является интеллектуальным, т.е., во многом зависит от субъективных причин. Известно, что где субъективизм там и ошибки. Анализ практики давно показал, что полнота и объективность целеопределения в расследовании зависит от различных причин. Прежде всего, определяющую роль играет профессионально-психологический уровень следователя. Знание теории и практики расследования, обладание прочными профессиональными навыками его производства определяют результаты деятельности по раскрытию преступления. Но есть еще одна группа факторов, включающая условия деятельности, в том числе интеллектуальной, и возможное влияние на ее осуществление различных объективных и субъективных причин.

Устранить факторы негативного характера можно путем автоматизации рассматриваемого процесса, использования информационных технологий, прежде всего, в построении следственных версий и процесса целеопределения. Один из авторов настоящей статьи предлагал пути и способы решения столь важного вопроса, практическому осуществлению которого, к сожалению, помешал ряд причин. Но проблема осталась и пути ее решения известны.

Второй точкой сочетания средств и методов организации и методики является планирование расследования. Криминалистическая методика разрабатывает типичные варианты следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий для расследования отдельных видов преступлений. Разработанные типовые варианты используются в планировании конкретного расследования. Отметим, что планирование – это процесс определения сил и средств расследования, распределения их в пространстве и времени. Планирование является интеллектуальным процессом, посредством которого создается умственная модель начавшегося и предстоящего расследования [6, с. 63–70]. Основная цель планирования заключается в определении системы следственных и иных действий. Представляя собой организационную деятельность, планирование является составной частью организации расследования, организационным процессом. Именно посредством

планирования осуществляется упорядочение расследования, определяется последовательность следственных и иных действий. Поэтому трудно согласиться с точкой зрения, отделяющей планирование от организации [7, с. 40]. Отметим, что по вопросу о сущности планирования особых рекомендаций среди криминалистов нет. Разногласия существуют в определении структуры планирования, содержания составляющих его элементов.

Прямое планирование расследования начинается еще на этапе доследственной проверки (если она существует в конкретном расследовании), первоначальном этапе и длится до окончания расследования. В нем выделяется ряд этапов (Р. С. Белкин называл их элементами) [8, с. 383–384], выражающих содержание планирования:

- анализ тактических целей, доказательственной и ориентирующей информации;
- определение следственных и иных действий, необходимых для установления каждого обстоятельства;
- определение последовательности следственных действий;
- конкретизация участников расследования;
- контроль выполнения намеченного, корректировка плана [9, с. 183–184].

Этапы планирования в значительной мере выделяются с методической целью. Практически организационно-аналитический процесс, включающий целеопределение, планирование, построение следственных версий и др. протекает как единое целое. Определение обстоятельств, подлежащих установлению, построение версий сопряжено с выбором средств, т.е. следственных и иных действий и построением системы этих действий, прежде всего, их последовательности. Указанный процесс особенно значителен на первоначальном этапе расследования.

Первый этап планирования состоит в анализе и оценке имеющейся информации, включающей сведения об обстоятельствах предмета расследования. На данном этапе:

- изучаются результаты первоначальных неотложных следственных действий, материалы доследственной проверки, результаты оперативно-разыскных мероприятий;
- анализируется совокупность информации по уголовному делу и предмет расследования;
- формируется представление о всей совокупности обстоятельств, подлежащих установлению и определяются необходимые силы и средства;
- конкретизируются задачи расследования.

Именно на данном этапе может приниматься решение о создании оперативно-следственной или следственной группы.

Второй этап планирования заключается в определении следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий, необходимых для достижения целей и решения общих задач расследования. Этот этап сочетается с первым и, по существу, указанные этапы в определенной части протекают одновременно. Но на втором этапе следователь, анализируя типичные варианты следственных действий, разработанные методикой расследования, обстоятельно устанавливает характер следственной ситуации, на основе ее анализа конкретизирует оптимальное сочетание средств расследования. Реализация данного основного этапа планирования, включающего выбор сил и средств конкретного расследования, отчетливо свидетельствует о сочетании организационных методов с данными криминалистической методики.

Третий этап планирования, включающий построение системы следственных и иных действий в пространстве и времени, т.е., определение последовательности их производства и конкретизации участников, является логичным продолжением предыдущего этапа. Важным составным элементом данного этапа является взаимодействие, в ходе осуществления которого реализуются положения организации, тактики и методики расследования. Являясь элементом организации, взаимодействие представляет собой часть расследования, где сочетаются процессуальные и не процессуальные средства получения информации, и осуществляется решение задач расследования. Естественно, что эта часть расследования осуществляется с использованием положений организации и методики расследования, а также положений теории ОРД. Теория взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, относится к методике расследования. Многие ее положения сопряжены с организацией. По мнению Р.С. Белкина, взаимодействие является формой организации [10, с. 25].

Планирование контроля исполнения является обязательным этапом расследования. Сущность его заключается в управлении, руководстве процессами реализации запланированного, корректировке намеченного плана, что очевидно демонстрирует сочетание средств и методов организации с методикой расследования и ее рекомендациями по оптимизации расследования. Методикой расследования и следственной тактикой разрабатываются различные способы сочетания следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

В настоящей работе изложено содержание сочетания положений криминалистической методики в ходе реализации основных структурных элементов организации расследования: целеопределения и планирования. Детализация рассмотренного процесса осуществляется в расследовании отдельных видов преступлений и способствует рационализации расследования.

Литература:

1. Подробно о понятии организации расследования см. В.Д. Зеленский. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
2. Куемжиева С.А. Организация расследования преступлений // В монографии Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018.
3. Корноухов В.Е. Методика расследования преступлений: теоретические основы. М., 2016.
4. О понятии и видах криминалистической сложности расследования см. В.Д. Зеленский. Теоретические вопросы расследования преступлений. Краснодар, 2011.
5. Куемжиева С.А. Расследование преступлений против семьи. Краснодар, 2005.
6. Быховский И.Е. Программирование расследования: возможности и перспективы // Актуальные проблемы советской криминалистики. М., 1980.
7. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
8. Кузьмин С.В. Белые пятна в теории планирования расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2008. № 3.
9. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 1997. Т. 2.
10. Куемжиева С.А. Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018.
11. Белкин Р.С. Криминалистика. Учебный словарь – справочник. М., 1999.

Literature:

1. For details on the concept of organizing an investigation, see V.D. Zelensky. Theoretical issues of organizing the investigation of crimes. Krasnodar, 2011.
2. Kuemzhieva S.A. Organization of crime investigation // In the monograph Methods of investigating crimes against family and minors. M., 2018.
3. Kornoukhov V.E. Methods of investigating crimes: theoretical foundations. M., 2016.
4. On the concept and types of forensic complexity of the investigation, see V.D. Zelensky. Theoretical issues of crime investigation. Krasnodar, 2011.
5. Kuimzhieva S.A. Investigation of crimes against the family. Krasnodar, 2005.
6. Bykhovsky I.E. Investigation programming: opportunities and prospects // Actual problems of Soviet criminalistics. M., 1980.
7. Zelensky V.D. Theoretical issues of organizing the investigation of crimes. Krasnodar, 2011.
8. Kuzmin S.V. White spots in the theory of planning crime investigation // Bulletin of criminalistics. 2008. № 3.
9. Belkin R.S. The course of criminalistics. 1997. Vol. 2.
10. Kuimzhieva S.A. Methods of investigating crimes against family and minors. M., 2018.
11. Belkin R.S. Forensic science. Educational dictionary – reference. M., 1999.

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

ФИНАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В ЧЕЧНЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Аннотация. В условиях нестабильности и регулярного использования военной силы в решении спорных международных вопросов мировые державы закрыли глаза на деятельность многих криминальных и даже террористических структур, охотно и негласно обращались к их услугам. В статье анализируется деятельность международных террористических организаций и группировок при попытке создания террористического государства «Республика Ичкерия» на Северном Кавказе, раскрыты сведения об источниках финансирования терроризма и экстремизма, показана роль западных международных организаций в информационной войне и поддержке террористов.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, отмыwanie преступных доходов, «Республика Ичкерия», ваххабизм, «Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Аль-Гамма», «Аль-Исламия», «Джамаат Аль-Муслими», «Международный исламский фронт», «Комитет мусульманской солидарности».

В условиях жестокой конкуренции, нестабильности и регулярного использования военной силы в решении спорных международных вопросов, мировые державы в конце XX – начале XXI вв. закрыли глаза на деятельность многих криминальных и даже террористических структур, охотно и негласно обращались к их услугам (Югославия, Никарагуа, Палестина, Чечня).

В частности, впервые в мировой истории была предпринята попытка легализации терроризма в государственной форме, а именно - становление «Республики Ичкерия», которую открыто или тайно поддерживало значительное количество государств и международных организаций с анти-российской направленностью.

В указанный период времени в мире действовала хорошо организованная сеть взаимодействующих между собой террористических организаций, преступная деятельность которых была тесно связана с торговлей наркотиками, подпольным оружейным бизнесом, современным пиратством

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Kuban State Agricultural University
karleba@mail.ru

FINANCING THE INTERNATIONAL TERRORISM IN CHECHNYA IN THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES

Annotation. In the face of instability and the regular use of military force in dealing with disputed international issues, the world powers have turned a blind eye to the activities of many criminal and even terrorist structures, willingly and tacitly turning to their services. The article analyzes the activities of international terrorist organizations and groups attempting to create the terrorist state «The Republic of Ichkeria» in the North Caucasus, it covers the issues about the financial support for terrorism and extremism, it also shows the role of Western international organizations in the information war and support for terrorists.

Keywords: terrorism, extremism, money laundering, «Republic of Ichkeria», «Wahhabism», «Al-Qaeda», Muslim Brotherhood, Al-Gamma, Al-Islamiya, «Jamaat Al-Muslimi», «International Islamic Front», «Committee of Muslim Solidarity».

и другими видами транснациональной организованной преступности [1].

Политические мотивы террористов тесно переплетались с конкретными меркантильными интересами, поэтому без крупной финансовой поддержки они не были в состоянии решать поставленные перед ними задачи. Экономическую основу такой поддержки, как уже было сказано, составляли криминальные доходы, «отмытые» через различные международные финансовые институты, что и является главной причиной мировой и региональной нестабильности.

По данным австрийского профессора Фридриха Шнайдера, общий объем капиталов только одной террористической организации «Аль-Каида» составлял 5 млрд дол. Значительная ее часть, то есть, 40 %, приходится на наркоторговлю, 30 % составляют поступления от поддерживающих Бен Ладена религиозных организаций, а 20 % своих средств «Аль-Каида» добыла при помощи самого настоящего рэкета некоторых стран,

которые вынуждены откупаться от нее под угрозой террористических актов.

Ежегодные «доходы» возглавляемой Бен Ладеном террористической организации австрийский ученый оценивал в 20–50 млн дол. [2].

Всплеск террористических актов, убийств и нападений боевиков на Северном Кавказе также напрямую был связан с финансовыми поступлениями из-за рубежа. Поставку валюты от террористических зарубежных организаций контролировали представители и курьеры Басаева, Арсанова, Бараева, Ахмадова и других лидеров. Поступающие в Чечню «гонорары», раздавались по цепочке, вплоть до рядового боевика. По оперативным данным, все деньги шли непосредственно через Хаттаба. Он являлся главным казначеем экстремистской организации «Братья мусульмане», и через него было направлено почти 30 млн дол.

На все существовали «расценки». Так, жизнь офицера Российских вооруженных сил стоила 500 дол., милиционера – 300, генерала – 3 тыс. При такой финансовой подпитке и на фоне полной разрухи в Чечне было довольно сложно вернуть рядовых участников бандформирований к мирной жизни. За годы правления Дудаева, а затем Масхадова они научились только одному: стрелять и убивать людей [3].

В Чечне ваххабиты материально опекали одиноких матерей, предлагали за обучение их детей в специальных школах за границей от 1000 долл. и выше, а, в последствие, банды пополнялись обученными молодыми людьми в возрасте от 19–20 лет, которые становились боевиками, выросшими и воспитанными по законам войны.

Финансовая поддержка боевикам была закамуфлирована под сбор пожертвований беженцам. На самом деле, денежные средства поступали на вербовку новых наемников из числа проживающих на Ближнем Востоке жителей Северного Кавказа, а также на их боевую подготовку на специальных базах. В поле зрения спецслужб попали такие организации, как «Аль-Харамейн», «Международная организация исламской помощи», «Общество социальных реформ», «Ассоциация возрождения исламского наследия» и «Всемирная исламская лига». Только ими в Чечню было направлено в конце 2000 г. около 2,5 млн дол., а всего за 2000 г. представители международных экстремистов, в том числе, и Усама Бен Ладен, выделили 55 млн долл. «для помощи чеченским моджахедам».

Новая система финансирования полностью устраивала полевых командиров, пользующихся возможностью обогатиться и приобрести недвижимость за границей. В Турции, Болгарии, Грузии, Азербайджане и других странах был отмечен небывалый до этого интерес к скупке чеченцами недвижимости и созданию совместных фирм, где отмывались «спонсорские» деньги.

Указанные денежные средства шли транзитом через Азербайджан и Грузию. Схема действий

была отработана еще во время первой чеченской кампании. Деньги обналичивались и переправлялись курьерами в Чечню. Для перевода денежных сумм в Закавказье использовались счета в банках, имеющих отделения в Баку и Грузии или поддерживающих корреспондентские связи с местными банками, среди которых называют «Креди Либанэ», «АБН-АМРО Банк», «М-Банк» и другие.

Многие организации, которые оказывали помощь чеченским боевикам: «Чечено-ингушское общество Америки», «Аль-Гамма Аль-Исламия», «Джамаат Аль-Муслими», «Исламский верховный совет Америки», «Ассоциация американских мусульман», фонд «Наследие», «Фонд международных пожертвований» и еще более 50 некоммерческих организаций, действовали в США. В Великобритании таких организаций было более 20-ти, в том числе «Международный исламский фронт», «Комитет мусульманской солидарности», «Евро-Кавказское движение», «Британские студенты за мир в Чечне», фонд «Чеченское воззвание» и другие. В Германии, Франции, Израиле, Турции, Саудовской Аравии, Кувейте, Объединенных Арабских Эмиратах, Иордании и Ливане было создано более 60-ти подобных организаций.

Активную помощь в движении преступных капиталов оказывали финансовые организации Саудовской Аравии: Исламский банк развития, Национальный коммерческий банк Королевства Саудовская Аравия; в Объединенных Арабских Эмиратах: Исламский банк ОАЭ, Dubai Islamic bank в Иордании: «Baraka bank», «Attaka bank»; крупнейшие банки Ирана и Египта: «Банке меллят», «Джамаат ансар аль-Шариа», «Джамаат аль-мухаджирин», «Джихад исламий», Eguption Saudi finance bank, а так же финансовые группы: «Модер моторс», «Шершни пластик», «Дар ас-Салам паблисити» [4].

«Подпитывали» чеченских террористов и некоторые олигархи России. ФСБ РФ выдвинуло публичное обвинение в отношении Б.А. Березовского, объявив его в международный розыск.

Уже не является аксиомой, что миграционные процессы во всем мире имеют объективную тенденцию к росту, что, в свою очередь, ведет к образованию в различных странах этнических диаспор, которые также используют организованные преступные группировки.

В России эти группировки очень часто использовались для отмывания «грязных» денег и финансирования терроризма, так как были хорошо организованы, сплочены и имели защищенность от правоохранительных органов. Национальная солидарность, а также родственные связи, языковой и культурные барьеры надежно защищали такие группировки от проникновения в них постоянных лиц, в том числе, агентов спецслужб [5].

Нашим зарубежным партнерам приходилось долго разъяснять, что пресечение глобального террора – это не только поимка или уничтожение конкретных лиц, а также – объявление вне закона созданные ими организации. Усилия мирового

сообщества необходимо сосредотачивать и на уничтожении мировой финансовой системы международного террористического сообщества, что достижимо только при искоренении двойных стандартов в оценке деятельности самих террористов. Однако голос России так и не был услышан.

В это период времени информационная поддержка террористов действовала во всем мире. Так, были созданы и действовали информационные агентства Масхадова и Хаттаба в Грузии, Азербайджане, Прибалтике, Польше, Азии, США, странах Западной Европы, которые пытались превратить международных террористов, убивающих людей в Чечне, в неких борцов за свободу и независимость.

За спиной России с лидерами бандформирований Чечни велись переговоры и в Нью-Йорке, и в Брюсселе. Боевикам помогали не только экстремистские организации, но и «нейтральные» общественно-политические организации, например, созданный небезызвестным г-н Бжезинским, Комитет содействия Чечне. Подобных «миротворцев» и «помощников» в мире было не мало и двигало их, отнюдь, не желание помочь беженцам или мирному населению. Они хотели расчленить Россию, то есть, сделать то, что было сотворено с Советским Союзом.

В заключении необходимо отметить, что международные террористические группировки, хотя и потерпели поражение в России, однако, получили определенный опыт и его успешно реализовали в Ираке, Ливии и Сирии. Так, «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) просуществовало

всего шесть лет (2013–2019 гг.) и распространяло свое влияние на территории Сирии и Ирака. Оно являлось непризнанным квазигосударством, которое было провозглашено как всемирный халифат с шариатской формой правления.

Вместе с тем, прекратив свое существование, ИГИЛ до настоящего времени имеет вполне боеспособные и подконтрольные группировки на территории таких стран как Ливия, Сомали, Нигерия, Афганистан, Египет, Йемен и ведет террористическую деятельность на Северном Кавказе, в Алжире, Индонезии, Ливане, Пакистане, Саудовской Аравии, Тунисе, Филиппинах и некоторых других странах. В качестве первоначальной финансовой основы этого «государства» стала, захваченная ИГИЛ во второй половине 2014 г. на территории Ирака наличная валюта в размере эквивалентном не менее полумиллиарда долларов США. Одновременно ИГИЛ установило контроль над филиалами государственных банков в иракских провинциях Ниневия, Анбар, Салах-эд-Дин и Киркук и сосредоточило внимание на ограблении банков в Мосуле, втором по величине городе Ирака и крупном финансовом центре, где назначило своих управляющих в отделениях банков города. ИГИЛ свободно вело свою деятельность в Эль-Фаллуджа и Эр-Рамади в Ираке [6].

Приведенные примеры отчетливо указывают, что террористические организации в начале XXI века превратились в крупные международные корпорации с развитой структурой и высокой конспиративной подготовкой, имеющие свои сети во многих странах мира и пользующиеся серьезной государственной и частной финансовой поддержкой [7].

Литература:

1. *Вишневецкий К.В.* Международное сотрудничество правоохранительных органов при расследовании уголовных дел о терроризме и экстремизме : учеб. пособие / К.В. Вишневецкая, В.А. Карлеба, Д.Д. Стронский; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Краснодар. акад. Краснодар : Краснодар. акад. МВД России, 2004. С. 120.
2. «Общак» бен Ладена потянул на 5 миллиардов долларов США // Комсомольская правда. 2001. № 206. 9–16 ноября.
3. *Манилов В.* Мы призваны взрастить былую мощь отечества // Парламентская газета. 2002. – № 23. 01 февраля.
4. Кто выдает зарплату Хаттабу? // Утро. 2001. 26 марта; Терроризм на экспорт // Красная звезда. 2000. 13 июля; Откуда деньги у бандитов? // Век. 2000. 1 дек.
5. *Лунева В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Предисловие академика Российской академии наук В.Н. Кудрявцева. М., 1997. С. 318.

Literature:

1. *Vishnevetsky K.V.* International cooperation of law enforcement agencies in the investigation of criminal cases of terrorism and extremism: training manual / K.V. Vishnevetskaya, V.A. Karleba, D.D. Stronsky; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar Academy. Krasnodar: Krasnodar Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 120.
2. The «common fund» of Bin Laden amounted to \$5 billion // Komsomolskaya Pravda. 2001. № 206. November 9–16.
3. *Manilov V.* We are called to nurture the former power of the fatherland // Parliamentary newspaper. 2002. № 23. Feb. 1.
4. Who gives the salary to Khattab? // Utro. 2001. March 26; Terrorism for export // Krasnaya Zvezda. 2000. uly 13; Where did the bandits get the money from? // Century 2000. Dec. 1
5. *Luneva V.V.* Crime of the 20th century. International, regional and Russian trends. Foreword by Academician of the Russian Academy of Sciences, V.N. Kudryavtsev. M., 1997. P. 318.

6. *Мелкумян К.С.* Финансирование терроризма: тренды XXI в. с сирийским акцентом // Вопросы безопасности. 2018. № 3. С. 78–93.

7. *Пчелкин Д.А.* Деятельность международных организаций по предупреждению финансирования терроризма (экономический аспект) : дис. канд. экон. наук. М., 2011.

6. *Melkumyan K.S.* Terrorist Financing: 21st Century Trends with a Syrian accent // Security Issues. 2018. № 3. P. 78–93.

7. *Pchelkin D.A.* The activities of international organizations to prevent the financing of terrorism (economic aspect) : dis. ... cand. econ. sciences. M., 2011.

Карханина Людмила Владимировна
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний,
старший лейтенант внутренней службы
ludakarhanina@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые международные акты, применяемые при реализации наказаний, не связанных с изоляцией несовершеннолетних осужденных от общества. Научный анализ их содержания показал, что они устанавливают специфические положения по исполнению этих наказаний в отношении лиц, не достигших совершеннолетия. Автор акцентирует внимание на целесообразности привлечения родителей или иных законных представителей несовершеннолетних осужденных в процесс реализации наказаний за исключением случаев, когда это может навредить интересам подростка.

Ключевые слова: международные стандарты, несовершеннолетний осужденный, наказания, не связанные с изоляцией от общества, особенности исполнения наказаний, родители или иные законные представители несовершеннолетнего осужденного.

Преступность несовершеннолетних была и остается одной из самых актуальных проблем для всего мирового сообщества. Следовательно, на всех этапах развития любого государства несовершеннолетние осужденные ощущали на себе всю тяжесть уголовных репрессий.

Со временем уголовная политика многих европейских государств стала более внимательной к несовершеннолетним преступникам, придя к выводу о том, что в юном возрасте они более подвержены исправлению. В отношении этой категории правонарушителей стал действовать особый режим назначения и исполнения наказаний, предполагающий существенное их смягчение.

Кроме этого, европейская уголовно-правовая наука и пенитенциарная практика занялись активным поиском мер, альтернативных тюремному заключению. Учет в максимальной степени

Ludmila V. Karhanina
Associate of the Faculty of Training
Scientific and Pedagogical Personnel,
Academy of Law and Management
Federal Service Enforcement of Sentences,
Senior Internal Service Lieutenant
ludakarhanina@mail.ru

INTERNATIONAL STANDARDS APPLIED IN THE EXECUTION OF CRIMINAL SENTENCES NOT RELATED WITH ISOLATION FROM SOCIETY OF JUVENILE CONVICTS

Annotation. The article discusses international acts applied in the implementation of punishments not related to with the isolation of convicted juveniles from society. Scientific analysis of their content has shown that they establish specific provisions for the execution of these punishments in relation to persons who have not reached the age of majority. The author focuses on the advisability of involving parents or other legal representatives of juvenile convicts in the process of implementing punishments, except in cases where it may harm the interests of the teenager.

Keywords: international standard, juvenile convict, non-custodial sanction, peculiarities of execution of sentences, parents or other legal representatives of a convicted minor.

особенностей социально-психологического развития подростков повлиял и на выбор особых методов воздействия на них, в соответствии с которыми содержание карательных задач и средств их реализации приобрело исключительно воспитательный характер.

Перед государствами возникла острая необходимость осуществлять целенаправленную борьбу с преступностью несовершеннолетних, оберегая при этом их от криминального заражения со стороны взрослых осужденных и обеспечивая тем самым максимальный уровень их защищенности, как при назначении, так и при исполнении уголовных наказаний, что и обусловило потребность в разработке основополагающих стандартов в этой области.

По справедливому замечанию В.А. Уткина, международные стандарты обращения с лицами,

подвергнутыми наказаниям, не связанным с лишением свободы, появились сравнительно недавно, так как проблеме обеспечения прав человека в реализации подобных мер не придавалось серьезного значения [4, с. 7], а их дальнейшая разработка продолжается до настоящего времени.

Одним из таких актов являются Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила, 1990 г.) [1]. Правила устанавливают общие положения по осуществлению надзора за осужденными к наказаниям без изоляции от общества, закрепляет последствия нарушения лицом условий их отбывания, необходимость привлечения к этому процессу общественности и др.

Основополагающим международным актом, где закреплены особенности реализации этих видов наказаний в отношении осужденных в возрасте до 18 лет, являются Европейские правила для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера (2008) [2]. Рассмотрим их более подробно.

Всесторонне учитывая психофизиологические особенности несовершеннолетних, Европейские правила 2008 г. устанавливают: общие принципы исполнения наказаний в отношении этой категории лиц, минимальные условия их реализации, последствия невыполнения осужденным установленных для него условий и обязанностей. Проведем их краткий анализ.

Общие положения подтверждают необходимость уважительного обращения с несовершеннолетними осужденными. При исполнении назначенных им наказаний, не допускается их дискриминация по каким бы то ни было основаниям.

Научный анализ Европейских правил показал, что они устанавливают специфические положения по исполнению наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных, которые целесообразно учесть в национальном законодательстве. Нами были выделены следующие.

Во-первых, порядок и условия реализации наказаний, не связанных с изоляцией несовершеннолетних осужденных от общества, должен базироваться на принципах социальной интеграции, их всестороннего воспитания и предупреждения повторной преступности.

По справедливому замечанию М.М. Бабаева, положения психологии и педагогики позволяют сделать вывод о том, который является принципиальным для решения задачи наказания лиц, не достигших совершеннолетия: при должном воспитательном воздействии всякий несовершеннолетний может быть перевоспитан и исправлен. В связи с этим следует учитывать индивидуальные особенности личности несовершеннолетних осужденных [3, с. 12].

Изложенное выше приводит нас к выводу о необходимости не только установления специфического порядка исполнения и отбывания этих видов

наказаний, но и учета особенностей несовершеннолетнего возраста при определении мер поощрения для исследуемой категории лиц, порядка замены неотбытой части наказания другим, более строгим, а также вовлечения в исправительный процесс специальных участников, деятельность которых непосредственно связана с ними.

Во-вторых, правила указывают на необходимость привлечения родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего осужденного в процесс исполнения (отбывания) наказаний, за исключением тех случаев, когда подобное может навредить интересам подростка.

Полагаем, что данное положение позволит обеспечить повышенную правовую защиту несовершеннолетних при реализации наказаний без изоляции от общества и положительным образом скажется на достижении цели их исправления.

Вместе с тем, в случае, если родители или иные законные представители несовершеннолетнего лица ведут антиобщественный образ жизни, имеют стойкую криминальную установку личности, представляется целесообразным не только не вовлекать их в процесс исполнения наказания в отношении данного лица, но и проводить с ними необходимую профилактическую работу в пределах установленных компетенций. В противном случае исправление несовершеннолетнего осужденного будет практически невозможно, так как его семья как первичная среда для приобретения социально значимых качеств будет препятствовать воспитательному процессу. Следовательно, целесообразно устанавливать взаимоотношения несовершеннолетнего с его семьей.

В-третьих, порядок исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, не должен осложнять процесс получения несовершеннолетним, как общего, так и профессионального образования.

В-четвертых, обязательным условием достижения цели назначенного наказания является, предусмотренная законодателем, возможность сокращения, смягчения или прекращения действия назначенных запретов и ограничений, что сделает достижение цели уголовного наказания более реальным.

В настоящее время законодательство России не предусматривает замену неотбытой части наказания другим, более мягким, а также, условно-досрочное освобождение для осужденных, которые отбывают наказания, не связанные с изоляцией от общества. Представляется, что подобная ситуация негативным образом отражается на исправлении осужденных, так как условия исполнения назначенных им наказаний не предусматривают подобных мер стимулирования правопослушного поведения.

В-пятых, несовершеннолетнего и его родителей (иных законных представителей) целесообразно знакомить с возможными правовыми последствиями при уклонении осужденного от отбывания наказания. Данное положение акцентирует внимание на том, насколько важно донести не только до совершившего правонарушение подростка, но и, в силу его несовершеннолетнего возраста, до

ответственных за него взрослых пагубность неисполнения назначенного ему наказания.

При решении вопроса о замене наказания иным, более строгим, целесообразно установить, в какой мере осужденный выполнил установленные в его отношении требования, а в какой – уклонился от них.

Таким образом, одной из важных особенностей исполнения наказаний в отношении рассматриваемой нами категории лиц является привлечение к этому процессу их родителей или иных законных

Литература:

1. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14.12.1990 г. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.12.2020).

2. О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера: рекомендация № CM/Rec(2008)11 Комитета министров Совета Европы: принята 5.11.2008 г. на 1040-м заседании заместителей министров. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 05.12.2020).

3. *Бабаев М.М.* Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 1986. 119 с.

4. *Уткин В.А.* Общие условия реализации альтернативных санкций в свете международных стандартов // Вестник Кузбасского института. 2014. № 1(18). С. 7–13.

представителей в случаях, когда подобное не может навредить интересам подростка. Кроме изложенного, преобладающее значение имеет воспитательная часть наказания, что влечет за собой приоритетность образования, а также, установление особого порядка и условий исполнения и отбывания этих мер, необходимость закрепления положений, которые предусматривают досрочное освобождение несовершеннолетних осужденных от их отбывания в случае достижения цели исправления.

Literature:

1. UN Standard Minimum Rules for Measures not related to imprisonment (Tokyo Rules): adopted by General Assembly resolution 45/110 of 12/14/1990. URL : <http://www.consultant.ru> (date of application 05.12.2020).

2. Recommendation CM / Rec (2017) 3 of the Committee of Ministers to member States on the European Rules on community sanctions and measures // Compendium of conventions, recommendations and resolutions relating to prisons and community sanctions and measures. Council of Europe Publishing. 2018 (in English). URL : <https://rm.coe.int/compendium-of-conventions-recommendations-and-resolutions-relating-to-1680714781> (date of application 05.12.2020).

3. *Babaev M.M.* Individualization of the punishment of minors. M. : Legal Literature, 1986. 119 p.

4. *Utkin V.A.* General conditions for the implementation of alternative sanctions in the light of international standards // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2014. № 1(18). P. 7–13.

Корчагин Александр Юрьевич
доктор юридических наук,
профессор,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kgau-uf@mail.ru

Aleksandr Yu. Korchagin
Doctor of Law,
Professor,
Kuban State Agrarian I.T. Trubilin University
kgau-uf@mail.ru

О ЦЕЛЯХ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

ON THE OBJECTIVES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Аннотация. Цели уголовного судопроизводства являются одним из элементов деятельности, позволяющих обстоятельно понять всю структуру судопроизводства, взаимосвязь двух ее основных подсистем – расследования и судебного разбирательства. В статье рассмотрен вопрос о целеопределении в судебном разбирательстве уголовных дел. Сделан анализ одного из элементов организационно-аналитической деятельности судьи. Дана оценка различным взглядам на содержание целеопределения в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: цели уголовного судопроизводства, истина, организация расследования, целеопределение.

Annotation. The objectives of criminal proceedings are part of the work that allows us to understand in detail the entire structure of the proceedings, the relationship between its two main subsystems - investigation and trial. The article considers the issue of targeting in the judicial proceedings of criminal cases. An analysis of one of the elements of the organizational and analytical activities of the judge was made. Various views on the content of the target definition in the trial were assessed.

Keywords: objectives of criminal proceedings, truth, organization of investigation, targeting.

Понятие «цель» в уголовном судопроизводстве имеет определяющее значение, так как существование и характеристика целей деятельности определяет направления, а, во многом, и содержание, как расследования преступлений, так и судебного разбирательства уголовных дел. Цели уголовного судопроизводства являются одним из элементов деятельности, позволяющих обстоятельно понять всю структуру судопроизводства, взаимосвязь двух ее основных подсистем – расследования и судебного разбирательства. Эти две самостоятельные, но взаимосвязанные виды деятельности объединены конечной целью – установлением истины.

Понятие, содержание целей в уголовном судопроизводстве исследовались с различных позиций и подходов. Значительный вклад в разработку теоретических основ целеопределения внесли И.М. Лузгин, А.В. Дулов, В.Д. Зеленский, А.П. Попов, П.С. Элькин, В.Т. Томин и другие ученые. Общим для большинства названных ученых является взгляд на цели в уголовном судопроизводстве как на результат деятельности, определяемый в ходе ее осуществления (частные цели), либо их законодательной регламентации (общие или стратегические цели). Подчеркнем отмеченную деталь: ввиду социальной значимости расследования его общие цели должны быть указаны в законе. Отметим, что в действовавшем ранее УПК РСФСР названные цели были указаны. Цели расследования и всего уголовного судопроизводства – категория, обязательная для

деятельности, для каждого конкретного расследования. Другого не дано. Ибо точки зрения юристов могут быть разными. Но законность, как конкретный элемент уголовного судопроизводства – это строгое и точное выполнение действующего закона. Но, если цели деятельности не указаны в уголовно-процессуальном законе, то это может расцениваться следователем как возможность действовать по своему усмотрению, выбрать один из вариантов доктринального толкования закона или рекомендации уголовного процесса и криминалистики. Недопустимость такого положения очевидна. Вместе с тем, оно существует. Безусловно, существующее положение самым отрицательным образом будет влиять и влияет на качество расследования.

Анализ уголовно-процессуального закона и содержания расследования как вида деятельности показывает, что объективно существуют следующие общие цели уголовного судопроизводства: быстрое и полное раскрытие преступления; избрание виновных лиц; ограждение невиновных от необоснованного обвинения; защита прав и законных интересов личности, возмещение материального ущерба; предупреждение преступлений; воспитание граждан в духе добросовестного исполнения закона. Это, по – существу, положения УПК РСФСР 1960 г.

Указанные цели, повторим, объективно вытекают из содержания расследования как деятельности. Замена их термином «назначения» уголовного

судопроизводства не выдерживает критики [1, с. 51]. Целеопределение, в широком смысле этого слова – это деятельность, предполагающая создание целостной структуры целей, задач и функций [2, с. 28–29]. Деятельность эта существует независимо от того, озвучена она в УПК РФ или нет.

Для расследования имеет значение единообразное понимание конечной цели уголовного судопроизводства. В теории и практике расследования и судебного разбирательства существует два основных взгляда по данному вопросу:

– целью уголовного процесса является разрешение спора между государством и личностью [3, с. 4–5];

– конечная цель уголовного судопроизводства – установление истины [4, с. 46].

В первом случае речь идет о вероятном установлении обстоятельств предмета доказывания, во втором – о максимально точном соответствии выводов следователя, суда обстоятельствам преступления. В разрешении данного спора необходимо обратиться к содержанию основной закономерности уголовного судопроизводства. Она состоит в соответствии результатов (конечных выводов) обстоятельствам произошедшего события [5, с. 10]. Именно эта закономерность отличает уголовное судопроизводство от иных видов разбирательств. Для реализации указанной закономерности необходимо достижение истины.

Объективная истина является базовой категорией научного познания [6, с. 22–23, 26]. Методология уголовно-процессуального доказывания посредством реализации принципов всесторонности, объективности и полноты является средствами установления истины.

Качество расследования нередко оставляет желать лучшего, потому что существует возможность следственных ошибок. Это предполагает тщательное судебное разбирательство, которое является средством проверки материалов расследования и делает выводы об установлении истины. Проверка материалов уголовного дела предполагает исследование выводов расследования и собственных предположений (версий) суда.

Перед судом стоит конкретная задача: проверка обоснованности выводов обвинительного заключения. Решение указанной задачи начинается с изучения материалов уголовного дела. Необходимо исследовать группу обстоятельств, составляющих предмет доказывания и обстоятельства, их обосновывающие. В сочетании указанные группы обстоятельств образуют предмет

судебного разбирательства. Установление этих обстоятельств (путем проверки материалов расследования), является общей целью судебного разбирательства.

Вторая группа обстоятельств не только обосновывает предмет доказывания по уголовному делу. Их исследование необходимо для анализа поисково-познавательной деятельности следователя, получения и исследования доказательств, мотивации оценочной деятельности следователя и прокурора. Изучаются не только доказательства, но и процесс их получения, что обеспечивает всесторонность расследования и установление достоверности доказательств. При изучении судья отмечает недостатки и упущения следствия, фиксируя их последствия для расследования. Негативных последствий может не быть, либо они незначительны.

Организационно-аналитическая работа судьи позволяет ему конкретизировать предмет судебного разбирательства, предположить круг обстоятельств, которые ему предстоит исследовать в ходе судебного разбирательства. В ходе конкретизации судья приходит к выводу:

1. Результат расследования должен проверяться в объеме, указанном в обвинительном заключении.

2. В системе расследования есть упущения, которые либо не влияют на обоснованность выводов следствия и могут быть устранены в ходе судебного следствия: либо недостатки расследования не позволяют рассмотреть дело; либо возникает версия суда, подлежащая проверке.

Построение судебных версий может изменить как предмет расследования, так и предмет судебного разбирательства. По данным нашего обобщения судебной практики, в 79 % случаев судья с большой степенью вероятности допускает достоверность утверждений обвинительного заключения, но предполагает и существование несколько иных вариантов отдельных элементов события [7, с. 265]. Это и есть те самые изменения в предмете судебного разбирательства.

В предмет судебного разбирательства, помимо двух указанных групп обстоятельств: обстоятельства совершения преступления, виновности подсудимого и обстоятельств собирания доказательств на досудебном следствии, входит их проверка соблюдения законности расследования, соблюдения прав участников процесса, защита этих прав. В ее три группы обстоятельств, взаимосвязанных между собой в совокупности образуют предмет судебного разбирательства. Их установление является конкретными целями судебного процесса.

Литература:

1. *Томин В.Т.* Довольно резко назвал существующее положение демагогическим искажением целеопределения. См. Уголовный процесс.

Literature:

1. *Tomin V.T.* Quite sharply called the existing situation a demagogic distortion of targeting. See Criminal Procedure. Problematic lectures : textbook for

Проблемные лекции : учебник для магистров / В.Т. Томин, Под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М., 2013.

2. *Попов А.П.* Целеопределение в современном отечественном общественном уголовном судопроизводстве : дис. ... докт. юрид. наук. Новгород, 2006.

3. *Мизулина Е.* Технология власти: уголовный процесс. Ярославль, 1992.

4. *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991.

5. *Зеленский В.Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.

6. *Бастрыкин А.И.* О возможности введения в УПК РФ института установления объективной истины // Прокурорская и следственная практика. 2013. № 2.

7. *Корчагин А.Ю.* Основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. М., 2009.

masters / V.T. Tomin; edited by V.T. Tomin, I.A. Zinchenko. M., 2013.

2. *Popov A.P.* Goal determination in modern domestic public criminal proceedings : dis. ... doctor of Law. Novgorod, 2006.

3. *Mizulina E.* Technology of power: criminal trial. Yaroslavl, 1992.

4. *Tomin V.T.* Sharp corners of criminal proceedings. M. 1991.

5. *Zelensky V.D.* Theoretical issues of organizing the investigation of crimes. Krasnodar, 2011.

6. *Bastrykin A.I.* On the possibility of introducing an institution of establishing objective truth in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation // Prosecutor and investigative practice. 2013. № 2.

7. *Korchagin A.Yu.* Fundamentals of forensic support for criminal trials. M., 2009.

Кудряшов Константин Викторович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры истории
и теории государства и права,
АНО ВО «СКСИ», г. Ставрополь
kv-26@yandex.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Терещенко Виктор Викторович

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления –
филиал
politolog@uriu.ranepa.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
председатель,
Общественная наблюдательная комиссия
Ростовской области
igorom111@yandex.ru

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
СОВРЕМЕННОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ПРАВА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

■ ■ ■

Аннотация. Ещё со времён Великих буржуазных революций, произошедших в странах Европы, Америки и Азии в XVI–XIX вв., институт избирательного права рассматривается в конституционном (государственном) праве как непреходящий институт, первоначально буржуазного, позднее – демократического государства. Посредством выборов в современных государствах замещается множество как государственных, так и муниципальных должностей. Именно поэтому сами выборы в нынешних реалиях всегда превращаются в арену острой политической борьбы, хотя порой они могут также обратиться даже в фарс. Но и в этом случае правящие элиты уже не могут полностью игнорировать этот важнейший

Konstantin V. Kudryashov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of History
and Theories of State and Law,
ANO VO «SKSI», Stavropol
kv-26@yandex.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of the National Economy
and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Viktor V. Tereshchenko

Postgraduate student of the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South-Russian Institute of Management –
branch of the RANEPA
politolog@uriu.ranepa.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
Chairman,
Public Monitoring Commission
of the Rostov Region
igorom111@yandex.ru

**COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS
OF CURRENT PROBLEMS
OF CONTEMPORARY ELECTORAL LAW:
DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE**

■ ■ ■

Annotation. Since the time of the Great bourgeois revolutions that took place in the countries of Europe, America and Asia in the 16th – 19th centuries, the institution of electoral law is considered in constitutional (state) law as an indispensable institution, initially of a bourgeois state, and later of a democratic state. Through elections in modern states, a lot of both state and municipal positions are filled. That is why the elections themselves in the current realities always turn into an arena of acute political struggle, although sometimes they can even turn into a farce. But even in this case, the ruling elites can no longer completely ignore this most important constitutional and legal institution. The death of the USSR and the creation of a unipolar world

конституционно-правовой институт. Гибель СССР и создание США однополярного мира, в котором лишь одна – западная (либеральная) – модель считается достойным, закономерным и конечным этапом развития всего человечества, «концом всей человеческой истории», привели ко многим серьезным проблемам в национальном избирательном праве большинства стран мира. События только 2020 г. показывают нам существенные корреляции, которые пытаются внести в институт избирательного права США вместе со своими сателлитами: Великобританией, Германией, Францией и другими странами Запада. Выборы Президента Республики Беларусь 2020 г. наглядно демонстрируют, как страны Запада «проталкивают» удобного им, но, увы, очередного неизбранного собственным народом президента. Несмотря на явно неудавшийся опыт, они очевидно желают повторить его и в России. В самих США 3 ноября 2020 г. закончились выборы Президента США, но до сих пор отсутствует конечный результат. Данная статья посвящена выявлению актуальных проблем, вытекающих из современных парадигм развития мировой цивилизации.

Ключевые слова: выборы, дистанционное электронное голосование, дни голосования на выборах (референдумах), избирательная система, избирательное право, подсчет голосов, тайное голосование, электронное голосование.

Выборы давно уже стали одним из неопровержимых черт современной демократии. Посредством выборов народ в большинстве стран современного мира и осуществляет принадлежащую ему власть и делает легитимными центральные, региональные и местные представительные органы, и множество выборных должностных лиц – главу государства, депутатов, судей, губернаторов, мэров и мн. др. Однако, являясь органическим атрибутом демократии, их удельный вес и значение в политической жизни конкретной страны всегда различны, находясь в зависимости от целого ряда национальных, социальных и исторических особенностей, закреплённых в конституциях и иных актах национального законодателя число органов, создаваемых посредством выборов для каждой страны [1, с. 3].

Анализ основных проблем, связанных с избирательным правом и избирательными системами прошлого века, позволяет автору сделать вывод о том, что такими тогда являлись: фальсификация выборов, избирательная геометрия (джерримэндеринг), абсентеизм, часть избирательных цензов (например, имущественный) и объективные недостатки мажоритарной и пропорциональных избирательных систем, связанные с неизбежной «потерей голосов» избирателей [2].

В XXI веке к ним добавились ещё и регистрация граждан для участия в выборах, и досрочное голосование, и электронные системы, как для голосования, так и для подсчёта голосов, и финансирование выборов, и фактическое нарушение принципа тайного голосования, и судебные

решения, определившие итог голосования (только в США решениями судебного органа – президентами стали Дж. Буш младший в январе 2001 г., остававшийся после этого два срока подряд, и Б. Обама в январе 2009 г., также пребывавший на этом посту два срока) [3].

by the United States, in which there is only one – the Western (liberal) – model is considered a worthy, natural and final stage in the development of all mankind, «the end of all human history», led to many serious problems in the national suffrage of most countries of the world. The events of only 2020 show us the significant correlations that the US is trying to introduce into the institution of suffrage together with its satellites: Great Britain, Germany, France and other Western countries. The elections of the President of the Republic of Belarus in 2020 clearly demonstrate how the countries of the West are «pushing through» the president that suits them, but, alas, the next president not elected by his own people. Despite the obviously failed experience, they obviously want to repeat it in Russia. In the United States itself, the election of the President of the United States ended on November 3, 2020, but there is still no result. This article is devoted to identifying topical problems arising from the modern paradigms of the development of world civilization.

Keywords: elections, remote electronic voting, voting days in elections (referenda), electoral system, suffrage, counting of votes, secret ballot, electronic voting.

решения, определившие итог голосования (только в США решениями судебного органа – президентами стали Дж. Буш младший в январе 2001 г., остававшийся после этого два срока подряд, и Б. Обама в январе 2009 г., также пребывавший на этом посту два срока) [3].

Всё чаще и чаще вокруг выборов начинают разгораться серьёзные политические баталии, и теперь это происходит уже не только в странах Азии, Африки и Латинской Америки, где демократии не имеют устойчивых традиций, но и в самой цитадели мирового либерализма и глобализации – в Соединённых Штатах, где можно наблюдать в 2020 г. бурную политическую кампанию, сопровождающуюся новым всплеском правового нигилизма, насилия и расизма, массовым ростом безработицы с 8 млн человек на начало 2020 г., до 44 млн человек и разрушением самой «The American dream». Сейчас мы наблюдаем за выборами президента в 2020 г. в США и видим, что они породили грязную политическую игру американского истеблишмента, в которой избирательное право уже ничего не значит, а хаос в американских городах играет на руку тем, кто его породил. Теперь Д. Трамп или должен продолжить борьбу, пойти, возможно, на нарушения, такие же, что позволили себе его политические противники демократы, и сохранить свою власть на второй срок, рискуя, тем самым, развязать вторую гражданскую войну или признать своё поражение, уступив дорогу новым республиканцам. Полагаем, что ни США, ни остальным странам мира всё это не обещает ничего хорошего. Считаем, что молодые республиканцы уже не будут оглядываться на

Литература:

1. *Мишин А.А.* Избирательное право и избирательные системы буржуазных стран : монография. М. : Изд-во МГУ, 1962. С. 3.
2. *Шарков Ф.И.* О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения / Ф.И. Шарков, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 524–541.
3. *Кудряшов К.В.* Обеспечение легитимности президентской власти в США: историко-правовой аспект проблем / К.В. Кудряшов, А.А. Санькова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 10. С. 206–214. URL : <http://e-koncept.ru/2018/183060.htm> (дата обращения 30.10.2020).
4. Our worst nightmare: will militias heed Trump's call to watch the polls? By E. Pilkington URL : <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/09/us-militias-trump-election-day-covid-guns> (date of application 30.10.2020).
5. *Воронцов С.А.* О совершенствовании стратегических подходов к противодействию экстремизму в Российской Федерации / С.А. Воронцов, А.Г. Штейнбух // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9(124). С. 105–107.
6. *Кудряшов К.В.* Конституционное право и политика в современной России: основания для дальнейшего расширения полномочий президента Российской Федерации / К.В. Кудряшов, А.А. Санькова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 371–375. URL : <http://e-koncept.ru/2015/65145.htm> (дата обращения 30.10.2020).
7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. *Mishin A.A.* Electoral law and electoral systems of bourgeois countries : monograph. M. : MSU publishing House, 1962. P. 3.
2. *Sharkov F.I.* On the problems of the modern Russian political elite and possible ways to resolve them / F.I. Sharkov, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov // Bulletin of the peoples' friendship University of Russia. Series: Sociology. 2017. Vol. 17. № 4. P. 524–541.
3. *Kudryashov K.V.* Ensuring the legitimacy of presidential power in the United States: historical and legal aspect of problems / K.V. Kudryashov, A.A. Sankova // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2018. № 10. P. 206–214. URL : <http://e-koncept.ru/2018/183060.htm> (date of application 30.10.2020).
4. Our worst nightmare: will militias heed Trump's call to watch the polls? By E. Pilkington URL : <https://www.theguardian.com/world/2020/oct/09/us-militias-trump-election-day-covid-guns> (date of application 30.10.2020).
5. *Vorontsov S.A.* On improving strategic approaches to countering extremism in the Russian Federation / S.A. Vorontsov, A.G. Shteynbukh // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2020. № 9 (124). P. 105–107.
6. *Kudryashov K.V.* Constitutional law and politics in modern Russia: grounds for further expansion of the powers of the President of the Russian Federation / K.V. Kudryashov, A.A. Sankova // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2015. Vol. 30. P. 371–375. URL : <http://e-koncept.ru/2015/65145.htm> (date of application 30.10.2020).
7. On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in the referendum of citizens of the Russian Federation: Federal law of 12.06.2002 № 67-FZ (ed. from 31.07.2020) // SPS «Consultant Plus».

Лукки Екатерина Валерьевна
кандидат юридических наук,
преподаватель,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
lukki.e.v@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ, ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ



Аннотация. В статье обозначаются и раскрываются проблемы квалификации такой категории преступлений, как преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против правосудия, против порядка управления, а также, преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Далее констатируется, что преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 30 УК РФ, содержат оценочные понятия, которые на практике не всегда трактуются однозначно. Делается правомерный вывод о том, что данные преступления характеризуются повышенной опасностью, подрывая авторитет государственной власти и органов местного самоуправления, правосудия в глазах гражданского общества, вызывая социальную напряженность и недоверие.

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления против государственной власти, интересы государственной службы, служба в органах местного самоуправления, правосудие, местное самоуправление.



Преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления признаются преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 30 УК РФ.

Многие преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 30 УК РФ, содержат оценочные понятия, которые на практике не всегда трактуются однозначно (мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Для квалификации некоторых противоправных деяний в целях отнесения их от иных преступлений или правонарушений, необходимо специальное судебное толкование (превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Ekaterina V. Lukki
Candidate of Legal Sciences,
Teacher,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
lukki.e.v@bk.ru

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST STATE POWER, THE INTERESTS OF CIVIL SERVICE AND SERVICE IN LOCAL GOVERNMENT, AGAINST JUSTICE, AGAINST THE ORDER OF GOVERNMENT



Annotation. The article identifies and discloses the problems of qualifying such a category of crimes as crimes against state power, the interests of public service and service in local government bodies, against justice, against the order of government, as well as crimes against government power, interests of public service and service in local government bodies. Further, it is stated that the crimes for which the responsibility is provided by ch. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, contain evaluative concepts, which in practice are not always interpreted unambiguously. A legitimate conclusion is made that these crimes are characterized by increased danger, undermining the authority of state power and local self-government bodies, justice in the eyes of civil society, causing social tension and mistrust.

Keywords: qualification of crimes, crimes against state power, interests of the civil service, service in local government, justice, local government.



Данные преступления характеризуются повышенной опасностью, подрывая авторитет государственной власти и органов местного самоуправления, правосудия в глазах гражданского общества, вызывая социальную напряженность и недоверие.

Еще одной проблемой квалификации преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления является высокий уровень коррупционной составляющей как со стороны лиц, совершающих противоправные деяния, так и со стороны сотрудников государственных органов, которые их расследуют. Коррупция

разрушительна для эффективной управленческой деятельности: она деформирует правосознание гражданского общества, формирует его недоверие ко всей системе государственной власти, препятствует внедрению значимых социальных преобразований. Некоторые авторы все преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ, характеризуют как преступления, которые могут иметь коррупционный характер.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, преступления против государственной власти названы в числе первоочередных источников угроз национальной безопасности. По этой причине снижение коррумпированности общественных отношений и совершенствование правового регулирования данных преступлений являются главными направлениями государственной политики не только в период, обозначенный в Стратегии национальной безопасности, но и за его пределами.

Преступления против правосудия, перечень которых определен в гл. 31 УК РФ, характеризуются как умышленно совершенные общественно опасные деяния, посягающие на судебную деятельность, установленную законом, и органы, обеспечивающие работу суда и способствующие разрешению задач и достижению целей правосудия.

При квалификации преступлений против правосудия существенное значение имеет верное определение видового объекта совершенного противоправного деяния, что позволяет ограничить преступления против правосудия от иных противоправных посягательств: против государственной власти (получение взятки должностным лицом суда (ст. 290 гл. 30 УК РФ), порядка управления (гл. 32 УК РФ)).

При квалификации преступлений против правосудия возникает сложность при определении дополнительного объекта противоправного посягательства. Например, потерпевшим, в отношении которого совершается преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 295 УК РФ, является лицо, осуществляющее правосудие или предварительное расследование. Однако при ошибке субъекта преступления в определении лица, в отношении которого должно совершиться преступное посягательство (потерпевшим становится постороннее лицо, не являющееся субъектом осуществления правосудия), содеянное все равно квалифицируется по ст. 295 УК РФ, так как состав данного преступления усеченный, и деяние считается совершенным с момента посягательства, независимо от наступления каких-либо последствий.

Статьей 305 УК РФ установлена ответственность за вынесение судьей (судьями) заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Состав данного преступления – формальный, оно считается оконченным именно с момента подписания судьей (судьями) неправомерного приговора, решения или иного судебного акта. Однако некоторые авторы считают, что преступление считается совершенным с момента

вступления судебного акта в законную силу или его опубликования. В противном случае, состава преступления нет.

Преступлениями против порядка управления признаются запрещенные в гл. 32 УК РФ под угрозой наказания виновно совершенные общественно опасные деяния, которые посягают на установленный порядок государственного управления.

При квалификации преступлений против порядка управления большинство проблем вызывают вопросы, которые связаны с определением субъекта и события преступления, а также моментом окончания преступного посягательства. Так, ст. 320 УК РФ предусмотрена ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также его близких, если это деяние совершено в целях воспрепятствования его служебной деятельности. Судебная практика исходит из того, что субъектом подобного противоправного деяния выступает лицо, которому сведения об указанных мерах безопасности стали известны в процессе служебной деятельности, а не любое лицо, отвечающее общим признакам субъекта преступления, которому данные сведения стали известны из иных, не связанных с его профессиональной деятельностью, источников. Однако данное правило, находящее подтверждение в судебной практике, не закреплено в специальной норме УК РФ, как, например, понятие «должностное лицо» (ст. 28 УК РФ), что нередко создает проблемы при определении субъекта совершенного преступления.

Кроме того, статьи гл. 32 УК РФ характеризуются высоким уровнем бланкетности (не только явной, но и скрытой). Данный фактор объясняется обширностью нормативно-правовой базы, к которой отсылают рассматриваемые нормы. Поэтому нередко, для верной квалификации совершенного преступления против порядка управления, следует обращаться к иным отраслям права (для квалификации преступления по ст. 322 УК РФ «незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» целесообразно прибегнуть к изучению норм Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»).

Еще одной проблемой квалификации преступлений против порядка управления является наличие большого количества конкурирующих норм в иных главах УК РФ: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 гл. 32 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 гл. 31 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 гл. 29 УК РФ). Данные преступления характеризуются единым родовым (интересы государственной власти) объектами, имеют идентичные признаки субъекта преступления, объективной и субъективной стороны, абсолютно одинаковые санкции. Их отличительным признаком является непосредственный объект преступления.

При квалификации преступлений по ст. 318 УК РФ возникают проблемы при определении пределов

Литература:

1. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
2. *Горелик А.С.* Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. 2005. С. 365.
3. *Егорова Н.А.* Уголовная ответственность за коррупционные преступления. Волгоград, 2003.
4. *Кибальник А.Г.* Сложности в понимании преступлений против порядка управления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 475.
5. *Романова А.М.* Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Казань. 2008. 25 с.
6. *Соловьев Е.А.* Проблемы квалификации преступлений против правосудия // Сборник трудов конференции. М., 2019. С. 111–118.
7. *Шнитенков А.В.* Ответственность за преступления против интересов государственной службы и интересов службы в коммерческих и иных организациях. СПб., 2006.
8. *Щербakov А.В.* Преступления против порядка управления: научно-практический комментарий к главе 32 УК РФ. М., 2011.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
10. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 04.01.2016. № 1. Ст. 212.

насилия, совершенного в отношении представителей власти или близких им лиц.

Literature:

1. Law of the Russian Federation of 01.04.1993 № 4730-1 «On the State Border of the Russian Federation» // *Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation*. 1993. № 17. Art. 594.
2. *Gorelik A.S.* Crimes against justice / A.S. Gorelik, L.V. Lobanova. 2005. P. 365.
3. *Egorova N.A.* Criminal liability for corruption crimes. Volgograd, 2003.
4. *Kibalnik A.G.* Difficulties in understanding crimes against the management order // *Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2015. № 3. P. 475.
5. *Romanova A.M.* Encroachment on the life of a law enforcement officer. Kazan, 2008. 25 p.
6. *Soloviev E.A.* Problems of qualification of crimes against justice // *Proceedings of the conference*. M., 2019. P. 111–118.
7. *Shnitenkov A.V.* Responsibility for crimes against the interests of the public service and the interests of service in commercial and other organizations. SPb., 2006.
8. *Shcherbakov A.V.* Crimes against the order of management: scientific and practical commentary to chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation. M., 2011.
9. The Criminal Code of the Russian Federation // *Collected Legislation of the Russian Federation*, 17.06.1996. № 25. Art. 2954.
10. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». *Collected Legislation of the Russian Federation*, 04.01.2016. № 1. Art. 212.

Мазалева Людмила Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации режима
и надзора юридического факультета,
Владимирский юридический
институт Федеральной
службы исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

Овчинников Олег Андреевич

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры боевой
и тактико-специальной подготовки,
Владимирский юридический
институт Федеральной
службы исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РАБОТЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ МЕР
БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБРАЩЕНИИ
С ОГНЕСТРЕЛЬНЫМ ОРУЖИЕМ
СОТРУДНИКАМИ ОТДЕЛОВ ОХРАНЫ
ПРИ НЕСЕНИИ СЛУЖБЫ В КАРАУЛАХ**

Аннотация. Анализ происшествий в территориальных органах ФСИН России, связанных с грубыми нарушениями правил несения службы (случайными выстрелами), допущенными сотрудниками подразделений охраны, в результате несоблюдения мер безопасности при обращении с оружием за трехлетний период (с 2017 по 2019 годы) показал, что в территориальных органах ФСИН России допущено 45 фактов случайных выстрелов. В статье на основе анализа чрезвычайных происшествий, допущенных сотрудниками отделов охраны исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, разработаны предложения, позволяющие повысить эффективность работы по обеспечению мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием.

Ключевые слова: меры безопасности, огнестрельное оружие, выстрел, караул, охрана.

Анализ происшествий в территориальных органах ФСИН России, связанных с грубыми нарушениями правил несения службы (случайными выстрелами), допущенными сотрудниками подразделений охраны, в результате несоблюдения мер безопасности при обращении с оружием за трехлетний период (с 2017 по 2019 годы) показал, что в территориальных органах ФСИН России допущено 45 фактов случайных выстрелов. Наибольшее количество нарушений допущено в ГУФСИН России по Пермскому краю – 6 (ранение – 1), ГУФСИН России по Приморскому краю – 2

Lyudmila V. Mazaleva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Regime Organization
and Supervision of the Faculty of Law,
Vladimir Federal Law Institute
Russian Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

Oleg A. Ovchinnikov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Combat and Tactical Special Training,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
daniilzykov@mail.ru

**IMPROVING THE EFFECTIVENESS
OF WORK TO ENSURE SECURITY
MEASURES WHEN HANDLING
FIREARMS BY EMPLOYEES OF SECURITY
DEPARTMENTS WHILE SERVING
ON GUARD DUTY**

Annotation. Analysis of incidents in the territorial bodies of the RUSSIAN Federal Security Service related to gross violations of the rules of service (accidental shots) committed by members of the security units, as a result of non-compliance with security measures in the handling of weapons over a three-year period (from 2017 to 2019) showed that 45 cases of accidental shots were admitted in the territorial bodies of the Russian Federal Security Service. In the article, based on the analysis of emergency incidents committed by employees of the security departments of correctional institutions of the penal system, proposals are developed to improve the effectiveness of work to ensure security measures when handling firearms.

Keywords: security measures, firearms, shot, guard, security.

(ранений – 3, все в ФКУ СИЗО-1), УФСИН России по Кировской области – 4, УФСИН России по Вологодской области – 3 [1].

Все факты случайных выстрелов и ранений сотрудников при выполнении задач по охране и обороне объектов уголовно-исполнительной системы являются следствием неправильной организации работы руководства ряда территориальных органов и исправительных учреждений, следственных изоляторов, а также, недостатков в организации служебной подготовки, инструктажей,

инструктивных занятий, сборовой подготовки. В большинстве случаев случайные выстрелы являются фактом несоблюдения алгоритма заряжания-разряжания огнестрельного оружия.

Проведенный анализ нарушений мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием, допущенных сотрудниками отделов охраны при несении службы в караулах, свидетельствует о том, что основными причинами происшествий являются:

– отсутствие организации и контроля со стороны аппарата управления территориального органа ФСИН России (отделов организации службы охраны) и руководства отделов охраны непосредственных ИУ, СИЗО за выполнением требований ведомственных нормативных актов, регламентирующих службу по охране;

– формальное исполнение рядом заместителей начальников территориальных органов ФСИН России, курирующих вопросы охраны и конвоирования, требований по подготовке и представлению начальникам территориальных органов ФСИН России предложений для принятия решений на охрану объектов, в том числе вооружения караулов, неудовлетворительная разработка планов охраны учреждений;

– необоснованное принятие начальниками территориальных органов ФСИН России решений на вооружение часовых-операторов ПУТСО пистолетом;

– неисполнение должностных обязанностей и личная недисциплинированность начальников караулов и дежурных сотрудников отделов охраны;

– неудовлетворительные знания личным составом отделов охраны и грубые нарушения мер безопасности, допущенные при обращении с оружием;

– невыполнение ответственными от руководства учреждения и начальниками караулов требований указания ФСИН России, в части соблюдения алгоритма разряжания оружия;

– ненадлежащий контроль смен караулов должностными лицами учреждений;

– заряжание и разряжание оружия начальником караула первым;

– несоблюдение порядка разряжания оружия по возвращении смены с постов;

– несоблюдение порядка сдачи оружия и боеприпасов личным составом сменяемого караула.

На основании проведенного нами анализа чрезвычайных происшествий и с целью повышения эффективности работы по обеспечению мер безопасности при обращении с огнестрельным оружием сотрудниками отделов охраны при несении службы в караулах, считаем необходимым

организовать и проводить на постоянной основе следующие мероприятия:

1. Осуществить оборудование всех мест заряжания (разряжания) оружия в караульных дворах плакатами по соблюдению мер безопасности при обращении с оружием, описанием порядка заряжания (разряжания) оружия.

2. Проводить занятия с сотрудниками, несущими службу с оружием, по теме «Меры безопасности при обращении с оружием в период выполнения служебных задач».

3. Ежеквартально организовать прием-сдачу зачетов с сотрудниками территориальных органов ФСИН России, руководителей и сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов УИС, допущенных к проверке службы караулов, сотрудников учреждений УИС, выполняющих службу с оружием, по знанию нормативных правовых актов, регламентирующих порядок заряжания (разряжания) оружия, сдачи оружия и боеприпасов, а также их учета и хранения.

4. Осуществить оборудование всех караульных дворов универсальным устройством для заряжания (разряжания) оружия, исключающее случайный выстрел из автомата Калашникова и пистолета Макарова.

5. На постоянной основе проводить занятия по обучению приемам быстрой концентрации и интенсивности внимания, способам саморегуляции психофизиологического состояния, направленным на снижение утомляемости в период несения службы.

6. В целях предупреждения нарушений мер безопасности определить следующий алгоритм разряжания оружия:

– начальник караула подает команду: «Справа, по одному – разряжай» (по этой команде караульные поочередно делают шаг вперед, устанавливают оружие (в обязательном порядке) в приспособление для исключения случайного выстрела);

– начальником караула подается команда: «Отсоединить магазин, уложить в сумку» (караульные выполняют соответствующие действия);

– после выполнения команды караульные докладывают: «Оружие разряжено» (отводят затворную раму назад и предъявляют оружие к осмотру).

8. Перед каждым заступлением на службу по охране и оборе объектов УИС необходимо отрабатывать алгоритм действий заступающего караула на инструктивных занятиях.

7. При проведении проверок несения службы караулов необходимо оценивать с использованием средств видеонаблюдения выполнение сотрудниками, в том числе, начальниками караулов алгоритма заряжания (разряжания) оружия. В случае выявления нарушений привлекать лиц к дисциплинарной ответственности

Литература:

1. О грубом нарушении правил несения службы (случайном выстреле), допущенном в ФКУ ИК-7 УФСИН России по Республике Бурятия: указание ФСИН России от 31.05.2019 № исх-09-39655.
2. О происшествиях, допущенных сотрудниками отделов охраны: указание ФСИН России от 22.05.2019 № 09-36879.
3. О покушении на совершение побега из-под охраны в УФСИН России по Ульяновской области, случайном выстреле в УФСИН России по Республике Бурятия: указание ФСИН России от 04.09.2019 № 05-66954.
4. О происшествиях, допущенных в территориальных органах ФСИН России: указание ФСИН России от 11.10.2019 № 09-77715.

Literature:

1. About gross violation of rules of service (accidental shot) allowed in FKU IK-7 OFPS of Russia on the Republic of Buryatia: instruction of FSIN of Russia of 31.05.2019 № 09-39655.
2. On incidents committed by employees of security departments: instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia from 22.05.2019 № 36879.
3. About the attempt to escape from the guard in the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ulyanovsk region, a random shot at the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Buryatia: instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia from 04.09.2019 № 05-66954.
4. On incidents committed in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia from 11.10.2019 № 09-77715.

Маказиева Зара Даутовна
старший преподаватель кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Чеченский государственный университет
yana_bo_09@mail.ru

КОРРЕКТИВЫ ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РФ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, СВЯЗАННЫХ С КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. В данной статье подробно рассматривается и анализируется роль изменений и коррективов положений Конституции РФ в уголовном законодательстве, связанных с коррупционной деятельностью. Подробно дается оценка и значимость коррективов положений Конституции РФ в сфере уголовного судопроизводства для улучшения законодательной системы в современном российском социуме. В статье также исследуются и анализируются некоторые практические примеры судебных разбирательств, касающиеся вопросов коррупции. Проводится сопоставление различных взглядов и идей ученых и юристов, относительно значимости соответствующих корректировок в уголовном судопроизводстве относительно темы коррупции. Данная тема актуальна в среде таких научных дисциплин, как юриспруденция и право.

Ключевые слова: Конституция РФ; уголовное судопроизводство; коррупция; уголовное право; взяточничество.

Нынешний правовой контекст в Российской Федерации указывает на то, что в настоящее время существует достаточно мощная правовая база для борьбы с коррупцией. Хотя, Российская Федерация, в целом, создала правовые рамки для того, чтобы вести жесткую борьбу с коррупционной деятельностью на различных уровнях. Стоит заметить, что среди принятых мер, особенно выделяются такие сферы коррупционной деятельности, где коррупция всячески процветает и остается совсем безнаказанной. К этим областям относятся меры и строгие ограничения, принятые в сфере экономики. Эти меры носят информативный характер на законодательном уровне.

Согласно законодателям, принятые меры и внесенные изменения в статьи Конституции РФ должны урегулировать сложившиеся правоотношения и «защитить» большую часть от подобного преступления. Хотя, очевидна тенденция прогрессирования в данной области законодательства. Все еще сохраняющиеся пробелы в данной сфере, недостаточность принятых мер, на

Zara D. Makazieva
Senior lecturer of the Department
of Criminal Procedure and Forensic Science,
Chechen State University
yana_bo_09@mail.ru

CORRECTIVES OF THE PROVISIONS OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS RELATED TO CORRUPTION ACTIVITIES

Annotation. This article examines and analyzes in detail the role of changes and amendments to the provisions of the Constitution of the Russian Federation in criminal legislation related to corruption. The assessment and significance of the amendments to the provisions of the Constitution of the Russian Federation in the field of criminal proceedings for improving the legislative system in modern Russian society are given in detail. The article also examines and analyzes some of the practical examples of litigation regarding corruption issues. A comparison is made of various views and ideas of scientists and lawyers regarding the significance of the corresponding adjustments in criminal proceedings regarding the topic of corruption. This topic is relevant in the environment of such scientific disciplines as jurisprudence and law.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; criminal proceedings; corruption; criminal law; corrupt practices.

сегодня лишь мешают вести должную борьбу с коррупционной деятельностью.

На конференции Пленума Верховного суда РФ, которая проходила около шести лет назад по теме судебной практики о взяточничестве и коррупционных правонарушениях, был подготовлен соответствующий документ, с двумя решениями данной проблемы [1]. Первый вариант предполагал оставить существующий лимит (25000 рублей) дающему взятку. Однако второе решение данной конференции опиралось на неразумность привлечения к уголовной ответственности посредника дачи взятки.

После проведения следственных и судебных разбирательств, было решено облегчить наказание посреднику при даче взяток с учетом некоторых условия, при которой происходило данное преступление. Особенно с точки зрения разрешений и лицензий, люди готовы оказать помощь в подготовительных процессах. Например, собрать и отправить все необходимые документы и рассмотреть любые интересующие заявителя

вопросы. Чтобы оправдать эту деятельность и скрыть преступление, агенты по недвижимости предлагают гражданские контракты на консультацию, информацию, анализ, безопасность, правосудие и т.д. Они, обычно, публичные.

Фактически, средства, переведенные в рамках этих условных операций, распределяются между брокером и управляющим. В контексте текущих проблем, связанных с борьбой против жестокого обращения с работниками, трудно не согласиться с учеными, которые поддерживают второй подход. Вместо усиления криминального элемента в борьбе с коррупцией, наблюдался противоположный эффект данного преступления.

Однако всяческие меры в (пособничество или посредничество в коррупционной деятельности) до внесения соответствующих изменений в основной закон страны рассматривались как преступные действия. Учитывая, что посредничество носит индивидуальный характер, и стоит рассматривать каждый из случаев отдельно, многие политологи сошлись на мнении, что это может дестабилизировать сложившуюся обстановку в коррупционной деятельности. Так как в индивидуальных случаях, многие коррупционеры могут предоставить такую прибыль от взяток, сделать «большой откат» посредникам, что они вряд ли смогут отказаться от данного вида преступления.

При предложении «отката» от взятки коррупционером посреднику, можно учитывать и факт соучастия в данном преступлении. Это, в свою очередь, навлекает еще большую уголовную ответственность на посредника, нежели на самого коррупционера. Получается, что посредник страдает больше чем сам взяточник, что также не укладывается в нормы уголовного права РФ [3].

О похожем исходе событий высказывался еще Яни, который отметил, что «посредник – это меньшее зло, однако, когда его привлекают к ответственности по обвинению в соучастии в преступлении, тогда уже деваться будет некуда, да и наказание будет совсем иным» [10]. Этого же принципа придерживалась и Любавина в своих заявлениях, отмечая, что, как не понимал свое преступление посредник, на суде его опытные юристы могут отнести к соучастнику преступления, и скомпоновать дело под уголовную ответственность соучастника [6].

Более интересным остается тот факт, что после громких речей и обсуждений данного проблемного вопроса, все решения конференции были сняты с рассмотрения. Больше, не в статьях, не на конференциях, не на каких иных заседаниях, эта тема не поднималась, а причины умалчивания остались неясными. Был лишь один единственный комментарий по этому вопросу, который дала судья Верховного суда Е. Пейсикова. Она объяснила это тем, что подобные вопросы, касающиеся частных случаев посредничества, подкупа посредника, и его соучастия в преступлении рассматриваются в индивидуальном порядке и не нуждаются в отдельном объяснении [7].

После такого прецедента, Высшая судебная власть необъяснимым образом, стала во многом заступаться за недовольных участников прошедшей конференции. Многие судьи на судебных заседаниях, также, стали часто выносить вердикт по аналогичным делам, касательно темы посредничества, который предполагал, что при сумме меньше двадцати пяти тысяч нужно привлечь подсудимого к ответственности как посредника. Учитывая многие объяснения по данному вопросу, многие юристы стали подходить к этому вопросу с большой осторожностью.

Хотя, не исключены случаи, когда во многих научных статьях по уголовному праву относительно корректировок Конституции РФ все еще поднимается данная тематика о декриминализации данных ситуаций в судебной практике. Большой частью, исследователи (политологи, юристы) ссылаются на такие статьи уголовного кодекса РФ, как статья 31, статья 290 и статья 291 [4].

В нынешних условиях существования и развития гражданского общества в РФ, стоит выделить часто всплывающие вопросы в данной области. Прежде всего, стоит задуматься, почему законодательные органы не в состоянии поставить все точки над «i» в данном вопросе? Что является для них преградой? Из-за чего даже Верховный суд РФ не стал перечить возражениям со стороны многочисленных претензий по данному вопросу?

Примечательно, что все это, в основном, связано с низким качеством выставления большого количества счетов за короткое время (более того, одновременно с поправкой в Уголовный кодекс РФ, были внесены изменения в пять других положений, например, меньше изменений в Уголовный кодекс 116) [9].

Растущий социальный риск вымогательства, совершенного группой лиц по предварительному сговору в связи с незаконной деятельностью, не вызывает сомнений по известным причинам и отражается в санкциях многих уголовных стандартов. Возможно ли, что коммерческий подкуп этими методами будет опасен для общества только потому, что ограничен размер взяток до 25000 рублей? Очевидно, что это совсем не так! Все это порождает все новые проблемы, одна из которых касается обнаружения самих фактов не большого подкупа. Благодаря большинству мер, прилагаемых в предъявлении доказательств, упускаются из виду преступные деяния в этой области и остаются практически незамеченными. Каждый начинает понимать, что коррупция в редких случаях является индивидуальным преступным деянием. Данный вид преступной деятельности носит групповой и организованный характер. Многие эксперты и исследователи в данной области, начинают полагать, что и сами законодательные органы коррумпированы, хотя это сложно и практически невозможно доказать обычным гражданам. Им в большинстве случаев остается на соответствующие изменения в Конституции РФ, которые смогут вытеснить подобных государственных чиновников и представить нарушителей закона к строгой ответственности.

Литература:

1. *Боровых Л.* Проблемы практики применения уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за взяточничество, коммерческий подкуп и иные коррупционные преступления / Л. Боровых, В. Степанов. 2013. №5. С. 13–46.
2. *Грошев А.* О проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях». 2013. № 5. С. 54–67.
3. *Иногамова Л.* Сложные вопросы квалификации служебных преступлений, требующие разрешения в постановлении Пленума Верховного Суда. 2013. № 5. С. 78–81.
4. Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 2 т. / Ред. А.В. Бриллиантова. 2-е издание. М. 2015. С. 23–45.
5. *Кругликов Л.* К проекту постановления о коррупционных преступлениях: вопросы структуры и содержания. 2013. № 5. С. 92–95.
6. *Любавина М.* О некоторых проблемах квалификации преступлений коррупционного характера // Уголовное право. 2013. № 5. С. 92–101.
7. *Пейсикова Е.* Доклад на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации о проекте постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». 2013. № 5. С. 102–103.
8. *Талан Н.* Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5. С. 105–110.

Literature:

1. *Borovykh L.* Problems of the practice of applying the criminal legislation of the Russian Federation on liability for bribery, commercial bribery and other corruption crimes / L. Borovykh, V. Stepanov. 2013. № 5. P. 13–46.
2. *Groshev A.* On the draft resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On judicial practice in cases of bribery, commercial bribery and other corruption crimes». 2013. № 5. P. 54–67.
3. *Inogamova L.* Difficult issues of qualification of service crimes, requiring resolution in the resolution of the Plenum of the Supreme Court. 2013. № 5. P. 78-81.
4. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation : in 2 vol. / Ed. by A.V. Brilliantova. 2nd edition. M., 2015. P. 23–45.
5. *Kruglikov L.* On the draft resolution on corruption crimes: questions of structure and content. 2013. № 5. P. 92–95.
6. *Lyubavina M.* On some problems of qualification of corruption crimes // Criminal law. 2013. № 5. P. 92–101.
7. *Peisikova E.* Report at a meeting of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the draft resolution «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes». 2013. № 5. P. 102–103.
8. *Talan N.* Mediation in bribery in the criminal law of Russia // Criminal law. 2013. № 5. P. 105–110.

Мамий Александр Юрьевич

студент 3-го курса
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
mamiy0707@mail.ru

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук,
доцент,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
yuliannazone@mail.ru

АФФЕКТ И ЕГО

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ



Аннотация. Эмоциональные переживания индивида, эмоциональные всплески, которые он может испытать, оказывают определенное влияние и на его поведение. Несомненно, они могут обусловить и его преступное поведение. Как правило, совершение преступления без всякого эмоционального переживания происходит часто. Нередко на лицо, совершившее уголовное преступление, большое влияние оказывают его эмоциональные переживания. Именно поэтому при оценке преступного во внимание берутся его психологические элементы, так как происходит определение степени общественной опасности деяния, а также личности виновного.

Ключевые слова: аффект, состояние аффекта, уголовная ответственность, уголовное наказание.



Н и для кого не секрет, что эмоциональные переживания индивида, эмоциональные всплески, которые он может испытать, оказывают определенное влияние и на его поведение. Несомненно, они могут обусловить и его преступное поведение. Как правило, совершение преступления без всякого эмоционального переживания происходит часто, но лишь некоторые из них вызывают интерес с правовой точки зрения.

Что же такое аффект? Аффект – это некое эмоциональное переживание, характерной чертой которого является его интенсивность. Иными словами, аффект — это состояние сильного душевного возбуждения и потери самоконтроля [1]. А.В. Коломина считает, что аффект есть особое эмоциональное состояние, в котором находится субъект правоотношений, характеризующееся повышенной силой воздействия на волю и сознание, вызванное определенным внешним раздражителем и влекущее юридические последствия (возникновение, изменение и прекращение правоотношений) [2].

Alexander Yu. Mamiy

3rd year student
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
mamiy0707@mail.ru

Yulia Yu. Bugaenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
yuliannazone@mail.ru

AFFECT AND ITS

CRIMINAL-LEGAL MEANING



Annotation. Emotional experiences of the individual, emotional outbursts, which he can experience, have a certain impact on his behavior. Undoubtedly, they can also determine his criminal behavior. As a rule, the commission of a crime without any emotional experience occurs often a person, who has committed a criminal offense is greatly influenced by their emotional experiences. That is why when assessing the criminal, its psychological elements are taken into account, since the degree of social danger of the act is determined, as well as the identity of the perpetrator.

Keywords: affect, state of affect, criminal responsibility, criminal punishment.



Аффект характеризуется высокой степенью эмоциональных и психологических переживаний, которые приводят к мобилизации физических и психологических ресурсов человека. В практике довольно часто встречаются случаи, когда физически слабые люди в состоянии сильного душевного волнения совершают действия, которые не смогли бы совершить в спокойной обстановке. Например, наносят большое количество смертельных повреждений или же одним ударом высаживают дубовую дверь. Также, для аффекта, наряду с другими моментами, характерна внезапность возникновения, при нем волнение носит характер вспышки [3]

Структура составов преступлений, совершенных в состоянии аффекта, сложна. Законодатель в ст. 107, 113 УК РФ выдвигает не только юридические, но и психологические критерии. Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает, что даже столь серьезное общественно опасное деяние, как причинение вреда жизни человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего

по конкретным причинам сильного душевного волнения (аффекта), относится к категории преступлений небольшой тяжести, лишь убийство нескольких человек повышает категорию преступления до средней тяжести [4].

Понимание аффекта в уголовном праве – это не внешняя эмоциональная реакция на воздействие, а внутреннее (психическое) состояние человека. В отличие от их обычной эмоции (гнев, страх, месть и т.д.), аффект характеризуется экзальтированностью, всеохватностью и подавляющим воздействием на психику человека, собственно, что искажает отражательные и контрольные функции. Состояние аффекта характеризуется значительным нарушением волевой регуляции действий человека. Поведение субъекта при аффекте регулируется не преднамеренной целью, а чувством, которое всецело захватывает личность и вызывает импульсивные действия. Кроме того, в пылу страсти нарушается важнейший механизм деятельности – избирательность в выборе поведенческого акта, быстроизменяется привычное поведение человека, деформируются его установки, жизненные позиции, нарушается способность устанавливать отношения между явлениями, в сознании начинает преобладать единое, часто искаженное представление.

В каждом случае расследования преступления при определении виновности человека необходимо учитывать его эмоциональное состояние, а эмоции являются одним из существенных функций нервно-психической деятельности. Эмоции отражают положительное и отрицательное отношение человека к любому явлению, поэтому определенные эмоциональные состояния в той или иной степени определяют совершение правонарушения.

Признаки данного явления в уголовном праве позволяют узнать патологическое состояние человека в момент совершения преступления и, если это допустимо, уменьшить наказание за деяние. Доказать наличие данной патологии можно по следующим признакам:

1. Отклонения происходят настолько быстро, что лицо, совершившее преступление, в момент деяния не способно оценить ситуацию либо как-то контролировать свои действия.
2. После совершения преступления лицо, приходя в сознание, начинает понимать, что оно сделало.
3. Находясь в состоянии повышенной активности, лицо может совершать действия, между которыми нет логики.
4. Полное отсутствие самоконтроля.

Существуют также определенные виды аффектов в науке уголовного права. Каждый из этих типов определяет уровень ответственности лица, совершившего преступление. Как правило, ему назначено соответствующее наказание. Поэтому выделяются следующие типы аффектов:

1. Патологический. Данный вид аффекта полностью исключает осознание произошедшего. Следовательно, говорить о виновности человека в такой момент нецелесообразно.

2. Аномальный. Данный вид аффекта характерен тем, что следствием психологического отклонения стал не только эмоциональный всплеск, но и присутствие в организме виновного алкогольных или наркотических средств. Последние являются отягчающими обстоятельствами.

3. Физиологический. Данный вид аффекта характеризуется частичным пониманием происходящего. Т.е. лицо, совершившее преступление, в момент свершения преступления, знало о последствиях, но в силу эмоционального состояния уже не может остановиться. В этом случае наказание будет соразмерно тяжести содеянного, но в меньшей степени.

4. Кумулятивный. Характерной чертой данного вида аффекта является продолжительное негативное влияние на лицо, совершившего преступление. Например, продолжительное физическое насилие, которое спровоцировало состояние аффекта и повлекло за собой совершение преступления.

5. Прерванное нервное состояние. Данный вид аффекта можно считать следствием вышеперечисленных видов. Суть его заключается в том, что прерывание состояния, в котором лицо совершает преступление, прерывается лишь за счет воздействия внешних факторов.

Для того, чтобы состояние лица квалифицировалось как аффект, необходимо установить другой признак: причину его возникновения. С уголовно-правовой точки зрения значимым является только то воздействие, которое возникло в результате противоправных и аморальных действий (бездействия) потерпевшего. Кроме того, уголовным законодательством «легализован», так называемый, «капельный» эффект, то есть, аффект, связанный с длительной психотравматической ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или же безнравственным поведением потерпевшего.

Вышеуказанные причины возникновения состояния аффекта закреплены на законодательном уровне в ст. 107 УК РФ и включают в себя:

1. Насилие.
2. Издевательство.
3. Тяжкое оскорбление.
4. Иные противоправные и аморальные действия (бездействия).
5. Длительная психотравмирующая ситуация.

Насилие может заключаться в нанесении ударов, побоев, ранений и тому подобных действий, вызвавших состояние сильного душевного волнения. Если лицо, причиняя смерть нападающему в состоянии аффекта, осуществляет свое право на

необходимую оборону, то оно либо освобождается от уголовной ответственности на основании ст. 37 УК РФ, либо отвечает за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны

Издавательство – это сознательное причинение нравственных страданий путем физического или психического (информационного) воздействия на человека. Оно может носить разовый (например, злая насмешка) или длящийся (например, систематическое порицание, травля) характер.

Тяжкое оскорбление – грубое унижение чести и достоинства виновного со стороны потерпевшего, выраженное в неприличной форме. Оценка степени тяжести оскорбления, спровоцировавшего аффективное состояние, есть прерогатива органов следствия и суда, и при этом должны учитываться как объективные, так и субъективные факторы.

Иные противоправные действия (бездействие) со стороны потерпевшего – это грубые нарушения прав и законных интересов самого виновного, его близких, общества и государства. Не имеет значения, нормы каких отраслей права нарушаются потерпевшим.

Аморальные действия противоречат морали и безнравственности. Примером может являться измена, предательство, хамство, обман, сексуальные домогательства и т.д. В качестве основания аффекта могут быть признаны любые аморальные действия, фактически вызвавшие состояние сильного душевного волнения у виновного лица.

Длительная психотравмирующая ситуация, возникающая в связи с систематическим противо-

правным или аморальным поведением потерпевшего – это определенная совокупность негативных жизненных обстоятельств, связанных с поведением потерпевшего, которые осознаются виновным как нежелательные, психотравмирующие. Эта ситуация характеризуется длительным накоплением отрицательных эмоций и завершается психоэмоциональным взрывом, когда очередной эпизод поведения потерпевшего или иные действия переполняют, так называемую, «чашу терпения».

Иногда возникают ситуации, в которых преступники, стремясь смягчить наказание, стимулируют состояние аффекта.

Если же говорить об уголовно-правовом значении аффекта, то его можно сказать о его неоднозначности. И это присуще как юридической практике, так и уголовному праву, в целом. Это заключается в том, что аффект включает в себя проблему поведения, эмоций человека в определенный момент и их влияние на индивида. Ограниченная способность субъекта осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими позволяет считать совершение преступления в состоянии сильного душевного волнения обстоятельством, смягчающим наказание, только в том случае, если аффект возник внезапно [5].

Нельзя говорить о том, что определенным людям присуще состояние аффекта, а другим нет. Подобное состояние может возникнуть у любого человека в любой момент времени. Естественно, это связано с воздействием на человека совокупности внешних факторов. Именно они вызывают бурную реакцию у лица, а вследствие этого, происходит психологическое расстройство, не исключающее вменяемость.

Литература:

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 38.
2. Коломина А.В. Аффект в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 52–53.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М. : МГУ, 1984. 200 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
5. Елахова А.Е. Убийство, совершенное в состоянии аффекта. Особенности объективных признаков // Закон и право. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010, № 1. С. 100–102.

Literature:

1. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1990. P. 38.
2. Kolomina A.V. Affect in law : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. Vladimir, 2006. P. 52–53.
3. Vasilyuk F.E. Psychology of experience. M. : MSU, 1984. 200 p.
4. Criminal code of the Russian Federation // SPS «ConsultantPlus».
5. Elakhova A.E. Murder committed in a state of passion. Features of objective signs // Law and law. M. : UNITY-DANA, 2010. № 1. P. 100–102.

Мамчун Владимир Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
vladimir_mamchun@mail.ru

О ПОНЯТИИ «ПРИНЦИП ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ»

Аннотация. Настоящая статья посвящена уточнению понятия «принцип юридической техники». Автором раскрываются его характерные черты, выявляется соотношение понятия технико-юридического принципа со смежными правовыми явлениями: принципами права, нормами-принципами, правилами юридической техники, принципами юридической деятельности и организационными принципами юридической деятельности. В завершение делается вывод о несводимости всех принципов юридической деятельности к технико-юридическим принципам. Формулируется авторская дефиниция технико-юридического принципа.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая деятельность, принципы права, нормы-принципы, правила юридической техники, технико-юридические принципы, организационные принципы юридической деятельности.

В последние два десятилетия наблюдается значительный рост научного интереса к различным аспектам юридической техники, и, в частности, его составу. В тоже время, несмотря на количество работ, посвященных данной проблематике, многие вопросы остаются дискуссионными. В числе последних и вопрос о принципах как об элементе юридической техники.

В литературе в число технико-юридических инструментов включаются принципы права [3, с. 180–181, 216–217; 2, с. 161–162; 4], нормы-принципы [2, с. 184, 191] общие принципы управления [4] и др. По-разному определяется и состав принципов юридической техники. В него, наряду с логическими, лингвистическими и принципами направлений юридической деятельности, включают законность, плановость, научность, обоснованность, процедурность [7, с. 39], своевременность, прогнозирование и профессионализм [6, с. 74], верховенство права, конституционность, демократизм, гуманизм, комплексность, системность, логичность, оптимального баланса дозволений, запретов и обязываний, оптимальной степени конкретизации норм права, согласованность, целесообразность, научность, профес-

Vladimir V. Mamchun
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia
vladimir_mamchun@mail.ru

ON THE CONCEPT OF THE PRINCIPLE OF LEGAL TECHNIQUE

Annotation. This article is devoted to clarifying the concept of the principle of legal technique. Its characteristic features are revealed. The correlation of the concept of technical and legal principle with related legal phenomena is revealed: principles of law, norms-principles, rules of legal technology, principles of legal activity and organizational principles of legal activity. It is concluded that all the principles of legal activity cannot be reduced to technical and legal principles. The author's definition of the technical and legal principle is formulated.

Keywords: legal technique, legal activity, principles of law, norms-principles, rules of legal technique, technical and legal principles, organizational principles of legal activity.

сионализм, независимость субъектов правовой экспертизы [10, с. 86]. Неоднозначно и понимание соотношения технико-юридических принципов и правил юридической техники. В одном случае, принципы включаются в состав языковых правил (корректность, стабильность, информативность) [3, с. 252–255], а в другом – ясность позиционируется как принцип языковых правил [8].

Как видно, к числу технико-юридических принципов относят достаточно широкий круг явлений: принципы права, правовые нормы, принципы управления, принципы различных видов юридической деятельности, и др. Такой подход порождает неопределенность, относительно собственно технических принципов или принципов юридической техники: непонятно, что они представляют сами по себе в отличие от иных принципов и каково их соотношение с другими элементами состава юридической техники и принципами юридической деятельности.

В самом общем виде под принципом понимается первоначало, руководящая идея, основное правило [9, с. 461]. Отсюда берут начало трактовки принципов права как начал, руководящих идей,

выражающих сущность и назначение права в обществе. Между тем принцип в праве – это не просто идея, а требование, сформулированное в предельно обобщенной, абстрактной форме.

Сфера действия принципов в праве может различаться. Понятием «принцип» могут обозначаться не только основополагающие руководящие идеи, но и требования менее высокого порядка, например, принципы традиционной логики, применяемой в толковании права (например, принципы многозначности и двужначности). В связи с этим, едва ли верным будет рассматривать все принципы, функционирующие в сфере права (в доктрине, в различных видах юридической практики, в позитивном праве, индивидуально и общественном правосознании) исключительно в качестве руководящих идей. В связи с этим, целесообразно рассматривать технико-юридический принцип в качестве предельно обобщенного требования. В этом состоит его отличие от правил юридической техники, которые определяют порядок использования средств, приемов и методов при создании правовых актов и характеризуются меньшей степенью абстракции. Правила всегда конкретны и детализированы в отношении описания поведения, действий субъектов.

Принципы в сфере права атрибутивны. Они всегда неразрывно связаны с определенными правовыми явлениями. В праве не существует принципа как такового, как отдельного правового явления, обладающего собственным дискретным бытием. Принципы – это всегда принципы чего-то: права, правового мышления, деятельности и т.д. Они всегда выражают сущностные характеристики определенного явления и одновременно определяют его кондицию (условия существования, при которых возможно необходимое качество явления). Принципы юридической техники – это те требования, которые определяют кондицию (в данном случае – техническое качество) иных элементов юридической техники, и в первую очередь, средств. В таком ключе можно рассматривать, например, принципы юридической терминологии, представляющие не что иное как требование к кондиции юридических терминов.

Технико-юридические принципы выступают также требованиями, обеспечивающими оптимальность действий и операций в процессах создания и применения права, например, принципы разрешения коллизий в правоприменительной технике, выступающие требованиями, следование которым обеспечивает правильный выбор юридической нормы на стадии установления юридической основы дела.

Принципы в праве могут различаться своей ролью в правовом регулировании и в правовых процессах его обеспечивающих. Одни из них входят в состав механизма правового регулирования, такие как принципы и нормы права. Другие, и, в частности, технико-юридические принципы, не включаются в него, а используются в процессах создания правовых норм, их нормативной и казуальной конкретизации. Принципы юридической техники играют вспомогательную роль по отношению к правовому регулированию. В отличие от

принципов и норм права, которые оказывают социально-преобразующее воздействие на общественные отношения, технические принципы, наряду с другими элементами юридической техники обеспечивают создание, толкование и реализацию нормативных моделей. Норма-принцип, в свою очередь, является результатом использования юридической техники, включая и технические принципы.

Отдельным и весьма проблемным вопросом является вопрос о соотношении принципов юридической техники и юридической деятельности. И.Н. Сенин, рассматривает принципы юридической техники как «основополагающие идеи и начала, выражающие исходные требования, предъявляемые к различным направлениям юридической деятельности» [7, с. 39]. Тем самым, ставится знак равенства между принципами юридической деятельности и принципами юридической техники, с чем трудно согласиться.

В специальных исследованиях принципов юридической деятельности отмечается, что они образуют многоуровневую сложную систему [1, с. 4]. Очевидно, что далеко не все из них играют техническую, вспомогательную роль. В связи с этим, важно ограничивать технические принципы от организационных. Так, в числе технико-юридических называют, например, принципы научной обоснованности правотворческой деятельности [5, с. 17], концептуальности правотворческой политики и творческого подхода к процессу разработки [5, с. 18], прогнозирования [6, с. 74], независимости субъектов проведения правовой экспертизы [10, с. 86], плановости [7, с. 39] и др., что нельзя признать правильным. Эти принципы не «привязаны» к определенному средству или приему юридической техники. Если действие технико-юридического принципа локально, то действие указанных выше принципов носит общеорганизационный характер. Оно не ограничивается лишь внутренней, интеллектуальной стороной юридической деятельности, а охватывает ее в целом.

Таким образом, несмотря на то, что технические принципы используются в процессе юридической деятельности, едва ли верно ставить знак равенства между понятиями «принцип юридической техники» и «принцип юридической деятельности». Точнее было бы вести речь о том, что в состав принципов, функционирующих в юридической деятельности, включаются также и технико-юридические принципы.

В качестве итога настоящей работы нам представляется возможным предложить следующее определение технико-юридического принципа – это выступающее разновидностью принципов юридической деятельности требование технического характера, ассоциированное с соответствующими элементами состава юридической техники (средствами и приемами) обеспечивающее их объективно-необходимое, должное состояние, используемое при совершении интеллектуально-волевых действий и объективации их результата в правовом акте.

Литература:

1. *Арнаутова А.А.* Соотношение принципов права и принципов юридической деятельности / А.А. Арнаутова, Е.В. Кирдяшова // Эпоха науки. 2016. № 6. С. 3–6.
2. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии : монография / М.Л. Давыдова; ГОУ ВПО «ВолГУ». Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
3. *Кашанина Т.В.* Юридическая техника : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
4. *Краснов Ю.К.* Юридическая техника : учебник / Ю.К. Краснов, В.В. Надвикова, В.И. Шкатулла. М. : Юстицинформ, 2014. URL : http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika
5. *Меженская Г.В.* Современные подходы к определению содержания юридической категории «принципы законодательной техники» // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2017. № 1(81). С. 14–20.
6. *Селютин Е.Н.* Юридическая техника право-творческого процесса: актуальные проблемы и направления совершенствования / Е.Н. Селютин, В.А. Холодов // Государство и право. 2018. № 6. С. 73–75.
7. *Сенин И.Н.* Принципы юридической техники // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 20. № 4. С. 37–40.
8. *Стоцкий А.П.* Ясность как принцип языковых правил юридической техники в контексте применения неюридической терминологии в нормативных правовых актах // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2018. № 4(40). С. 90–94.
9. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М. : Республика, 2001. 719 с.
10. *Чорнолуцкий Р.В.* Принципи юридичної (законодавчої) техніки та їх роль і значення в законопроектній діяльності // Молодий вчений. 2014. № 8(11). С. 83–88.

Literature:

1. *Arnautova A.A.* Correlation of principles of law and principles of legal activity / A.A. Arnautova, E.V. Kirdyashova // The age of science. 2016. № 6. P. 3–6.
2. *Davydova M.L.* Legal technique: problems of theory and methodology : monograph / M.L. Davydova; State educational institution of higher education «Volga». Volgograd : Volga publishing House, 2009. 318 p.
3. *Kashanina T.V.* Legal technique : textbook. M. : Norm: INFRA-M, 2011. 496 p.
4. *Krasnov Yu.K.* Legal technique : textbook / Yu.K. Krasnov, V.V. Nadvikova, V.I. Shkatulla. M. : Justicinform, 2014. URL : http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/krasnov_uk_nadvikova_vv_shkatulla_vi_juridicheskaja_tehnika
5. *Mezhenskaya G.V.* Modern approaches to determining the content of the legal category «principles of legislative technology» // Legal Bulletin of the Rostov state University of Economics. 2017. № 1(81). P. 14–20.
6. *Selyutina E.N.* Legal technique of the law-making process: topical problems and areas of improvement / E.N. Selyutina, V.A. Kholodov // State and law. 2018. № 6. P. 73–75.
7. *Senin I.N.* Principles of Legal Engineering // DSU Legal Gazette. 2016. Vol. 20. № 4. P. 37–40.
8. *Stotsky A.P.* Clarity as a principle of language rules of legal technique in the context of the change of non-legal terminology in normative legal acts // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2018. № 4(40). P. 90–94.
9. *Philosophical Dictionary* / Ed. I.T. Frolova. M. : Republic, 2001. 719 p.
10. *Chornolutsky R.V.* Principles of legal (legislative) techniques and their role and significance in law-drafting activities // Young Scientist. 2014. № 8(11). P. 83–88.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
полковник внутренней службы,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
il8@list.ru

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**



Аннотация. Под организованной преступностью в криминологии принято понимать негативное социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), а также совокупность участников данных групп и сообществ. Статья посвящена рассмотрению современного состояния организованной преступности. Авторами анализируются особенности данного вида преступности, а также ее количественные и качественные показатели. В результате проведенного исследования сделаны выводы о негативных тенденциях организованной преступности, а также необходимости дальнейшего совершенствования профилактического воздействия на нее.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support of State
and Municipal Administration
Vladimir branch of RANEPА,
Associate Professor of the Department
of Public law disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Sentences
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Sentences
kurlak09@rambler.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor at the Department
of Criminal Law
and Criminology Faculty of Law,
Colonel of the Internal Service,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Sentences
il8@list.ru

**ORGANIZED CRIME:
STATE AND TRENDS**



Annotation. Organized crime in criminology is understood to be a negative social and legal phenomenon, which is a set of crimes committed by organized groups, criminal communities (criminal organizations), as well as a set of participants in these groups and communities. The article is devoted to the current state of organized crime. The authors analyze the features of this type of crime, as well as its quantitative and qualitative indicators. As a result of the study, conclusions are drawn about the negative trends of organized crime, as well as the need to further improve the preventive impact on it.



Ключевые слова: преступность, организованная группа, преступное сообщество, показатели, состояние, структура, динамика, тенденции.

Keywords: crime, organized group, criminal community, indicators, state, structure, dynamics, trends.

Под организованной преступностью в криминологии принято понимать негативное социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), а также совокупность участников данных групп и сообществ.

Мы согласимся с позицией Е.В. Бочкаревой, указывающей на то, что организованность, как характеристика противоправной деятельности, отражает определенный качественный показатель преступности, что позволяет в целом рассматривать ее, как некую подсистему, способную к взаимодействию с другими видами преступности и негативными социальными явлениями [1, с. 156]. Причем, в таком состоянии организованная преступность представляет из себя сквозную систему по отношению к общей структуре преступности, а возникающее взаимодействие существенно обостряет общественную опасность других видов преступности и криминализирует негативные социальные явления.

Вопросы исследования данной разновидности преступности не теряют своей актуальности, поскольку, как справедливо отмечает И.Н. Селиверстов, рост организованной преступности связан с объективными факторами, которые способствуют вовлечению лиц к взаимодействию с преступным миром, что, в свою очередь, закономерно детерминирует организованную преступность [7, с. 109].

Следует отметить, что *доля организованной преступности* в общей структуре преступности России невелика и составляет всего порядка 0,8 %. В абсолютных числах в 2019 году это составляет 16290 преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами и 9578 лиц, являющихся участниками данных групп.

За прошедшие десять лет доля организованной преступности в общей структуре преступности снизилась несущественно, однако, с 2010 года ее объем уменьшился на 27 %, что, в целом, выше темпов общего снижения преступности в России (составляющих 23 %) При этом, например, при сравнении с 2018 годом, наблюдается динамика роста организованной преступности на 4,2 %.

Еще более негативные характеристики обнаруживаются при комплексном исследовании динамики организованной преступности. Так, на фоне общего снижения преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, наблюдается тенденция увеличения числа лиц, совершающих данные преступления. Всего с 2010 года это увеличение составило 7,5 %, при этом, значительно увеличилась доля лиц, совершающих преступления в составе

организованных групп и преступных сообществ. Если в 2010 году доля таких лиц составляла 0,8 % (или 8770 чел. в абсолютных показателях), то в 2019 году – 1,1 %. При этом произошли изменения и в структуре организованной преступности.

В частности, на треть (до 0,3 %) увеличилась доля преступлений, совершенных несовершеннолетними. Увеличилась также на 0,6 % доля тяжких и особо тяжких преступлений, которая в 2019 году составила 95,9 %.

Согласно данным Департамента Верховного суда РФ, структура организованной преступности (в соответствии с данными о судимых лицах) следующая:

- кражи (9,7 %);
- мошенничества (17,2 %);
- различные виды незаконной предпринимательской деятельности (ст. 171.1–171.3 УК РФ (7,5 %);
- в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (37,3 %).

Доля остальных преступлений незначительна. В целом, мы можем отметить преобладание корыстной направленности данных преступлений.

При этом среди основных сфер организованной преступной деятельности криминологи в настоящее время выделяют:

- незаконный оборот наркотиков; незаконный оборот оружия;
- организацию незаконной миграции;
- торговлю людьми, человеческими органами и тканями;
- хищения и контрабанда автотранспорта;
- хищение и контрабанда исторических ценностей;
- преступления в сфере компьютерной информации;
- легализацию имущества, добытого преступным путем;
- преступления в сфере нарушения авторских прав;
- коррупционные преступления.

Исследователи отмечают, что современная организованная преступность активно проникает в сферу экономических отношений. В настоящее время наблюдается проникновение организованной преступности в финансовую, банковскую,

страховую сферы, а также рост влияния на ресурсо-добывающую промышленность (лесную, лесоперерабатывающую, рыбодобывающую и перерабатывающие отрасли) [2, с. 139].

На сложный системный характер современной организованной преступности обращает внимание Л.В. Глазкова: «И профессиональная, и экономическая, и коррупционная преступность, составляющие ядро организованной преступности, не могли бы существовать и развиваться без содействия сонма бухгалтеров, финансистов, юристов и банкиров, помогающих не только в совершении конкретных преступлений, но и в легализации незаконных доходов, в совершении финансовых операций и различных сделок, направленных на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, добытыми преступным путем. В результате массового взаимодействия криминальных и околокриминальных интересов складываются системы теневого характера, направленные на обслуживание организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций). Внутри этих систем различные виды преступности взаимодействуют как между собой, так и с обществом, влияя на общественное сознание населения и насаждая криминальную идеологию и преступные формы поведения» [3, с. 84].

Организованная преступность характеризуется высокой степенью *латентности*. Она может достигать 80%, при этом связана с причинами как естественного, так и искусственного характера. К причинам естественной латентности организованной преступности следует отнести высокий уровень подготовки и мастерства совершения преступлений, что затрудняет их выявление (особенно это касается преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, мошенничеств и преступлениями в сфере экономической деятельности), а также страх потерпевших и очевидцев перед мстостью представителей организованной преступности, оставшихся на свободе. Из искусственных причин латентности следует назвать коррупцию. По мнению Т.Т. Калиева, коррупция выступает своеобразным методом защиты организованной преступности, а подкуп должностных лиц (в том числе, и до непосредственного обращения к ним за помощью) позволяет криминальным лидерам поддерживать тесное взаимодействие с представителями властных структур различного уровня [6, с. 203].

Следует обратить внимание на негативные тенденции организованной преступности. Так,

Литература:

1. Бочкарева Е.В. Организованная преступность как форма самодетерминации преступности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1(98). С. 156–162.
2. Гринько С.Д. Тенденции организованной преступности и меры противодействия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 138–143.

анализ уголовных дел и судебной практики позволил С.Д. Гринько сделать вывод о том, что в настоящее время организованные преступные группы от единичных преступлений переходят к профессиональной преступной деятельности, при этом трансформируясь в преступные сообщества (преступные организации) [2, с. 138].

Анализируя негативные тенденции организованной преступности, Н.Н. Дьяченко и С.П. Вайле обращают внимание на то, что в современном обществе организованная преступность достигла масштабов, придающих ей системообразующий характер, проникла во все сферы политической, экономической и социальной жизни страны. К числу наиболее явных тенденций они относят повышающуюся активность легализации средств, нажитых преступным путем, рост количества деяний, посягающих на правомерное осуществление предпринимательской деятельности, укрупнение и объединение организованных групп, усложнение их структуры и повышение преступной квалификации [5, с. 76].

По мнению О.В. Дороховой, на сегодняшний день организованная преступность прогрессирует, активно используя при этом сложившиеся политические и социально-экономические условия, а также, широко внедряется в наиболее прибыльные сферы криминальной деятельности, отрасли экономики и структуры власти, используя при этом имеющиеся коррупционные связи [4, с. 40].

Сходного мнения придерживается С.Д. Гринько, отмечая, что в настоящее время состояние противодействия организованной преступности признает удовлетворительным можно с большим трудом, поскольку ряд преступлений остается нераскрытым, а большое количество организованных преступных групп, экстремистских и террористических сообществ, незаконных вооруженных формирований остается не выявленным, а об их существовании становится известно лишь после совершения тяжких или особо тяжких преступлений, получивших большой общественный резонанс [2, с. 139–140].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что феномен организованной преступности нуждается в дальнейшем криминологическом исследовании. Целью данных исследований выступает поиск путей повышения эффективности превентивного воздействия на деятельность организованных групп и преступных сообществ. Только в этом случае можно будет говорить о соответствии мер противодействия организованной преступности ее современному состоянию.

Literature:

1. Bochkareva E.V. Organized crime as a form of self-determination of crime // Actual problems of Russian law. 2019. № 1(98). P. 156–162.
2. Grinko S.D. Trends in organized crime and counteraction measures // North Caucasus legal Bulletin. 2019. № 1. P. 138–143.

3. *Глазкова Л.В.* Взаимодействие систем организованной преступности и коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 7(104). С. 77–86.
4. *Дорохова О.В.* Причины и условия, способствующие развитию организованной преступности в России // Мировая наука. 2019. № 10(31). С. 38–41.
5. *Дьяченко Н.Н.* Состояние и тенденции современной организованной преступности / Н.Н. Дьяченко, С.П. Вайле // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 75–82.
6. *Калиев Т.Т.* Соотношение организованной преступности с коррупционной преступностью // Право и государство: теория и практика. 2020. № 5(185). С. 201–204.
7. *Селиверстов И.Н.* Социальная опасность организованной преступности: новые тенденции в XXI веке // Юридическая мысль. 2019. № 4–5 (114–115). С. 108–120.
3. *Glazkova L. V.* Interaction of systems of organized crime and corruption // Actual problems of Russian law. 2019. № 7(104). P. 77–86.
4. *Dorokhova O.V.* Reasons and conditions that contribute to the development of organized crime in Russia // World science. 2019. № 10(31). P. 38–41.
5. *Dyachenko N.N.* State and trends of modern organized crime / N.N. Dyachenko, S.P. Vayle // Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXV international scientific and practical conference. Saratov, 2020. P. 75–82.
6. *Kaliev T.T.* Correlation of organized crime with corruption crime // Law and state: theory and practice. 2020. № 5(185). P. 201–204.
7. *Seliverstov I.N.* Social danger of organized crime: new trends in the XXI century. 2019. № 4–5 (114–115). P. 108–120.

Моисеева Оксана Георгиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
oksanam0iseeva@yandex.ru

Авилова Оксана Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
avilova-oksana@rambler.ru

Теобальдт Белла Александровна

магистрант юридического института,
Алтайский государственный университет
angel_1997_16@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ КИТАЯ

Аннотация. В статье анализируются отличительные черты уголовно-правовой доктрины Китая на современном этапе. Для полного раскрытия особенностей уголовно-правовой доктрины Китая обозначаются такие аспекты, как: периодизация формирования современного уголовного законодательства; трудность аутентического перевода нормативных актов Китая; дифференциация наказаний; курс на проведение цивилизованной уголовно-правовой политики. Исследование свидетельствует факт становления уголовно-правовой доктрины Китая в русле последовательности и приемлемости для всего мирового сообщества, что является шагом на пути к либерализации законодательства.

Ключевые слова: право, Китай, уголовно-правовая доктрина, законодательство, уголовная ответственность, наказание.

Уголовно-правовая доктрина Китая зародилась и развивалась в особых исторических условиях. Первоначально, уголовно-правовые нормы были имплементированы в своды обычных правил. С установлением в Китае республиканского строя начинается процесс модернизации традиционного права. Вместе с тем, приверженность традициям и правовая преемственность оставили заметный отпечаток на современном уголовном праве Китая [1].

Ввиду того, что архаичные нормы китайского права имеют тесную связь с философско-религиозным учением – конфуцианством [2], уголовное право Китая можно смело называть традиционным уголовным правом.

Oksana G. Moiseeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Altai State University
oksanam0iseeva@yandex.ru

Oksana E. Avilova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Altai State University
avilova-oksana@rambler.ru

Bella A. Teobaldt

Master of Law,
Altai State University
angel_1997_16@mail.ru

FEATURES OF THE MODERN CRIMINAL LEGAL DOCTRINE OF CHINA

Annotation. The article analyzes the distinctive features of the criminal law doctrine of China at the modern stage. For the full research of the criminal law doctrine of China, such aspects as the periodization of the modern criminal legislation; the difficulty of authentic translation of Chinese regulations; differentiation of punishments; the course towards the civilized criminal law policy are outlined. The study proves the fact of the formation of China's criminal law doctrine in line with the experience and acceptability for the entire world community, which is the step towards the liberalization of legislation.

Keywords: law, China, criminal law doctrine, legislation, criminal liability, punishment.

Более того, во-первых, китайская правовая идея, как таковая, до сих пор не слишком развита.

Во-вторых, сформированные к настоящему времени китайские правовые идеи, либо содержат явно доминирующий моральный компонент, либо полностью растворяются в административном усмотрении.

В-третьих, как известно, китайское законодательство традиционно достаточно жестко регулирует вопросы уголовно-правовой ответственности. В этой связи, уголовное право Китая по праву заслуживает характеристики карательного и репрессивного механизма. Центральное положение в разделе об уголовной ответственности принадлежит институту смертной казни. Нормы о

смертной казни, в свою очередь, также носят архаичный характер, согласованный с древними обычаями.

Так, согласно древней стратагеме, жестокое наказание одного оправдывается избавлением от опасности других: «бить по траве, чтобы вспугнуть змею» (打草惊蛇) [3].

Таким образом, главная особенность китайского уголовного законодательства – жестокость применяемых наказаний – почерпнута из древнекитайской народной мудрости и нацелена на предупредительные меры и устрашение населения. Согласно китайской уголовно-правовой доктрине, в результате такого наказания многочисленные преступные элементы – «вспугнутые змеи» – «в испуге отвращаются от преступления».

Основатель российского китаеведения Н.Я. Бичурин также упоминал о подходе китайского законодателя к наказанию как к способу устрашения потенциальных преступников: «...наказание малою планкою производится для стыда, ибо маловажные преступления стыдом должны быть наказываемы. Наказание большою планкою производится для обуздания, ибо страхом сего наказания удерживаются от преступлений» [4].

Последовательность китайского законодательства в достижении цели устрашения потенциальных преступников проявляется также в том, что на протяжении длительного времени приговоры к смертной казни приводились в исполнение публично. Концепция карательного права наблюдается как в древнекитайский или средневековый период, так и в современную эпоху.

О.В. Дамаскин и И.В. Холиков выделяют три периода формирования современного уголовного законодательства Китая:

1. 1949–1979 гг. – период перехода от отдельных законов к первому Уголовному кодексу;
2. 1979–1997 гг. – период совершенствования уголовного законодательства путем принятия новой редакции Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее – УК КНР);
3. с 1997 г. по настоящее время – период изменений в уголовном законодательстве в ответ на вызовы новых социальных реалий [5].

Прежде чем переходить к анализу УК КНР, следует отметить, что исследование любого нормативного акта Китая сопряжено с трудностями осуществления аутентичного перевода. Так, С.Н. Медведевым, который провел углубленный анализ нового УК КНР, был отмечен языковой барьер при изучении китайского закона иностранцем [6].

Например, ст. 13 УК КНР так определяет преступление: «Любое действие, которое подрывает суверенитет, территориальную целостность и безопасность государства, единство государства, режим демократической диктатуры народа и социалистической системы, социальный и экономический строй, нарушает право государственной, коллективной или частной собственности,

личные права, а также, демократические и другие права граждан или другие действия, наносящие вред обществу, являются преступлением, когда это санкционирует уголовный закон, за исключением случаев малозначительных, не причинивших серьезного ущерба».

Вместе с тем, при сравнении переводов на русский, английский и итальянский языки обнаруживаются расхождения в толковании термина «преступление». Так, например, в некоторых переводах отсутствует указание на «нарушение прав государственной собственности».

В этой связи, нам видится, что любое исследование текста китайского закона в переводе носит в большей мере условный характер.

Итак, не углубляясь в перипетии перевода, исходя из текста УК КНР, можно констатировать следующее. В современном уголовном праве Китая наказания делятся на основные и дополнительные. К основным наказаниям относятся:

– надзор, краткосрочный арест, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы и смертная казнь;

– дополнительными наказаниями являются штраф, лишение политических прав и конфискация имущества.

В качестве наказания для иностранных граждан используется высылка из страны.

Как было указано выше, в основе правовой системы Китая на всем протяжении его истории лежала суровая юридическая ответственность и максимальная криминализация деяний.

Следует отметить, что суровость мер уголовной ответственности отдаляет Китай от европейских стандартов прав человека, но, вместе с тем, дает положительные результаты.

Например, включение в 2011 г. в УК КНР состава «управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее гибель двух и более людей», привело к резкому сокращению числа таких преступлений [3].

Вместе с тем, давление со стороны международного сообщества привело к вынужденным мерам китайских властей. Так, по состоянию на сегодняшний день наблюдается политика либерализации уголовной ответственности, снижение числа составов преступлений, предусматривающих смертную казнь.

Таким образом, новый УК КНР 1997 г. значительно преобразил существовавшее до него уголовное законодательство Китая в сторону гуманизации.

Среди особенностей нового УК КНР можно отметить частичное смягчение наказания по ряду статей, конкретизация уголовно-правовых деяний, составов преступлений, а также установление уголовной ответственности юридических лиц за конкретные виды преступлений, перечисленные в

Особенной части и именуемые корпоративными преступлениями [5].

Последнее является свидетельством того, что китайский законодатель активно и системно стремится противодействовать экономической преступности и обеспечивать интересы общества в сфере экономической безопасности, в том числе международной экономической безопасности.

Таким образом, несмотря на то, что китайское общество в своем большинстве крайне отрицательно настроено к гуманизму по отношению к преступникам, в настоящее время в Китае взят курс на проведение цивилизованной уголовно-правовой политики [7].

Литература:

1. *Чанхай Лун.* Тенденция развития уголовного права современного Китая и защита прав граждан // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права, 2010. № 4–5. С. 121.
2. *Рыбаков В.М.* Конфуцианское человеколюбие и уголовное право традиционного Китая // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5(95). С. 24–27.
3. *Трошинский П.В.* Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 99–117.
4. *Бичурин Н.Я.* Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002. С. 136.
5. *Дамаскин О.В.* Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 3. С. 156–180.
6. *Медведев С.Н.* Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 58–61.
7. *Федяев А.Е.* Историко-правовые аспекты применения наказаний по традиционному уголовному праву Китая // Вестник БЮИ МВД России. 2003. № 5. С. 44–55.

Тенденции развития современной уголовно-правовой доктрины Китая проявляются в смягчении наказаний, что выражается в расширении использования штрафов и наказания в форме надзора, отмене смертной казни по ряду составов экономических преступлений, а также, преступлений, не связанных с насилием, смягчении наказаний для пожилых лиц и несовершеннолетних, также наблюдается повышенное внимание к социальным факторам.

Таким образом, уголовно-правовая доктрина Китая становится более последовательной и приемлемой для всего мирового сообщества. Видится, что эти позитивные изменения являются значительным шагом на пути к либерализации законодательства.

Literature:

1. *Changhai Long.* The trend in the development of criminal law in modern China and the protection of citizens' rights // Bulletin of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law. 2010. № 4–5. P. 121.
2. *Rybakov V.M.* Confucian philanthropy and criminal law of traditional China // Russian law: education, practice, science. 2016. № 5(95). P. 24–27.
3. *Troshchinsky P.V.* The legal system of the People's Republic of China: formation, development and characteristics // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), 2015. № 5. P. 99–117.
4. *Bichurin N.Ya.* China in a civil and moral state. M., 2002. P. 136.
5. *Damaskin O.V.* The current state and development of the criminal law of the People's Republic of China / O.V. Damaskin, I.V. Kholikov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. № 3. P. 156–180.
6. *Medvedev S.N.* Criminal Code of the People's Republic of China // Legal Research. 2013. № 2. P. 58–61.
7. *Fedyayev A.E.* Historical and legal aspects of the application of punishments under the traditional criminal law of China // Bulletin of the BYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2003. № 5. P. 44–55.

Мусаэлян Михаил Георгиевич
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
mikhail.musaelyan@acm-group.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОЦЕНКЕ КОПИИ СЛЕДА КАК ПРОИЗВОДНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости использования специальных знаний для определения степени утраты копией следа отображения его идентификационных признаков в процессе копирования с оригинала. Высказываются предложения по организации взаимодействия между следователем (дознавателем) и специалистом в оценке доказательственного значения откопированного следа отображения как производного доказательства. Обосновывается необходимость предоставления на судебную экспертизу, как копии следа, так и фото (видео) материалов первоначальной криминалистической фиксации оригинала следа с целью определения экспертом степени изменения данного производного доказательства в процессе его копирования.

Ключевые слова: криминалистика, доказательства, процесс доказывания, уголовный процесс, производные доказательства.

Необходимость разделения в судопроизводстве доказательств на первоначальные и производные, как известно, определяется их непосредственным, а также, опосредованным отношением к источникам сведений, которые могут быть рассмотрены в качестве доказательственного факта. Основным классификационным критерием, в данном случае, является связь таких доказательств с доказываемым фактом, выступающим в качестве источника их формирования. Для первоначальных доказательств характерна то, что они выступают в качестве первичных носителей сведений о факте [1, с. 266.]. В отличие от первоначальных, в качестве производных доказательств в уголовном судопроизводстве выступают сведения о доказываемом факте, процессуально устанавливаемом через различные копии изучаемой по делу информации [2, с. 86–94.].

Таким образом, в отличие от первоначальных доказательств, их производная форма характеризуется наличием определенной промежуточной связи между самим первоначальным фактом события, имеющего признаки преступления, и тем объектом, в котором признаки этого события

Mikhail G. Musaelyan
Postgraduate student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
mikhail.musaelyan@acm-group.ru

USING SPECIAL KNOWLEDGE IN EVALUATING A COPY OF A TRACE AS A DERIVED PROOF

Annotation. The article discusses the need to use special knowledge to determine the degree of loss of a copy of the trace of displaying its identification features in the process of copying from the original. Suggestions are made for organizing interaction between the investigator(inquirer) and a specialist in assessing the evidentiary value of the copied image trace as a derivative of evidence. The author substantiates the need to provide both a copy of the trace and photo (video) materials of the initial forensic recording of the original trace for the purpose of determining the degree of change of this derivative evidence in the process of copying.

Keywords: criminalistics, evidence, proof process, criminal process, derivative evidence.

нашли свое отражение. К производным доказательства относятся:

- 1) показания тех лиц, которые имеют сведения, полученные от других лиц или из какого-либо прочитанного ими материала;
- 2) различные копии оригиналов документов;
- 3) копии материальных следов (слепки, оттиски) следов ног, обуви, протекторов шин, орудий взлома, откопированные при помощи следовоспринимающих материалов [3, с. 228; с. 102].

Ценность производных доказательств несколько не снижается по отношению к доказательствам первоначальным. Существующее между ними научное различие состоит в степени определяемой с их помощью достоверности событий, имеющих признаки преступления. Степень такой достоверности устанавливается лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование и суд. Определения доказательственного значения в данном случае осуществляется по результатам субъективного восприятия лица, наделенного полномочиями осуществлять

предварительное расследование и суд в рамках установленного правового поля, регламентирующего процесс судопроизводства [4, с. 72].

Оценка доказательств, в том числе, и их производной формы, требует большого внимания со стороны уполномоченного на то лица. Во многих случаях качественному проведению такой оценки способствует своевременное и полное использование специальных знаний. Исключением в данном случае не является и процесс оценки производных доказательств. Это в большей степени касается случаев изучения таких производных доказательств, которые представляют собой копии материальных следов. Проблема оценки в данном случае заключается в не установлении при помощи специальных знаний степени утраты доказательственного значения копии следа по отношению к его оригиналу. На практике это приводит к тому, что обнаруженный материальный след отображения, имеющий все необходимые частные признаки, достаточные для идентификации, теряет их в процессе изготовления копии. В последующем, на судебную экспертизу предоставляется уже потерявшая доказательственное значение копия следа, что и подтверждается экспертом, при этом результаты объективной криминалистической фиксации первоначального состояния обнаруженного следа экспертом не изучается, а соответственно характеристики следа до его копирования в исследовании не учитываются.

Имеющие место проблемы использования специальных знаний в оценке рассматриваемого вида производного доказательства требуют своего научного решения. В первую очередь, это касается вопроса определения относимости копии материального следа к производным доказательствам. Мы не согласны с мнением И.А. Зинченко, отмечающим, что недопустимо в качестве производных доказательств рассматривать копии материальных следов отдельно от протокола следственного действия, при проведении которого они были получены и где выступают только как приложение к данному процессуальному документу [5, с. 33]. Действительно, как отмечает И.А. Зинченко, в процессе собирания материальных следов при проведении следственного действия, полученные с них копии отдельно каждая, да и все вместе вещественным доказательством сразу не признаются. Однако, в последствие, обязательно выполнение требования о признании их таковыми отдельным постановлением следователя [6]. В необходимых случаях этому может предшествовать осмотр объектов данных. Фактически рассматриваемые копии материальных следов становятся производными доказательствами не только в силу определенных физических процессов [2], но и в силу реализации норм права. Протокол же следственного действия закрепляет их допустимость и относимость к процессу конкретного механизма доказывания.

Таким образом, на копии материальных следов, в случае рассмотрения уполномоченным на это лицом вопроса относимости их к разряду производных доказательств, распространяется требования проведения оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточ-

ности для разрешения уголовного дела [7]. Только по результатам проведенной оценки, все доказательства приобретают свою юридическую силу и возможность их дальнейшего использования в процессе судопроизводства [8, с. 15].

Как уже было отмечено, использование специальных знаний для оценки производного доказательства осуществляется в неполной мере по ряду причин, среди которых - отсутствие криминалистических рекомендаций по определению степени утраты доказательственного значения копии следа отображения по отношению к его оригиналу. Данный механизм оценки непосредственно связан с применением технико-криминалистических средств, приемов и методов лицом, осуществляющим предварительное расследование и суд. К сожалению, следователи (дознаватели) не имеют достаточные технико-криминалистические знания, позволяющие им проводить исследования уровня соответствующего специалиста (эксперта), в том числе, для установления факта потери доказательственного значения копии материального следа отображения в процессе его копирования [9, с. 206; с. 29; с. 13; с. 8; с. 13]. Указанная ситуация ведет не только к неполноте доказательственной базы по уголовному делу, но и к неправильной оценке уже в суде части доказательственной базы по уголовному делу, сформированной на основе исследованных копий материальных следов. Конечно, в работе по получению копий с оригиналов материальных следов, зачастую, привлекаются специалисты-криминалисты, входящие в штат экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Однако работа этих специалистов на постоянной основе предусмотрена только в составе следственно-оперативной группы органов внутренних дел России, что не всегда дает возможность их привлечения к проведению не только неотложных следственных действий.

Исходя из сказанного, полагаем, что оценка таких видов производных доказательств как копии материальных следов, имеет определенную сложность в силу отсутствия необходимых для этого специальных технико-криминалистических знаний, у лиц, наделенных процессуальными полномочиями оценки доказательств. В этой связи, актуальным является разработка криминалистических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса оценки откопированных производных доказательств при помощи специальных знаний. Такие предложения должны носить комплексный характер, где прослеживается необходимое криминалистическое взаимодействие между следователем (дознавателем) и специалистом (экспертом) криминалистом.

Рассматривая вопрос относимости копий материальных следов к производным доказательствам по конкретному уголовному делу, следует обращать внимание на то, где и при каких обстоятельствах они были получены. Как известно, процесс получения копии материального следа обязательно должен отражаться в протоколе следственного действия. Наличие данного факта, безусловно, говорит об относимости полученной со следа копии к конкретному уголовному делу.

Однако полученная копия должна отражаться в протоколе следственного действия в соответствии с криминалистическими рекомендациями. В частности, требуется описать не только, где и как был обнаружен след, его размеры и внешние видимые характеристики, но и то, как и при помощи чего он был откопирован. Материал копирования след должен быть также подробно описан в протоколе, что даст точное представление об относимости конкретной копии к конкретному следственному действию ее получения и конкретному уголовному делу, в рамках производства которого проводилось данное следственное действие.

Как показал анализ материалов архивных уголовных дел, четкое описание объекта, на который проводилось копирование, а также материалов, предназначенных для изготовления копий, в изученных протоколах следственных действий проводилось только в 10 % случаев. Зачастую, следователи ограничиваются указанием на самые общие признаки объекта копирования, например, пишут «обнаруженный след пальца руки был откопирован на светлую дактилоскопическую пленку», при этом размеры данной пленки или размеры иного копирующего материала (лента «скотч») указывается крайне редко. Кроме того, размеры самой копии следа не указываются никогда. При этом известно, что абсолютно точное копирование следа возможно в крайне редких случаях. Потеря размера и формы копии, в отличие от оригинала неизбежно. Этому есть много причин, среди которых следует назвать: характер слеодообразующей поверхности, характер вещества следа, погодные условия в момент изготовления копии и т.п.

При оценке относимости могут возникать и иные проблемы, связанные с неполным описанием в протоколе следственного действия веществ, использовавшихся для изготовления копии. Обычно, следователи ограничиваются указанием на то, что, например, был изготовлен гипсовый слепок, но они не указывают какой марки этот гипс был. Всего существует двенадцать марок гипса, определяющих его разновидность: строительный, технический, модифицированный, формовочный [10]. Все эти разновидности гипса различаются плотностью своего сжатия, что, безусловно, влияет и на копирование частных признаков следа. Информация об относимости конкретной копии следа к конкретному уголовному делу может быть проверена путем запроса в экспертно-криминалистическое подразделение, сотрудник которого изготовил слепок и сопоставления с ним данных материала, использовавшегося для изготовления слепка. Получение сведений о материале изготовления слепка может, например, происходить по результатам производства судебной экспертизы материалов, веществ и изделий.

Допустимость как принцип формирования доказательств, в случае получения копии следа, определяет законность действия по получению изучаемой копии материального следа. В целом, такая оценка, в первую очередь, касается самой организации следственного действия, законности его

проведения. Однако не стоит забывать и о том, что могут быть применены недопустимые методы получения рассматриваемой копии. Конечно, в протоколе следственного действия данная информация отражаться по понятным причинам не будет, но по факту это можно установить путем выяснения, не являются ли опасным для участников следственного действия сам механизм копирования следа, а также материалы, использовавшиеся для этого.

Достоверность как один из принципов формирования доказательств, определяет необходимость соответствия процесса получения доказательств установленным правилам. Проверка данного принципа в ходе оценки производных доказательств, полученных путем копирования, достаточно сложный процесс для людей, не обладающих специальными технико-криминалистическими познаниями. Сложность заключается в том, что не все лица, осуществляющие предварительное расследование или суд, могут самостоятельно оценить насколько правильно был выбран и применен тот или иной технико-криминалистический прием получения копии следа. В такой ситуации оценки требуется удостовериться в правильности реализации при копировании имеющихся технико-криминалистических рекомендаций. Такой подход к анализу достоверности рассматриваемого производного доказательства позволит установить достоверность исследуемой копии следа.

Как уже отмечалось, сложно лицу, не сведущему в криминалистической технике и судебной экспертизе, определить достаточность производного доказательства для определенного вывода о факте. Это связано с тем, что достаточность определяется, исходя из того, какой объем доказательственной информации сохраняется в процессе копирования материального следа. Как уже было ранее сказано, получить полную копию следа не всегда удастся, поэтому требуется сопоставить ранее зафиксированные процессуальным и криминалистическим путем данные материального следа с данными, отразившимися в его копии. Зачастую, это сделать возможно только в том случае, если специалистом (экспертом) будут сопоставлены первоначальные данные обнаруженного следа, зафиксированные при помощи криминалистической фото- и видеосъемки, с копией этого следа. Полученная при этом информация должна отражаться в заключении специалиста (эксперта).

К сожалению, в настоящее время указанное сопоставление первоначального доказательства с его производной формой не проводится по причине отсутствия соответствующих криминалистических рекомендаций для следователей (дознавателей). Фактически, лицо, призванное законом оценивать доказательство, не имеет информации о степени утраты доказательственного значения копии материального следа, что, безусловно, окажет негативное влияние на процесс доказывания. Если будет установлено, что копия следа не отражает необходимого комплекса идентификационных признаков, то следует, как уже предлагалось, проводить судебно-экспертное исследо-

вание по фото и (или) видеозаписи данного следа, сделанной на момент его обнаружения, до выполнения криминалистической процедуры его копирования.

Во многих случаях принятие решения о достаточности доказательственного значения копии материального следа будет определяться исходя из требований, определяемых методиками судебных экспертиз. Например, для признания факта тождества следа пальца руки и отпечатка пальца руки проверяемого человека, необходимо совпадение не меньше восьми частных признаков папиллярного узора, в случае если в следе отражается центр папиллярного узора и его дельта. Если в папиллярном узоре следе пальца руки ни центр узора, ни дельта не отражается, то для однозначного решения вопроса об идентификации необходимо совпадение не меньше двенадцати частных признаков. Таким образом, лицо, осуществляющее оценку степени достаточности доказательственной информации копии материального следа, должно обязательно сопоставлять данные о копии следа с данными, отраженными его фото (видео) фиксации, имеющимися в приложениях к протоколу. В качестве сопоставляемого материала следует использовать заключение судебного эксперта, в котором описывается комплекс переданных в процессе копирования частных признаков изучаемого следа.

Как уже было сказано, сопоставление первоначальных данных обнаруженного следа с данными его судебно-экспертного исследования, дает возможность лицу, проводящему оценку производного откопированного доказательства, определить степень утраты доказательственного значения данного следа. Такой подход к оценке позволит сформулировать вывод о возможности принятия факта обнаруженного следа в качестве доказательства. Кроме этого, данный подход позволит также оценить и качество проведенного судебно-экспертным исследованием, в целях признания выполненного им заключения доказательственным по уголовному делу. Утрата части доказательственных признаков откопированного следа может происходить уже в процессе судебно-экспертного исследования в силу неопытности судебного эксперта, а также по причине неисправности технико-криминалистических средств, использовавшихся в процессе исследования.

Анализируя механизм определения доказательственного значения производных доказательств, в частности, полученных при копировании материального следа-отображения, необходимо использовать определенный алгоритм оценки его доказательственного значения. По нашему мнению, такой алгоритм заключается в следующей системе оценочных действий:

1) устанавливается факт относимости изучаемого материального следа-отображения к конкретному уголовному делу, в рамках которого проводилось следственное действие, где и был обнаружен данный след;

2) анализируется первоначальное состояние следа отображения по информации, отраженной

в протоколе следственного действия и фото (видео) иллюстрациях, прилагаемых к нему;

3) анализируется правильность применения технико-криминалистических приемов, методов и средств для копирования материального следа-отображения;

4) анализируется достаточность откопированных идентификационных признаков материального следа отображения для признания их доказательственного значения по уголовному делу;

5) определяется степень утраты копией материального следа отображения необходимых идентификационных признаков и снижения по этой причине степени его доказательственного значения (сопоставление первоначальных объективных отображений следа с его копией).

Поскольку, в большинстве своем лица, уполномоченные уголовно-процессуальным законом, оценивать доказательственную ценность, в том числе, и следов-отображений не всегда обладают достаточными для этого технико-криминалистическими умениями и навыками, полагаем, что к этому процессу оценки целесообразно привлекать специалистов-криминалистов. Привлечение таких специалистов должно осуществляться не из того экспертной организации, откуда сотрудники привлекались для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования уже полученных копий материальных следов отображений.

Понимая о проблеме поиска таких независимых специалистов, считаем, что выход из такой ситуации может быть найден путем формирования при следственных подразделениях и судах должностей специалистов-консультантов или привлечения в качестве таковых лиц на договорной основе. Следует также при назначении судебной экспертизы предоставлять в распоряжение судебного эксперта копии материальных следов, полученные путем копирования на соответствующий материал, но и фото (видео) материалы, запечатлевшие материальный след, до его копирования при помощи технико-криминалистических средств, приемов и методов.

Кроме того, необходимо разработать криминалистический справочник где будет подробно описан механизм оценки производного откопированного следа-отображения для установления степени его доказательственного значения в уголовном судопроизводстве. Использование таких справочных данных в рамках предлагаемой для разработки методики определения степени доказательственного значения копии материального следа, позволит лицам, уполномоченным законом, более точно подходить к вопросу оценки рассматриваемого производного доказательства. Вопрос рассматриваемой оценки откопированного производного доказательства нельзя обойти стороной и в учебном процессе подготовки будущих юристов.

Дальнейшее научное исследование проблем механизма оценки следов отображений, в качестве производных доказательств, должно учитывать

результаты широкой научной дискуссии по этому вопросу. В рамках такой дискуссии могут более быть уточнены криминалистические критерии оценки рассматриваемых доказательств, с точки

Литература:

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд. испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973.
2. *Зинченко И.А.* Производные доказательства в уголовном процессе: традиционные и новые концепции // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2(25). URL : <https://www.iaaj.net/node/2036> (дата обращения 29.04.2020).
3. Доказательства первоначальные и производные. URL : <https://bfveteran.ru/pravo> (дата обращения: 18.03.2020); Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под. общ. ред. А.А. Чекалина. М. : Экзамен, 2006; Уголовный процесс: учебник / Под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова. М. : ЮСТИЦИЯ, 2016.
4. *Громов Н.А.* Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе / Н.А. Громов, С.А. Зайцева, А.Н. Гушин. М., 2005.
5. *Зинченко И.А.* Процессуально-правовая природа материалов, полученных в результате применения технико-криминалистических средств // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 4(22).
6. Ст. 81 «Вещественные доказательства» УПК РФ.
7. Ст. 88 «Правила оценки доказательств» УПК России.
8. *Некрасова С.В.* Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве. научно-практическое пособие. М., 2004.
9. *Гусев А.В.* Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар : КРУ МВД России, 2015; *Шуматов Ю.Т.* Использование специальных познаний на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; *Мельникова Э.Б.* Участие специалистов в следственных действиях. М. : Юрид. лит., 1964; *Палиашвили А.Я.* Правовые проблемы экспертизы в советском уголовном процессе : автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1968; *Зезьянов В.П.* Роль, место и значение специальных знаний в криминалистической методике : дис. канд. юрид. наук. Ижевск, 1994; *Митричев С.* Криминалистика и криминалистическая экспертиза // Соц. законность. 1966. № 5.
10. Марка гипса: характеристика, определение, фото. URL : <https://fb.ru> (дата обращения 12.06.2020).

зрения их относимости, допустимости, достаточности и полноты для разрешения уголовного дела.

Literature:

1. Theory of evidence in the Soviet criminal process / Ed. by N.V. Zhogin. 2nd ed. ISPR.
2. *Zinchenko I.A.* Derivative evidence in criminal proceedings: traditional and new concepts // Library of the criminalist. Scientific journal. 2016. № 2(25). URL : <https://www.iaaj.net/node/2036> (date of application 29.04.2020).
3. Original and derivative Proofs. URL : <https://bfveteran.ru/pravo> (date of application 18.03.2020); Review the Criminal procedure code of the Russian Federation / under. the General editorship of A.A. Chekalin. M. : Exam, 2006; the criminal process : textbook / ed. With. Mana, Yu.V. Frantsiforov. M. : JUSTICE, 2016.
4. *Gromov N.A.* Proof and proving in criminal process / N.A. Gromov, S.A. Zaitseva, A.N. Gushchin. M., 2005.
5. *Zinchenko I.A.* Procedural law the nature of the materials obtained in the result of the application of technical and forensic equipment // Bulletin of the Kaliningrad law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia.
6. Article 81 «Material evidence» of the criminal procedure code of the Russian Federation.
7. Article 88 «Rules for evaluating evidence» of the code of criminal procedure of Russia.
8. *Nekrasova S.V.* Legal force of evidence in criminal proceedings. scientific and practical guide. M., 2004.
9. *Gusev A.V.* The Concept of forming a special forensic knowledge and the mechanism of its implementation in criminal proceedings outside of forensic activity: dis. doctor of law. Krasnodar : KRU MVD of Russia, 2015; *Shumatov Yu.T.* The Use of special knowledge in the preliminary investigation : dis. ... cand. of law sciences. M., 1996; *Melnikova E.B.* Participation of specialists in investigative actions. M. : Yurid. lit., 1964; *Paliashvili A.Ya.* Legal problems of expertise in the Soviet criminal process : autoref. dis. ... dr. of law sciences. Tbilisi, 1968; *Sisianov V.P.* The Role, place and importance of special knowledge in criminal procedure : dis. cand. of law sciences. Izhevsk, 1994; *Mitrichev S.* Criminalistics and forensic examination // SOC. The rule of law. 1966. № 5.
10. Brand of gypsum: characteristics, definition, photo. URL : <https://fb.ru> (date of application 12.06.2020).

Набиуллина Виктория Романовна
старший преподаватель
кафедры техносферной безопасности,
аспирантка Тюменского
государственного университета,
Государственный аграрный университет
Северного Зауралья, г. Тюмень
vitoriya@mail.ru

Административная и уголовная ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации

Аннотация. В статье рассматриваются критерии разграничения административной и уголовной ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации на основе анализа судебной практики. В частности, рассмотрены понятийный аппарат, объективные и субъективные признаки правонарушений в ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ, преступлений в ст. 207.1, 207.2 УК РФ, проанализированы отличительные черты вышеуказанных статей. Автор приходит к выводу о необходимости проведения отдельного научного анализа соотношений понятий «ложная» и «недостоверная» информация в административном и уголовном законодательстве; о необходимости объединений ст. 207.1 и 207.2 УК РФ в одну статью.

Ключевые слова: ответственность, недостоверная общественно значимая информация, статьи 207.1 и 207.2 УК РФ, части 9 и 10 статьи 13.15 КоАП РФ.

В условиях масштабного распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), широкое распространение получили, так называемые, «фейковые» новости об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Так, гражданами России распространена в сети «Интернет» недостоверная информация под видом достоверной:

– о заболевших коронавирусом и призыве не выходить на улицу [1];

– об отсутствии в больницах аппаратов искусственной вентиляции легких, медицинских масок, защитных костюмов [2];

– о попытке в госпитале приписать умершим COVID-19, уговаривая на это родственников [3].

Такая информация может вызвать панику у граждан в период режима повышенной готовности,

Victoria R. Nabiullina
Senior lecturer of the Department
of Technosphere Safety,
Postgraduate student
of Tyumen State University,
State Agrarian University
Northern Trans-Urals, Tyumen
vitoriya@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL LIABILITY FOR THE DISSEMINATION OF FALSE INFORMATION

Annotation. The article examines the criteria for distinguishing administrative and criminal liability for the dissemination of false socially significant information based on the analysis of judicial practice. In particular, the conceptual apparatus, objective and subjective signs of offenses in parts 9 and 10 of Art. 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation, crimes in Art. 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, the distinctive features of the above articles are analyzed. The author comes to the conclusion that it is necessary to conduct a separate scientific analysis of the relationship between the concepts of «false» and «unreliable» information in administrative and criminal legislation; on the need for associations of Art. 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in one article.

Keywords: liability, false socially significant information, articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, parts 9 and 10 of article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation.

что может повлечь угрозу нарушения общественного порядка и общественной безопасности.

В России с 2019 года предусмотрена административная ответственность для граждан за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации в средствах массовой информации, а также – в информационно-телекоммуникационных сетях (ч. 9 и 10 ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)). Кроме того, уже с 01 апреля 2020 года была установлена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) и заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия (ст. 207.2 УК РФ). В этой связи, нам

представляется актуальным провести анализ критериев разграничения административной и уголовной ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации.

В первую очередь, следует рассмотреть понятийный аппарат, используемый в анализируемых статьях. Так, в ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации. В ст. 207.2 УК РФ регламентирована уголовная ответственность за распространение ложной общественно значимой информации. Таким образом, диспозиции статей в КоАП РФ и УК РФ содержат разные характеристики информации – «недостоверная» и «ложная» информация. Ложная информация и недостоверная информация не соответствует действительности. Определение понятия «недостоверная общественно значимая информация» содержится в ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее Закон об информации), ст. 207.1 и 207.2 УК РФ не раскрывают содержание «ложная общественно значимая информация». Следовательно, диспозиции ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ полностью дублируют термин из Закона об информации, что является целесообразным и логичным с точки зрения юридической техники. В целях единообразия применения норм права правильным представляется использование единой терминологии в законодательстве. Полагаем, что законодатель в анализируемых статьях КоАП РФ и УК РФ использует словосочетания «ложная информация» и «недостоверная информация» в качестве синонимов, вместе с тем, это не свидетельствует о тождественности понятий. Полагаем целесообразным исследовать соотношений этих понятий в отдельной научной статье.

О соотношении общественно значимой информации (ст. 207.2 УК РФ) и информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.2 УК РФ), Верховный суд РФ в Обзоре № 1 от 21 апреля 2020 года [4] разъяснил, что предмет преступления в ст. 207.2 УК РФ шире предмета преступления в ст. 207.1 УК РФ. В таком случае возникает вопрос, для чего законодатель регламентировал уголовную ответственность в двух статьях УК РФ, когда предмет преступления одной уголовно-правовой нормы (ст. 207.2 УК РФ) поглощает предмет преступления другой (ст. 207.1 УК РФ). При данных обстоятельствах видится целесообразным объединить нормы права в одну статью.

В целях выявления различий в составах анализируемых статей, рассмотрим их объективные и субъективные признаки.

Основным объектом правонарушения по ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ является нормальное функционирование объектов жизнеобеспечения. Дополнительным объектом состава правонарушения в ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ являются жизнь и здоровье человека, общественный порядок и общественная безопасность. Основным объектом составов

преступления в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ выступают безопасность населения и территорий, общественный порядок. Дополнительным объектом преступления по ст. 207.2 УК РФ являются охрана жизни и здоровья человека. Как видим, объекты составов рассматриваемых правонарушений и преступлений совпадают.

Объективная сторона анализируемых правонарушений и преступлений проявляется в умышленных действиях, выраженных в распространении заведомо недостоверной общественно значимой информации, в целях нарушения нормальных условий жизнедеятельности населения.

Субъектами административной ответственности в ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ являются физические лица, достигшие 16 лет, должностные лица и юридические лица, распространившие заведомо недостоверную общественно значимую информацию. Юридические лица не являются субъектами уголовной ответственности по ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Субъективная сторона составов анализируемых правонарушений (ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ) и преступлений (ст. 207.1 и 207.2 УК РФ) характеризуется наличием прямого умысла.

Разграничение административной ответственности (ч. 9 и 10 ст. 13.15 КоАП РФ) и уголовной ответственности (ст. 207.1 УК РФ) за распространение заведомо недостоверной общественной значимой информации, можно провести по нескольким критериям.

Во-первых, законодательно установленный перечень способов распространения ложной информации в КоАП РФ меньше по сравнению с перечнем способов, указанным в УК РФ. Так, в КоАП РФ в качестве способов совершения административного правонарушения обозначены только средства массовой информации и информационно-телекоммуникационные сети. В УК РФ способы совершения преступлений поименованы словом «публичный», тем самым, законодатель в формулировке «публичный» аккумулировал различные способы распространения ложной информации. Можно предположить, что различия в формулировках способов распространения ложной информации, указанных в КоАП РФ и в УК РФ, обусловлены временем принятия статей. В УК РФ введена статья 207.1 в период пандемии коронавируса, что предопределило более «широкий» характер правовой регламентации уголовно-правовой нормы.

Анализ судебной практики приводит к выводу о том, что преобладающим способом совершения преступления, предусмотренного ст. 207.1 УК РФ, является распространение заведомо ложной информации в сети «Интернет». За период режима повышенной готовности в разных субъектах РФ возбуждено и рассмотрено несколько уголовных дел по ст. 207.1 УК РФ. Так, гражданка создала в интернете группу, сделала информационный пост на сайте социальной сети с призывом выйти на улицу, фотографироваться и размещать фото в интернете, тем самым демонстрировать

свое несогласие с введением режима самоизоляции в связи с отсутствием пандемии коронавируса. Свою вину она не признала. Суд назначил гражданине наказание в виде обязательных работ на срок 300 часов [5]. В другом уголовном деле гражданин разместил комментарий в публичном сообществе о том, что он болен коронавирусом и заражает людей, гуляя по городу. Осознав свою вину, он публично извинился в этом же сообществе. Уголовное дело было прекращено, назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 50000 руб. [6]. Последствия рассмотренных деяний различаются. В условиях распространения вирусной инфекции призыв выходить на улицу может повлечь за собой заражение вирусом, угрозу нарушения общественного порядка. Поэтому при принятии судебных решений судами принимаются во внимание активность противоправных действий, их значительность для нарушения общественного порядка, наличие раскаяние виновного.

Вторым критерием разграничения ответственности при квалификации деяний по КоАП РФ и УК РФ во внимание принимаются условия, в которых распространяется ложная информация, цели и мотивы совершаемых действий, последствия деяний. В уголовно-наказуемом деянии (преступлении) распространение заведомо ложной информации «представляет реальную общественную опасность и причиняет вред охраняемым уголовным законом отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности» [7]. Отсутствие прямого умысла на распространение недостоверной информации среди неопределенного круга лиц, заблуждение относительно достоверности распространенной информации, отсутствие цели нарушения общественного порядка, общественной безопасности и последствий после распространения информации - могут явиться основанием для отказа в привлечении к уголовной ответственности.

В-третьих, критерием разграничения ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации являются форма и содержание сообщения.

Литература:

1. Постановление Кармаскалинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 16 апреля 2020 г. по делу № 5-47/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт URL : [//sudact.ru/regular/doc/Z9Qc79FFQ7bT/](https://sudact.ru/regular/doc/Z9Qc79FFQ7bT/) (дата обращения 03.10.2020).
2. Постановление Октябрьского районного суда г. Орск Оренбургской области от 28 мая 2020 г. по делу № 5-367/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL : [//sudact.ru/regular/doc/q75apmjjojgn/](https://sudact.ru/regular/doc/q75apmjjojgn/) (дата обращения 03.10.2020).
3. Постановление Лабинского городского суда Краснодарского края от 28 мая 2020 г. по делу № 5-519/2020 // Судебные и нормативные акты

Разграничение административной ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ от уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ рассмотрим на примере постановления Икрянинского районного суда Астраханской области [7]. Гражданин опубликовал в группе социальной сети свое мнение в виде комментария о том, что отсутствует коронавирус, за что был привлечен к административной ответственности по ч. 9 ст.13.15 КоАП РФ и ему было назначено наказание в виде штрафа. Суд пришел к выводу о том, что действия виновного гражданина могли спровоцировать угрозу массового нарушения общественного порядка. Итак, распространение информации гражданином произошло посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей, что подпадает под рассматриваемые статьи КоАП РФ и УК РФ. Однако информацию об отсутствии коронавируса вряд ли возможно признать информацией об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. Форма сообщения в виде комментария, несомненно, имеет признак публичности, между тем имеется вероятность, что прочтает его не полностью вся целевая аудитория и читатели не сделают репост сообщения. Также, подобного рода комментарий не свидетельствует о наличии у гражданина в качестве цели или мотива правонарушения создание паники у населения, корыстных побуждений, что представляет собой реальную общественную опасность и расценивается как нарушение норм уголовного права. Таким образом, действия гражданина квалифицированы по ч. 9 ст.13.15 КоАП РФ. В случае, выражения мнения гражданином в иной форме, например, на собрании, то его действия с учетом формы и содержания изложения информации, можно было бы квалифицировать по ст. 207.1 УК РФ.

В заключение отметим, что в связи с использованием законодателем понятия «ложная информация» одновременно с понятием «недостоверная информация» необходим комплексный анализ с установлением их сходств и различий в административном и уголовном законодательстве. Учитывая специфику предмета преступлений ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, предлагается объединить правовые нормы в одну статью.

Literature:

1. Resolution of the Karmaskalinsky Interdistrict Court of the Republic of Bashkortostan dated April 16, 2020 in case № 5-47 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website URL : [//sudact.ru/regular/doc/Z9Qc79FFQ7bT/](https://sudact.ru/regular/doc/Z9Qc79FFQ7bT/) (date of application 03.10.2020).
2. Resolution of the Oktyabrskiy District Court of Orsk, Orenburg Region dated May 28, 2020 in case № 5-367 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL : [//sudact.ru/regular/doc/q75apmjjojgn/](https://sudact.ru/regular/doc/q75apmjjojgn/) (date of application 03.10.2020).
3. Resolution of the Labinsk City Court of the Krasnodar Territory of May 28, 2020 in case № 5-519 / 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian

РФ: сайт URL ://sudact.ru/regular/doc/41gPIM6ir9VR/ (дата обращения 03.10.2020).

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Перми от 20.07.2020 по делу № 1-281/2020. URL : <https://sudrf.ru/> (дата обращения 07.10.2020).

6. Приговор Нефтеюганского районного суда по делу № 1-305/2020 от 27.05.2020. URL : <https://sudrf.ru/> (дата обращения 07.10.2020).

7. Постановление Икрянинского районного суда Астраханской области от 22.06.2020 по делу № 5-193/2020. URL : <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/51538287> (дата обращения 07.10.2020).

Federation: website URL : //sudact.ru/regular/doc/41gPIM6ir9VR/ (date of application 03.10.2020).

4. An overview of certain issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) № 1 in the Russian Federation (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 21.04.2020). Access from the sprav.-legal system «ConsultantPlus».

5. The verdict of the Ordzhonikidze District Court of Perm dated 20.07.2020 in case № 1-281/2020. URL : <https://sudrf.ru/> (date of application 07.10.2020).

6. The verdict of the Nefteyugansk District Court in case № 1-305 / 2020 of 05/27/2020. URL : <https://sudrf.ru/> (date of application 07.10.2020).

7. Resolution of the Ikryaninsky District Court of the Astrakhan Region dated 22.06.2020 in case № 5-193/2020. URL : <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/51538287> (date of application 10.07.2020).

Нескородова Ирина Сергеевна
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
irusyanesk@mail.ru

Кислицын Николай Александрович
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
danser21@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. Положительные тенденции развития информационных технологий имеют обратную сторону. Так, в XXI веке, в эпоху научно-технического прогресса, возник и активно развивается новый вид преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и в связи с этим, наибольшую актуальность приобретают законодательные и правоприменительные средства противодействия данному негативному явлению. В статье рассматривается проблема отсутствия четкой системы уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, электронные сети, Интернет, преступление, уголовный закон.

Развитие современных информационных технологий предполагает их проникновение во все сферы жизни человека. По состоянию на январь 2020 года пользователями информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» являются 4,8 млрд человек, что составляет 59 % населения нашей планеты [1]. В России же охват населения, использующего Интернет, гораздо выше – 81 % [2]. Вместе с тем, положительные тенденции развития информационных технологий имеют и обратную сторону. Так, в XXI веке, в эпоху научно-

Irina S. Neskorodova
Teacher of the Department
Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
irusyanesk@mail.ru

Nikolai A. Kislitsyn
Teacher of the Department
Special Disciplines,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
danser21@yandex.ru

THE PROBLEM OF SYSTEMATIZATION OF CRIMES COMMITTED USING THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORK «INTERNET»

Annotation. Positive trends in the development of information technology have the opposite side. Thus, in the twenty-first century, in the era of scientific and technological progress, a new type of crime committed using the Internet information and telecommunications network has emerged and is actively developing, and in this regard, legislative and law enforcement means of countering this negative phenomenon are becoming the most relevant. The article deals with the problem of the lack of a clear system of criminal law norms providing for criminal liability for committing crimes using the information and telecommunications network «Internet», suggests measures to improve criminal legislation in this area.

Keywords: information and telecommunications networks, electronic networks, the Internet, crime, criminal law.

технического прогресса, возник и активно развивается новый вид преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и, в связи с этим, наибольшую актуальность приобретают законодательные и правоприменительные средства противодействия данному негативному явлению.

В юридической литературе можно найти различные подходы к определению такого понятия как «преступление, совершенное с применением

информационно-телекоммуникационных сетей». Одни ученые полагают, что такого рода преступления можно отнести к «компьютерным преступлениям» или «киберпреступлениям» (т.е., деяния, совершенные в киберпространстве). Такие преступления находятся в отдельной главе уголовного закона, где информационно-компьютерная среда выступает в роли объекта посягательства преступления (глава 28 УК РФ). Другие же считают целесообразным отнести такие деяния к преступлениям в сфере высоких технологий, и понимать под ними деяния, при которых были задействованы компьютерные технологии, где уже информационно-телекоммуникационная сеть или электронная являются признаком объективной стороны состава преступления [3]. На наш взгляд, под преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, нужно понимать общественно опасные деяния, посягающие на отношения, складывающиеся в различных сферах общественной жизни, и при этом затрагивающие сферу некриминального пользования сетями, совершаемые с помощью технологических систем, которые необходимы для хранения и передачи сведений по линиям связи, доступ к которым проходит с использованием средств вычислительной техники.

Такое определение можно объяснить следующими выводами. Изучение уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений с применением информационно-телекоммуникационных сетей, показывает, что в качестве основного объекта рассматриваемых преступлений может выступать человеческая жизнь, право человека на личную неприкосновенность, экономические отношения, здоровье населения, общественная нравственность, нормальное развитие психики и моральных качеств ребенка, основы конституционного строя и пр. И, вместе с тем, применение информационно-телекоммуникационных сетей в преступных целях подразумевает угрозу общественным отношениям в сфере некриминального применения сетей телекоммуникации. Таким образом, можно сказать, что наличие квалифицирующего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» предполагает многообъектность преступного посягательства [4].

В современном российском уголовном законодательстве использование информационно-коммуникационных сетей при совершении преступления может закреплено в качестве или обязательного признака объективной стороны основного состава преступления (ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 171.2, ч. 1.1 ст. 258.1, ст. 282 УК РФ и пр.), или отягчающего в квалифицированных составах (п. «д» ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ и пр.). Необходимо отметить, что нормы, которые мы обозначили выше в качестве примера, располагаются в различных разделах Особенной части Уголовного кодекса. С одной стороны, это представляется верным, поскольку, уголовное законодательство непосредственно построено на систематизации норм в разделах и главах в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны. Но, вместе с тем, это не дает возможности

сформировать законодательную систему преступных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

В зависимости от конфигурации объекта общественно опасного деяния нормы об ответственности за незаконное применение информационно-телекоммуникационных сетей, можно соединить в десять автономных подгрупп, которые бы могли обеспечивать уголовно-правовую охрану:

– жизни личности (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ); неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ);

– нормального нравственного и психического развития несовершеннолетнего лица (ст. 151.2 УК РФ);

– установленного порядка организации и проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ);

– свободных рыночных экономических отношений (ст. 185.3 УК РФ); общественной безопасности (ст. 205.2 УК РФ);

– здоровья населения (ст. 228.1 УК РФ); общественной нравственности (ст. 242, 242.1, 242.2, 245 УК РФ);

– особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 258.1 УК РФ);

– основ конституционного строя (ст. 280, 280.1, 282 УК РФ) [5].

Также, такие нормы можно разделить на две автономные подгруппы из-за отношения значимости информационно-телекоммуникационных сетей как объективного признака для определения структуры деяния. Первая группа должна включать в себя сумму конструкций, где информационно-телекоммуникационные сети являются базой структуры преступления. Вторая же группа будет включать конструкции, где такие средства будут относиться к определенным признакам структур преступлений.

Вместе с тем, оба метода не будут давать возможность сконструировать систему преступлений, которые были совершены с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, и будут являться свидетельством того, что нельзя предусмотреть общий подход при их систематизации.

Систематизировать преступления также становится сложным вследствие крайне сжатого круга деяний, при квалификации которых можно учесть применение информационно-телекоммуникационных сетей. Современные условия активного пользования информационно-телекоммуникационными сетями, в том числе, в преступных целях, говорит об острой необходимости расширения перечня преступлений, чтобы можно было четко говорить о классификации общественно опасных деяний по всем имеющимся признакам и элементам, судить о структуре таких преступлений и осуществить верную квалификацию конкретного деяния. Данный вопрос является весьма актуальным и обсуждаемым в юридической литературе.

Так, Д.С. Сапарбаев считает, что есть реальная необходимость применения такого признака в диспозицию ст. 159 и 165 УК РФ. А.С. Шурова предлагает дополнить таким признаком норму об ответственности за склонение лиц к употреблению наркотических препаратов (ст. 230 УК РФ). О необходимости криминализации хищения, осуществленного посредством информационно-телекоммуникационных сетей, высказывается и В.В. Хилюта. При этом остается спорным вопрос, по какому принципу происходит включение такого признака в качестве конструктивного или же квалифицирующего, что также подмечается отдельными авторами [6]. Кроме того, на наш взгляд, не во всех нормах, включенных в УК РФ, предусмотрен такой признак, хотя совершение преступлений, за которые данными нормами предусмотрена уголовная ответственность, предусматривает возможность использования информационно-телекоммуникационных сетей как альтернативный способ их совершения (например, ч. 1, 2 ст. 205.1 УК РФ). Во избежание пробелов в законодательстве необходимо его тщательно проанализировать и дополнить соответствующими квалифицирующими признаками во всех составах, где возможно использование информационно-телекоммуникационных сетей в качествеотягчающего признака.

Литература:

1. Интернет-статистика 2020. Окончательный список фактов и тенденций. URL : <https://techblog.sdstudio.top/107-internet-statistika-2020-okonchatelnyj-spisok-faktov-i-tendencij>
2. Интернет 2020 в России и в мире: статистика и тренды. URL : <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>
3. *Шутова А.А.* Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Н. Новгород, 2017. С. 31.
4. *Красненкова Е.В.* Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами : дис. ... канд. юрид. наук. С. 80.
5. *Летелкин Н.В.* Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. URL : <https://dlib.rsl.ru/01009769739>
6. *Литвяк Л.Г.* К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона / Л.Г. Литвяк, Е.Н. Пирогова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11.

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что в настоящее время нельзя создать единую и четкую систему преступных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в связи со следующими обстоятельствами:

1. Отсутствием наличия общего подхода к квалификации преступлений и его криминализации, которые совершаются с помощью информационно-телекоммуникационных сетей.
2. Перечнем деяний, которые совершаются посредством информационно-телекоммуникационных сетей, содержащийся в Особенной части уголовного закона, не может охватывать все преступления, где используются подобного рода технологии.

Развитие институтов сетевой телекоммуникации, а также, их широкое применение в противоправной деятельности не позволяет представить целостную систему преступлений, совершаемых посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Literature:

1. Internet statistics 2020. The final list of facts and trends. URL : <https://techblog.sdstudio.top/107-internet-statistika-2020-okonchatelnyj-spisok-faktov-i-tendencij>
2. Internet 2020 in Russia and in the world: statistics and trends. URL : <https://vc.ru/future/109699-internet-2020-v-rossii-i-mire-statistika-i-trendy>
3. *Shutova A.A.* Criminal-legal counteraction to information crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied aspects: dis. cand. the faculty of law. sciences'. 12.00.08. N. Novgorod, 2017. P. 31.
4. *Krasnenkova E.V.* Ensuring information security in the Russian Federation by criminal law means : dis. ... cand. the faculty of law.
5. *Letelkin N.V.* Criminal and legal counteraction to crimes committed with the use of information and telecommunications networks. URL : <https://dlib.rsl.ru/01009769739>
6. *Litvyak L.G.* On the question of the concept of electronic or information and telecommunication networks for the purposes of criminal law / L.G. Litvyak, E.N. Pirogova // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. № 11.

Пашиева Марина Владиславовна

начальник правового отдела,
Министерство по регулированию
контрактной системы
в сфере закупок Пермского края
manikina@rambler.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫМ ИМУЩЕСТВОМ**



Аннотация. Органы местного самоуправления наделяются возможностью владеть, распоряжаться и управлять муниципальным имуществом. Управление в этом контексте надо рассматривать как одну из функций, которой обладают органы местного самоуправления. Рассматривая в статье конституционно-правовые особенности полномочий органов местного самоуправления на основании ч. 1 ст. 50 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], приведены виды собственности муниципальных образований. Особенностью полномочий органов местного самоуправления является то, что они вправе отдавать муниципальное имущество в пользование физическим и юридическим лицам, органам власти РФ, органам местного самоуправления других муниципальных образований на временное или постоянное пользование, в том числе, производить сделки иного характера согласно ФЗ. В связи с этим, автором приведены некоторые моменты относительно приватизации муниципального имущества и особенностей полномочий органов местного самоуправления в сфере управления муниципальным имуществом.

Ключевые слова: муниципальное имущество, имущество, органы местного самоуправления, муниципальное образование, приватизация.



Норма, по которой органы местного самоуправления получают права собственника относительно муниципального имущества, закреплена в ст. 125 ГК РФ и п. 1 ст. 29 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Согласно ГК РФ, органы местного самоуправления, являясь юридическими лицами, действуют от своего имени по осуществлению определенных обязанностей и прав. Должностные лица и, в целом, органы местного самоуправления обладают полномочиями, которые дают им возможность решать какое муниципальное имущество должно быть приобретено и порядок его отчуждения. В том числе, в их обязанности

Marina V. Pashieva

Head of the Legal Department,
Ministry of Regulation
Contract System in the Field of Procurement
of the Perm region
manikina@rambler.ru

**CONSTITUTIONAL
AND LEGAL FEATURES OF THE POWERS
OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES
IN THE FIELD OF MUNICIPAL PROPERTY
MANAGEMENT, MUNICIPALITY**



Annotation. Local self-government bodies are empowered to own, manage and manage municipal property. Management in this context should be considered as one of the functions that local self-government bodies have. Considering in the article the constitutional and legal features of the powers of local self-government bodies on the basis of part 1 of article 50 of the Federal law «On General principles of local self-government organization in the Russian Federation» [2], the types of ownership of municipalities are given. A feature of the powers of local authorities is that they are entitled to pay municipal property for use to natural and legal persons, authorities of the Russian Federation, local governments of other municipalities for temporary or permanent use, including to make transactions of a different nature according to the law. In this regard, the author provides some points regarding the privatization of municipal property and the features of the authorities' powers.

Keywords: municipal property, property, local self-government bodies, privatization.



входит ведение учета имеющегося муниципального имущества, хранение документов, которые подтверждают право муниципального имущества создавать, реорганизовывать, а также, закрывать унитарные предприятия муниципального характера. В полномочия органов местного самоуправления входит периодический контроль за тем, насколько эффективно использовано муниципальное имущество и его сохранность. Исключительной компетенцией органов местного самоуправления можно назвать определения порядка распоряжения и управления муниципальным имуществом. К примеру, органом местного самоуправления определяется механизм приватизации и

реализации муниципального имущества, доходы от такого процесса полностью должны поступить в местный бюджет. Любое муниципальное образование имеет в собственности какой-то набор имущества (движимого и недвижимого). Само понятие «имущество», рассматриваясь с позиции ГК РФ, означает всю совокупность принадлежащих вещей, имущественных прав и обязанностей, которые принадлежат субъекту гражданского права [1].

Статья 1 ФЗ от 06.10.2003 № 131 говорит нам о том, что органами местного самоуправления являются органы, которые наделены полномочиями по решению вопросов местного значения, избираемые либо населением, либо (и) образованными представительным органом МО. Обратившись к конституционно-правовым особенностям полномочий органов местного самоуправления на основании ч. 1 ст. 50 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], мы видим, что собственностью муниципальных образований может быть:

– имущество, которое было передано органам местного самоуправления, с целью осуществления каких-то государственных функций;

– имущество, которое служит для реализации деятельности органов местного самоуправления, а также должностных лиц органов местного самоуправления, работников и служащих муниципальных учреждений и предприятий.

– имущество, целью которого является решение разных вопросов местного значения (имущество поселений, районов, ГО).

В обозначенном выше законе [1] в ч. 2-4 описаны объекты, входящие в перечень муниципального имущества, органы местного самоуправления наделяются возможностью владеть, распоряжаться и управлять муниципальным имуществом. Управление в этом контексте надо рассматривать как одну из функций, которой обладают органы местного самоуправления. По этому поводу А.И. Радченко говорил о том, что функцию управления можно рассматривать как вид деятельности, помогающий органам местного самоуправления воздействовать на объект управления [3]. Управление муниципальным хозяйством может менять свой характер в зависимости от видов и цели назначения этого имущества. Ведущую роль в процессе управления обозначенного имущества имеет местная администрация, выступая в роли исполнительного и распорядительного органа МО, другие органы МО также могут принимать участие в этом процессе на основании своих полномочий, не превышая их. Муниципальное управление является важным видом деятельности, которое служит в интересах конкретного населения и обеспечивает жизнедеятельность МО.

Органы местного самоуправления имеют право на основании Указа Президента РФ от 22.12.1993 «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» подготавливать и утверждать список имущества, которое составляет

муниципальную собственность, это право закреплено в приложении 3 постановления Верховного Совета РФ от 27 декабря 1991 г. «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность». Одной из особенностей полномочий органов местного самоуправления является то, что они могут муниципальное имущество отдавать в пользование физическим и юридическим лицам, органам власти РФ, органам местного самоуправления на временное или постоянное использование, а также производить сделки согласно ФЗ иного характера. Определение порядка и необходимых условий для приватизации муниципального имущества происходит на основании правовых актов органов местного самоуправления, которые издаются только в соответствии с ФЗ. В данный момент времени возможность и условия для приватизации муниципального хозяйства расписаны в ФЗ от 21.12.2001 № 178 «О приватизации государственного и муниципального имущества». Основные положения программы приватизации расписаны в Указе Президента от 21.05.1999, данные положения могут быть применены при приватизации муниципального имущества при условии, что населением этих МО или органами местного самоуправления не определен иной порядок и условия приватизации муниципального имущества. Орган местного самоуправления представляет и утверждает план по приватизации муниципального имущества, при составлении данного плана важно, в первую очередь, ориентироваться на цели приватизации. Способы приватизации муниципального имущества:

– выкуп из аренды муниципального имущества;

– создание в процессе приватизации акций ОАО и продажа их работникам данной организации;

– отчуждение принадлежащих МО акций ОАО созданных в процессе приватизации в пользу владельцев муниципальных ценных бумаг, которые показывают наличия права по приобретению данных акций;

– реорганизация унитарных предприятий, находящихся в муниципальной собственности в ОАО (все акции также находятся в собственности МО);

– муниципальное имущество может служить вкладом в уставной капитал хозяйственного общества;

– проведение аукциона по продаже муниципального имущества, равно как и продажа акций ОАО, созданных в ходе приватизации;

– продажа заявленного имущества с социальными и инвестиционными условиями.

От приватизации защищены все типы муниципальных образовательных учреждений, согласно ФЗ от 16.05.1995 «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных

учреждений и моратории на их приватизацию», ликвидация таких учреждений, учредителем которых является орган местного самоуправления, становится возможной, только если на это даст согласие представительный орган местного самоуправления. Представительные органы местного самоуправления самостоятельно решают, какой порядок управления муниципальным имуществом будет принят, в том числе, устанавливая обязательные правила касательно вопросов управления обозначенного имущества, например:

– правила использования зданий, которые предназначены для решения нужд населения;

– правила регулирования сдачи в аренду муниципального имущества, в частности жилья;

– правила продажи муниципального имущества (жилья) гражданам и организациям.

Орган местного самоуправления (ОМС), являясь представителем МО, должен максимально эффективно использовать свои права в качестве собственника муниципального имущества. Это становится особенно актуальным в условиях, когда МО, к которым относится данный орган местного самоуправления, является дотационным, в этом случае эффективность управления муниципальным имуществом будет являться важным

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/41cc8390f274c9f8504c13251ffa7756f3503ed5

3. *Радченко А.И.* Основы государственного и муниципального управления: системный подход : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Март; Ростов-н/Д. : Издательский центр «Март», 2007. С. 109.

критерием финансового благополучия МО. ОМС имеет право создавать организации, учреждения и предприятия в процессе хозяйственной деятельности в соответствии с законом, а также, решать вопросы по переоборудованию или закрытию этих учреждений.

Обратимся к ГК РФ, здесь в ст. 215 видим, что часть муниципального имущества закрепляется за муниципальным предприятием на хоть и самостоятельных, но отчасти ограниченных правах по части управления и ведения хозяйственной деятельности. Другая часть этого имущества, которая не была распределена, входит в казну МО, на территории которого она находится. Муниципальные учреждения согласно ГК РФ, выступая от имени органов местного самоуправления, исходя из целей своей деятельности, осуществляют владение, пользование и распоряжение муниципальным хозяйством. В свою очередь, ОМС, осуществляя права собственника от имени МО, имеют право изымать лишнее, используемое не по назначению муниципальное имущество или неиспользуемое имущество по своему усмотрению.

Осуществляя управление муниципальным имуществом, ОМС, действуя в интересах населения МО, могут, не нарушая закон, вести внешнеэкономическую деятельность.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation (part one) // Sz RF. 1994. № 32. Art. 3301.

2. Federal law of 06.10.2003 № 131-FZ (ed. of 09.11.2020) «On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/41cc8390f274c9f8504c13251ffa7756f3503ed5

3. *Radchenko A.I.* Fundamentals of state and municipal management: a systematic approach : textbook. 3rd ed., reprint. and add. M. : March; Rostov-on/D. : Publishing center «March», 2007. P. 109.

Понеделков Александр Васильевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский
институт управления –
филиал РАНХиГС
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Степанов Константин Владимирович

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой
уголовного процесса и криминалистики,
юридический факультет,
Южный федеральный университет
kstepanov@sfedu.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

кандидат технических наук,
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт
управления – филиал
Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
sergej.stelmax@mail.ru

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В ФОРМИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**



Аннотация. Социальной политике и социальной сфере принадлежит значительное место в развитии нашей страны, поскольку Конституция провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. В данной статье авторами рассматриваются конституционные положения о социальной политике государства и социальной сфере, социальных и культурных правах человека и гражданина,

Aleksandr V. Ponedelkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Political Science,
Professor,
Head laboratory,
South-Russian Institute of Management –
branch of RANEPA
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor Law Institute
and National Security,
Russian Academy of National Ownership
and Public Service under the President
of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Konstantin V. Stepanov

Candidate of Law Sciences,
Head of the Department
of Criminal Process and Forensics,
Law Faculty,
Southern Federal University
kstepanov@sfedu.ru

Sergey A. Stelmax

Candidate of Technical Sciences,
Master of Political Science,
South Russian Institute
Management – branch Office
Russian Academy National economy
and State Services under the President
of the Russian Federation
sergej.stelmax@mail.ru

**THE CONSTITUTIONAL BASIS
FOR THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL
GOVERNMENT IN THE FORMATION
AND IMPLEMENTATION
OF SOCIAL POLICY
AND THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL SPHERE**



Annotation. Social policy and social sphere has a significant place in the development of our country, as the Constitution declares the Russian Federation a social state. Constitutional provisions on the social policy of the state and social sphere, social and cultural rights of the person and the citizen, the powers of the President, the Federal Assembly, the Government, the Constitutional and Supreme Courts in the formation and



полномочиях Президента, Федерального Собрания, Правительства, Конституционного и Верховного Судов в формировании и реализации социальной политики и развитии социальной сферы.

Ключевые слова: комиссия, комитет, конституция, правительство, президент, социальная политика, социальная сфера, суд, федеральное собрание.

Социальной политике и социальной сфере принадлежит значительное место в развитии нашей страны, поскольку Конституция провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. В статье 7 отмечается, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1].

Основные конституционные положения о социальном государстве получили развитие в других статьях. Статья 75 определяет, что уважается труд граждан и обеспечивается защита их прав. Государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации. Формируется система пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом. В соответствии с федеральным законом, гарантируются обязательное социальное страхование, адресная социальная поддержка граждан и индексация социальных пособий и иных социальных выплат. В статье 75.1 отмечается, что создаются условия для повышения благосостояния граждан, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются социальное партнерство, социальная солидарность.

Для реализации социальной политики и развития социальной сферы важны конституционные положения о социальных и культурных правах человека и гражданина. В статье 37 Конституции РФ указывается право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы; право на отдых. Работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск.

implementation of social policy and the development of the social sphere are considered.

Keywords: commission, committee, constitution, government, president, social policy, social sphere, court, federal assembly.

Статья 38 Конституции РФ определяет, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства; забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей; трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях.

Статья 39 гарантирует социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом. Поощряются добровольное социальное страхование, создание дополнительных форм социального обеспечения и благотворительность.

Статья 40 провозглашает право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В соответствии со статьей 41 Конституции РФ, существует право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Статья 42 Конституции РФ провозглашает право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением [2].

Статья 43 Конституции РФ определяет право на образование. Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и

среднего профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, на предприятиях. Каждый гражданин вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном и муниципальном образовательном учреждении, на предприятии. Основное общее образование обязательно. Родители или лица, их заменяющие, обеспечивают получение детьми основного общего образования. Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты, поддерживает различные формы образования и самообразования.

В статье 44 Конституции РФ указывается право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Отмечается обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры [3].

Существенное значение для реализации социальной политики и развития социальной сферы имеют конституционные положения о том, что находится в ведении Российской Федерации, в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. В ведении Российской Федерации в осуществлении социальной политики и социальной сфере находятся установление основ федеральной политики и федеральные программы в области социального, культурного развития Российской Федерации; установление единых правовых основ системы здравоохранения, системы воспитания и образования, в том числе непрерывного образования (ст. 71).

В совместном ведении находятся:

- защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе социальных и культурных;
- общие вопросы воспитания, образования, науки, культуры, физической культуры и спорта, молодежной политики;
- координация вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью;
- социальная защита, включая социальное обеспечение; защита семьи, материнства, отцовства и детства;
- защита института брака как союза мужчины и женщины;
- создание условий для достойного воспитания детей в семье, для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (ст. 72).

В соответствии с Конституцией РФ государственная власть разделена на законодательную, исполнительную и судебную. Государственную власть осуществляют Президент, Федеральное Собрание, Правительство, суды (ст. 10, 11).

Президент определяет основные направления социальной политики как составной части внутренней политики государства, вносит законопроекты по социальным вопросам в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные социальные законы, обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями о положении в стране, об основных направлениях внутренней политики государства, включая социальную политику. Для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней политики, в том числе, социальной, приоритетных направлений социально-экономического развития государства Президент формирует Государственный совет, статус которого определяется федеральным законом (ст. 80, 83, 84, 90).

Президент определил национальные цели социального развития Российской Федерации на период до 2030 года:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство [4].

Для обеспечения взаимодействия федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, информирования главы государства о положении дел, выработки предложений по актуальным вопросам государственной политики в социальной сфере при Президенте образованы совещательные и консультативные органы. Совещательными органами являются комиссии по делам ветеранов, по делам инвалидов; консультативными органами – советы по науке и образованию, по культуре и искусству, по развитию физической культуры и спорта, совещательным и консультативным органом является совет по реализации государственной политики в сфере защиты семьи и детей.

Президент издает указы и распоряжения по социальным вопросам, например, указы о мероприятиях по реализации государственной социальной политики, о совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения, об утверждении Основ государственной культурной политики, Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года.

Федеральное собрание – парламент, представительный и законодательный орган имеет две палаты – Совет Федерации и Государственную Думу. Совет Федерации состоит из сенаторов. В его состав входят по два представителя от субъекта Российской Федерации:

- по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государст-

венной власти – на срок полномочий соответствующего органа;

– не более 30 представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом, из которых не более семи могут быть назначены пожизненно.

Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности или досрочно в случае его отставки, входит пожизненно, он вправе отказаться от полномочий сенатора Российской Федерации.

Государственная Дума, состоящая из 450 депутатов, принимает федеральные законы по социальным вопросам, которые передаются Совету Федерации для рассмотрения и одобрения. Для примера можно назвать федеральные социальные законы:

– о государственной социальной помощи, социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов, социальной защите инвалидов;

– о государственных пособиях гражданам, имеющим детей, дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

– о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей;

– о государственном пенсионном обеспечении, страховых пенсиях;

– о физической культуре и спорту;

– об основах обязательного социального страхования;

– об обязательном страховании: медицинском страховании, пенсионном страховании, на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний;

– об образовании;

– об основах социального обслуживания населения;

– об основах охраны здоровья граждан;

– об основах законодательства о культуре.

Государственная Дума заслушивает ежегодные доклады Правительства о результатах его деятельности в социальной сфере и реализации социальной политики. Совет Федерации и Государственная Дума принимают постановления, проводят парламентские слушания, осуществляют парламентский контроль, направляют парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления, образуют комитеты и комиссии (ст. 94, 101, 102, 103, 103.1, 105). По социальным вопросам в Совете Федерации образованы комитеты: по социальной политике, по науке, образованию и культуре, временная комиссия по сохранению и развитию

народных художественных промыслов в Российской Федерации. В Государственной Думе образованы комитеты по вопросам семьи, женщин и детей, по культуре, по образованию и науке, по охране здоровья, по труду, социальной политике и делам ветеранов, по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи.

Правительство под общим руководством Президента осуществляет исполнительную власть, состоит из Председателя Правительства, его заместителей и федеральных министров. Правительство обеспечивает:

– проведение единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей;

– функционирование системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни (ст. 110, 114, 115).

По социальным вопросам при Правительстве созданы координационные и совещательные органы. К ним относятся координационные советы:

– по борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации, по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства, советы:

– по вопросам попечительства в социальной сфере, научно-образовательных центров мирового уровня, по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров, правительственный совет по развитию отечественной кинематографии, правительственные комиссии: по делам несовершеннолетних и защите их прав, по вопросам государственной культурной политики, по развитию туризма в Российской Федерации.

Правительство руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти. К социальному блоку относятся министерства: здравоохранения, культуры, науки и высшего образования, просвещения, спорта, труда и социальной защиты, федеральные службы по надзору в сфере: защиты прав потребителей и благополучия человека, здравоохранения, образования и науки, федеральная служба по труду и занятости, федеральные агентства: медико-биологическое, по делам молодежи [5].

Правительство издает постановления и распоряжения по социальным вопросам, обеспечивает их исполнение. В качестве примера можно привести распоряжения Правительства об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской

Федерации. Правительство утвердило государственные программы Российской Федерации в социальной сфере – развитие здравоохранения, образования, культуры, физической культуры и спорта, социальная поддержка граждан, доступная среда, обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации, содействие занятости населения. Федеральные органы исполнительной власти реализуют государственные программы Российской Федерации, национальные проекты (программы) по демографии, здравоохранению, образованию, культуре [6].

Судебная система включает Конституционный и Верховный Суды, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировых судей субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд разрешает дела о соответствии Конституции федеральных и региональных законов, нормативных актов Президента, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства, субъектов Российской Федерации по социальным

Литература:

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 01 июля 2020 года. М. : Эксмо, 2020.
2. *Воронцов С.А.* Экологическая безопасность как составная часть национальной безопасности России: проблемы и направления их разрешения / С.А. Воронцов, А.В. Понеделков, Т.А. Нувахов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 3(82). С. 134–137.
3. *Воронцов С.А.* Формирование угроз безопасности Российской Федерации как следствие кризиса культуры // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2013. № 5(72). С. 111–115.
4. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 30. Ст. 4884.
5. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года № 21 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 346; № 13. Ст. 1899; 2020. № 23. Ст. 3627.
6. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817; № 30. Ст. 4717.
7. *Воронцов С.А.* Правоохранительные органы Российской Федерации / С.А. Воронцов, Ю.А. Ляхов, С.Н. Назаров, Ю.Б. Чупилкин. М., 2018. С. 58–59, 207–212.

вопросам. Верховный Суд рассматривает социальные вопросы по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, осуществляет судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов, дает разъяснения по вопросам судебной практики (ст. 118, 125, 126). Следует отметить роль прокуратуры, которая осуществляет надзор за исполнением законов по социальным вопросам, за соблюдением социальных и культурных прав и свобод человека и гражданина (ст. 129) [7].

В заключении отметим, что конституционные положения о социальном государстве, социальной политике и социальной сфере получили отражение и развитие в федеральных и региональных социальных законах, нормативных правовых актах по социальным вопросам.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation with amendments as adopted at national voting July 01, 2020. M. : Eksmo, 2020.
2. *Vorontsov S.A.* Ecological safety as a component of national security of Russia: problems and directions of their resolution / S.A. Vorontsov, A.V. Ponedelkov, T.A. Nuvakhov // Science and education: economy and Economics; entrepreneurship; law and management. 2017. № 3(82). P. 134–137.
3. *Vorontsov S.A.* Formation of threats to the security of the Russian Federation as a consequence of the cultural crisis // Humanities and socio-economic Sciences. 2013. № 5(72). P. 111–115.
4. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 № 474 «On national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 30. Art. 4884.
5. Decree of the President of the Russian Federation № 21 of January 21, 2020 «On the structure of Federal Executive authorities» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. № 4. Art. 346; № 13. Art. 1899; 2020. № 23. Art. 3627.
6. Decree of the President of the Russian Federation of may 07, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817; № 30. Art. 4717.
7. *Vorontsov S.A.* law Enforcement agencies of the Russian Federation / S.A. Vorontsov, Yu.A. Lyakhov, S.N. Nazarov, Yu.B. Chupilkin. M., 2018. P. 58–59, 207–212.

Рясов Дмитрий Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
ryasov_dmitriy@mail.ru

Dmitriy A. Ryasov
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ryasov_dmitriy@mail.ru

ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ

GROUNDS FOR CRIMINAL LIABILITY FOR DISCLOSURE OF INFORMATION, CONSTITUTING THE CONTENT OF A STATE SECRET

Аннотация. Установленный порядок обращения с государственной тайной на территории Российской Федерации, обеспечивается мерами административно-правового режима. В статье рассматриваются особенности юридической конструкции состава разглашения государственной тайны (ст. 283 УК РФ), как основания уголовной ответственности за посягательство на безопасность государства и его основы конституционного строя. Автором обращено внимание на юридико-техническую точность используемых признаков в конструкции данной нормы, а также, критерии отграничения государственной измены от смежных общественно-опасных посягательств.

Annotation. The established procedure for the treatment of state secrets in the territory of the Russian Federation is provided by measures of administrative and legal regime. The article discusses the features of the legal structure of composition disclosure of a state secret (article 283 of the criminal code), as the basis of criminal liability for the violation of the security of the state and its constitutional foundations. Attention is drawn to the legal and technical accuracy of the features used in the construction of this norm, as well as the criteria for distinguishing high treason from related socially dangerous encroachments.

Ключевые слова: безопасность государства, информационная безопасность, государственная тайна, преступление, основание уголовной ответственности, состав преступления, сведения, информация, квалификация, уголовная ответственность.

Keywords: state security, information security, state secret, crime, basis of criminal liability, crime composition, information, information, qualification, criminal liability.

Источники, составляющие государственную тайну Российской Федерации (далее – РФ), разнообразны по их физическим свойствам и информационному наполнению; общим для них является особая ценность и значимость для обеспечения государственных интересов в сфере политической и экономической безопасности, сохранения суверенитета, а также – развития научно-технического прогресса.

установленного порядка обращения с государственной тайной.

Необходимость защиты государственной тайны обуславливается тем, что именно обеспечение сохранности указанных данных выступает гарантией сохранения целостности конституционного строя, а также национальной безопасности России

Установленный порядок обращения с государственной тайной на территории Российской Федерации, обеспечивается мерами административно-правового режима. Однако важное значение в обеспечении сохранности государственной тайны имеют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), закрепляющие в себе основания уголовной ответственности за общественно опасные деяния в области

Установление правовых ограничений в сфере обращения с информацией, составляющей государственную тайну, в некоторой степени ограничивает конституционное право граждан на свободный поиск, получение, передачу, воспроизведение и распространение информации любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ). Однако это не касается тех сведений, которые относятся к государственной тайне, о чем трактуется

в данной статье Конституции РФ, поскольку они находятся под особой охраной государства. Поместив данное уточнение в указанную норму, законодатель имел своей целью продемонстрировать особую значимость государственной тайны, как одного из специальных видов административно-правового режима. В целом, данная конституционная норма вызывает некий интерес как для разработки различных теоретических, так и практических версий. Сказанное подкрепляется тем существенным фактором, что, к сожалению, на территории многих стран, в том числе, это касается и Российского государства, право на информацию обеспечивается и реализуется не в полной мере. Разглашение государственной тайны выступает отдельным составом преступления, который отражается в Особой части УК РФ – это статья 283. Указанный состав закрепляется в главе 29, именуемой: «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Однако названная глава содержит в себе также и иные противоправные деяния, которые связаны с раскрытием особо важных, государственных сведений, защита которых обеспечивается федеральным законодательством, в том числе, указами Президента РФ (ст. 2831 «Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну», ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну»).

Особенность сегмента общественных отношений, составляющих объект уголовно-правовой охраны норм главы 29 УК РФ, образует сложившаяся в государстве система общественных отношений, обеспечивающих стабильность и нормальное функционирование государственных институтов в сфере обороноспособности, территориальной целостности, надлежущего порядка функционирования органов государственной власти, отстаивания государственных интересов во внешнеполитической деятельности и т.п.

Содержание непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ кроется в дефинитивной норме, закрепленной в ст. 2 Закона РФ «О государственной тайне» [1]. Речь идет о понятии «государственная тайна». Указанный акт трактует данное определение следующим образом, – защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности РФ.

В науке уголовного права вопрос, связанный с определением природы непосредственного объекта государственной тайны, по сегодняшний день подвергнут научным дискуссиям, что привело, в итоге, к отсутствию единообразной позиции. По мнению одних авторов, непосредственный объект преступлений посягающих на обеспечение сохранности государственной тайны образуют общественные отношения, возникающие в связи с отношением сведений к государственной тайне, их засекречиванием или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности государства [2, с. 35]. Другие, под объектом рассматриваемого преступления предла-

гают понимать совокупность общественных отношений, составляющих информационную безопасность [3, с. 32]. Так или иначе, обе отмеченные позиции авторов сходятся в части установления значимости охраняемой уголовным законом информации для безопасности государства, т.е., постановке под угрозу обороноспособности, суверенитета, территориальной целостности государства его экономики и других сфер государственности. Несколько отличающейся является позиция Е.В. Пономаренко, предлагающей рассматривать непосредственный объект рассматриваемого преступления как общественные отношения, обеспечивающие сохранность государственной тайны [4, с. 121].

Обобщив представленные мнения, составляющие содержание уголовно-правовой доктрины в части понимания непосредственного объекта преступления предусмотренного ст. 283 УК РФ, считаем наиболее точным будет его определение как совокупности общественных отношений, складывающихся в сфере сохранности и обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих государственную тайну.

Устанавливая правовые ограничения в области свободы получения, обмена, хранения и пользования информацией, государство затрагивает закрепленные в Конституции РФ гражданские свободы.

Что есть «информационные права и свободы»? Каким образом они реализуются? Отвечая на поставленные вопросы, было бы верным отметить, что как раз-таки декларативное закрепление в высшем нормативно-правовом акте государства гарантий на свободное обращение информации, обеспечиваемое мерами юридической ответственности за их нарушение, имеет под собой базисный толчок в реализации описываемого социально-экономического права человека. Охрана государственной тайны достигается при помощи существования информационной безопасности. Кроме того, данная охрана может обеспечиваться посредством установления законодательно определенных ограничений, таких как: ограничение свободного обращения информации составляющей содержание государственной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка с целью предотвращения беспорядков или преступлений и др. Охрана государственной тайны есть средство обеспечения информационной безопасности как важной составляющей национальной безопасности. И именно для того, чтобы прийти к общему знаменателю в части достижения общих интересов, государство идет по пути меньшего сопротивления, дабы не нанести вред общественным отношениям, и тем самым, вводит определенные ограничения на свободное обращение информации, а также, выработку таких правил обращения с секретной информацией.

Объективную сторону рассматриваемого преступления образуют следующие признаки:

а) активные действия, состоящие в разглашении сведений, составляющих государственную тайну;

б) последствия – получение доступа третьих лиц к сведениям, составляющим государственную тайну;

в) причинная связь между разглашением государственной тайны и получением соответствующих сведений третьими лицами.

Разглашением государственной тайны следует признавать любой способ предания огласке сведений, составляющих государственную тайну. При этом указанное распространение сведений может быть изложено при различной ситуации, например, когда лицо знакомится с соответствующими документами, упоминает в разговорной речи нежелательную не доступную не для кого информацию, при изучении тех или иных схем, моделей, образцов и др., и как следствие, такая информация подвергается доступу со стороны сторонних субъектов.

Описываемая законодателем трактовка объективной стороны рассматриваемого деяния, имеет существенный признак, касающийся условия наступления уголовной ответственности. Речь идет о наличии имеющейся оговорки в ч. 1 ст. 283, содержание которой заключается в том, что разглашенные сведения должны быть доведены до иных лиц, в частности, тех, кто не имеет доступа к секретной информации.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что указанный состав преступления является формально-материальным, поскольку с того момента, когда сведения, составляющие государственную тайну, оказались в действительности разглашенными, и при этом возникла опасность их использования в ущерб безопасности и иным важным интересам России. Существенным обстоятельством является также и то, что особо охраняемые сведения, которые были распространены, будут подлежать квалификации по ст. 283 УК РФ только при том факте, что в совершенных действиях отсутствуют признаки государственной измены (ст. 275 УК РФ).

Бланкетный характер описания признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, требует обращения к законодательству, имеющему иную отраслевую принадлежность. Порядок сохранности и обращения со сведениями, составляющими государственную тайну, определен Законом РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне». Правилами отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности [5]; перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне, а также системой подзаконных нормативных актов в виде инструкций, положений, памяток и т.п.

Способ разглашения государственной тайны может быть различным, он не оказывает влияния на квалификацию рассматриваемого преступления и не способен влиять на дифференциацию уголовной ответственности.

В уголовно-правовой доктрине применительно к характеристике субъективной стороны рассматриваемого преступления, на сегодняшний момент сложилось не однозначное представление. Так,

определенная часть ученых считают, что данное посягательство на охраняемые государством сведения, облакается только умышленным совершением преступления [6, с. 605]. Представители иной точки зрения сводят направление своей позиции в пользу того обстоятельства, что действия, запрещенные ст. 283 УК РФ, могут быть совершены, как по неосторожности, так и в умышленной форме [7, с. 844].

В период действия первоначальной редакции ч. 2 ст. 24 УК РФ, позиция ученых, считавших, что рассматриваемое деяние имеет исключительно признак умышленной формы вины, носила преобладающий характер. Ранее действовавшая редакция соответствующей нормы отражала положение, согласно которому деяние, совершенное по неосторожности, признавалось преступлением только в тех случаях, когда это было предусмотрено конкретной статьей уголовного закона. Перед принятием поправок в указанную редакцию ст. 24 УК РФ, в уголовно-правовой науке превалировала точка зрения относительно того, что разглашая особо значимые государственные сведения, защита которых обеспечивается федеральным законодательством, преступник мог совершить абсолютно в разной форме вины [8, с. 60–63]. Позднее ч. 2 ст. 24 УК РФ была изменена, и как следствие, закон и судебная практика пошли по пути восстановления концепции преступлений с альтернативной формой вины. Сказанное характеризует то важное обстоятельство, что если из содержания закона нет прямого указания на форму вины, то, гипотетически допускается возможное признание преступления совершенным как умышленно, так и по неосторожности. Вместе с тем, имеются исключения в части того факта, когда умышленная форма вины определена способом описания преступления. Это бесспорно исходит из типа преступления, в частности, например государственная измена, шпионаж, диверсия и др. Кроме того, обозначенные в законе цели или мотив деяния, а также указания на заведомую незаконность действий, злостный характер и другие описания деяния, также имеет неотъемлемое значение [9, с. 592].

Рассматривая признаки деяния, состоящего в разглашении государственной тайны, мы склонны исходить из понимания такового как умышленного деяния, при котором лицо стремится предать огласке соответствующую информацию, в то время как неосторожная форма вины является признаком состава халатности (ст. 293 УК РФ). Считаем, что неисполнение или ненадлежащее исполнение лицом в обязанного которого, в соответствии со специальным правилом, входит обеспечение сохранности государственной тайны, повлекшее её распространение среди посторонних, является примером неосторожной формы вины, выраженной в виде преступного легкомыслия либо небрежности. Несоблюдение установленных правил обращения с секретной документацией, небрежное обращение со сведениями, составляющими государственную тайну, образует признаки халатного отношения к исполнению служебных обязанностей. В свою очередь, доступ посторонних к секретным данным следует рассматривать как существенное нарушение охраняемых законом интересов государства в

сфере сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Изложенные суждения, убеждают в единственно возможной умышленной форме вины, как признака субъективной стороны состава разглашения государственной тайны. Она может быть выражена как в виде прямого, так и косвенного умысла.

При прямом умысле лицо, осознавая общественно опасный характер действий, связанных с разглашением государственной тайны, предвидит, что разглашенные им сведения будут восприняты посторонними лицами, и желает этого (например, техник, работающий на строительстве специального объекта, желая произвести впечатление на свою знакомую, разгласил последней секретные сведения о назначении и конструктивных параметрах строящегося объекта).

При косвенном умысле лицо осознает общественно опасный характер совершаемых им действий, предвидит возможность восприятия третьими лицами сведений, составляющих государственную тайну, но при этом прямо не желает их огласки, хотя сознательно допускает разглашение либо безразлично к нему относится (например, в ходе разговора на закрытую тему, состоявшегося между сослуживцами в общественном транспорте, секретная информация стала достоянием третьих лиц).

Мотив разглашения государственной тайны чаще всего обусловлен демонстрацией собственной значимости, осведомленности в закрытых для общественности вопросах [10, с. 162]. В основе преступной мотивации могут быть и иные побудительные стимулы: оказать консультативные услуги в написании детективного рассказа, съемке фильма либо содействовать в выполнении научной работы и т.д. Его юридическое значение для квалификации малозначительно.

В ч. 2 ст. 283 УК РФ предусмотрен квалифицирующий признак, повышающий степень опасности рассматриваемого преступления в силу наступления тяжких последствий, явившихся результатом преступного легкомыслия либо небрежности, допущенных в результате разглашения лицом государственной тайны.

В качестве тяжких последствий, наступивших в результате разглашения государственной тайны, следует признавать: доступ к секретной

Литература:

1. О государственной тайне: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. ФЗ от 29 июля 2018 г. № 256-ФЗ) // Ведомостях Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 38. Ст. 1480.
2. Кузнецов А.П. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : учебное пособие / А.П. Кузнецов, В.И. Булавин, С.М. Паршин. Н. Новгород, 2006.

информации представителей иностранных разведок, срыв важных государственных мероприятий, замораживание перспективных научных исследований и т.п.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 283 УК РФ, характеризуется смешанной формой вины, умышленной по отношению к действиям, направленным на разглашение государственной тайны, и неосторожной по отношению к наступившим в результате совершенных действий тяжким последствиям. В соответствии с правилом, предусмотренным ст. 27 УК РФ, данное преступление признается совершенным умышленно.

Еще одной особенностью состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК РФ, являются специальные характеристики его субъекта, связанные с занимаемым им должностным положением, выполнением конкретных государственных функций, полномочий, и в целом, обязанностей. При этом лицо, которому доверены секретные сведения, относящиеся к государственной тайне, должно ими владеть и располагать, а также в рамках осуществления своих служебных и профессиональных обязанностей, использовать описываемую выше информацию в интересах государства. Конечно, здесь следует вести также речь о работниках, которым государственная тайна не представлялась для использования непосредственно, но которые ознакомились с нею, когда осуществляли конкретную трудовую обязанность. В качестве примера, в список таких работников можно отнести слесарей, машинистов, шифровальщиков и т.д.

Сказанное означает, что диспозиция вышеназванной уголовно-правовой нормы закрепляет обстоятельства, которые связаны именно с получением разглашаемой информации. В их число, в частности входят следующие: данная информация должна быть доверена виновному. Ранее, в работе освещался вопрос, связанный с тем, что у лица должен быть соответствующий допуск к таким сведениям. В отношении конкретного должностного лица проводится установленная законодателем процедура допуска. Кроме того, одним из обстоятельств выступает и тот фактор, что указанная информация должна стать известна конкретному лицу в виду исполнения им обязанностей по учебе, работе, службе и др. Логика законодателя в части закрепления такой формулировки ясна, поскольку своей целью имело место указание на признаки специального субъекта.

Literature:

1. On state secrets: law of the Russian Federation of 21 July 1993 № 5485-1 (ed. Federal law № 256-FZ of July 29, 2018) // Vedomosti of the Congress of the people's deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation. 1993. № 38. Art. 1480.
2. Kuznetsov A.P. Crimes against the foundations of the constitutional system and state security : textbook / A.P. Kuznetsov, V.I. Bulavin, S.M. Parshin. N. Novgorod, 2006.

3. *Пудовочкин Ю.Е.* Преступления против безопасности государства. М. : Юрлитинформ, 2009.
4. *Пономаренко Е.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства : учебное пособие; Е.В. Пономаренко; Под общ. ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016.
5. Об утверждении Правил отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности: постановление Правительства РФ от 04 сент. 1995 г. № 870 (в ред. от 18.03.2016 № 214) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 37. Ст. 3619.
6. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций : в двух томах. Особенная часть. М. : Юрид. лит., 2004. Т. 2.
7. *Борисов С.В.* Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 4-е изд., перераб. и доп. / С.В. Борисов; Под ред. д-р. юрид. наук, профессора С.В. Дьякова, д-р. юрид. наук, профессора С.В. Кадникова. М. : ИД «Юриспруденция», 2016.
8. *Ермакова Л.Д.* Иные государственные преступления. Общее понятие иных государственных преступлений, преступления против национального и расового равноправия, против обороноспособности СССР : учебное пособие / Л.Д. Ермакова; Отв. ред.: Б.В. Здравомыслов. М. : РИО ВЮЗИ, 1987.
9. Уголовное право. Особенная часть : учебник. Издание второе исправленное и дополненное / Под ред. д-р. юрид. наук, профессора Л.В. Иногамовой-Хегай, д-р. юрид. наук, профессора А.И. Рарога, д-р. юрид. наук, профессора А.И. Чуачаева. М. : ИНФРА-М, 2008.
10. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. СПб. : Юридический центр Пресс, 2012.
3. *Pudovochkin Yu.E.* Crimes against the security of the state. M. : Yurlitinform, 2009.
4. *Ponomarenko E.V.* Crimes against the foundations of the constitutional order and security of the state : textbook; E.V. Ponomarenko; under the General editorship of N.A. Lopashenko. M. : Yurlitinform, 2016.
5. On approval of the rules for classifying information constituting a state secret to various degrees of secrecy: decree of the Government of the Russian Federation № 870 of September 4, 1995 (as amended on 18.03.2016 № 214) // SOBR. Zakonodatelstva RF. 1995. № 37. Art. 3619.
6. *Naumov A.V.* Russian criminal law. Course of lectures. In two volumes. Special part. M. Yurid. lit., 2004. Vol. 2.
7. *Borisov S.V.* Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article by article). 4th edition, revised and enlarged / S.V. Borisov; Edited by Doctor of Law, Professor S.V. Dyakova, Doctor of Law, Professor S.V. Kadnikov. M.: Publishing House «Jurisprudence», 2016
8. *Ermakova L.D.* Other state crimes. General concept of other state crimes, crimes against national and racial equality, against the defense of the USSR : textbook / L.D. Ermakova; Ed.: B.V. Zdravomyslov. M. : RIO VUZI, 1987.
9. Criminal law. Special part: textbook. Second edition revised and enlarged / Edited by Doctor of Law, Professor L.V. Inogamova-Khegai, Doctor of Law, Professor A.I. Raroga, Doctor of Law, Professor A.I. Chuchaev. M. : INFRA-M, 2008.
10. *Dyakov S.V.* Crimes against the constitutional order and security of the state. SPb. : Law center Press, 2012.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Aasavin33@mail.ru

Мешков Денис Николаевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
Университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
Meshkov33@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Отечественное законодательство, в основе которого заложены принципы законности, справедливости и гуманизма, особое внимание уделяет правовому регулированию вопросов ответственности за нарушение требований закона. Авторами данной статьи рассматривается сущность законодательного определения освобождения от уголовной ответственности. Мнений ряда ученых, затрагивающих этот вопрос, в научной литературе значительно, что говорит об актуальности настоящего краткого исследования. Затрагиваются вопросы реализации освобождения от уголовной ответственности и необходимости развития данного института в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовная ответственность, освобождение от уголовной, гуманизм, преступление.

Отечественное законодательство, в основе которого заложены принципы законности, справедливости и гуманизма, особое внимание уделяет правовому регулированию вопросов ответственности за нарушение требований закона. Ключевая позиция, заключающаяся в обеспечении неукоснительного соблюдения принципа неотвратимости наказания, находит свое логическое развитие в предоставлении возможности получения им права на освобождение от уголовной ответственности. Сами определения: уголовное наказание и уголовная ответственность, не являясь, по сути, одним и тем же, объединены общим смыслом ограничения прав и свобод лица, совершившего деяние. Однако требования индивидуализации назначаемой ответственности за совершенное деяние, подразумевают прекращение

Andrei A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
Aasavin33@mail.ru

Denis N. Meshkov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Financial Law and Customs Activities,
Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletovs
Meshkov33@mail.ru

THE CONCEPT OF THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN DOMESTIC LEGISLATION

Annotation. Domestic law, which is based on the principles of law, justice and humanism, pays special attention to the legal regulation of liability for violations of the requirements of the law. The authors are the essence of the legislative definition of exemption from criminal liability. The research of a number of scientists investigating this issue in the scientific literature is significant, which indicates the relevance of this brief study. The issues of implementation of exemption from criminal liability and the need to develop this institution in the criminal legislation are touched upon.

Keywords: criminal responsibility, exemption from criminal responsibility, humanism, crime.

преследования в рамках применения права на освобождение лица от уголовной ответственности.

Формирование института освобождения от уголовной ответственности постоянно формировалось и видоизменялось, что отчетливо следует из изменений, вносимых в нормативно-правовые акты. Стремясь сформировать адекватное, соразмерно совершенному лицом деянию меру воздействия, законодателем был легализован ряд способов, отраженных в УК РФ, в частности примирение с потерпевшим, передача на поруки и т.д. Это был достаточно долгий процесс, итогом которого стало формирование полноценного правового института освобождения от уголовной ответственности.

В принятый в 1996 году Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) включена глава 11, регулирующая основания освобождения от уголовной ответственности [1].

Вообще, положения об освобождении от уголовной ответственности уже давно присутствуют в отечественном праве. Так, статьи 10, 51 и 52 УК РСФСР 1960 г. содержали нормы о передаче дела в комиссию по делам несовершеннолетних, товарищеский суд, а самого правонарушителя – под контроль членов трудового коллектива на поруки [2]. Несмотря на довольно частое применение рассматриваемой нормы, до настоящего времени нет единообразия в ее определении.

По мнению В.С. Комиссарова, «освобождение от уголовной ответственности представляет собой освобождение лица, совершившего преступление, но впоследствии утратившего свою прежнюю общественную опасность в силу ряда обстоятельств, указанных в уголовном законе, от применения к нему со стороны государства мер уголовно-правового характера (за исключением несовершеннолетних, которым, несмотря на освобождение от ответственности, назначаются меры воспитательного воздействия)» [3].

В.В. Сверчков подчеркивает факт наступления «освобождения от реализации способности лица воспринимать воздействие уголовно-правового характера» [4]. С.М. Кочои определяет освобождение от уголовной ответственности как «освобождение лица от всех правовых последствий совершенного им общественно опасного деяния:

– обязанности отвечать за него на основании УК; отрицательной его оценки государством;

– порицания лица, его совершившего;

– назначения виновному лицу мер уголовно-правового характера; судимости» [5].

Ф.Р. Сундугов и И.А. Тарханов характеризуют его как «акт уполномоченного законом на то органа, согласно которому, лицо, виновное в совершении преступления небольшой, средней тяжести, а иногда и более тяжкого преступления, и если оно само по себе не представляет большой общественной опасности, освобождается от осуждения в форме вынесения обвинительного приговора» [6].

А.И. Рарог раскрывает понятие «институт освобождения от уголовной ответственности» как «совокупность норм, предусматривающих допустимость вынесения в отношении лица, совершившего преступление, официального акта компетентного государственного органа, освобождающего такое лицо от обязанности подвергнуться осуждению от имени государства и претерпеть меры принудительного воздействия в виде наказания» [7].

Учитывая, что закон не содержит универсального определения рассматриваемого явления, возникла необходимость в его появлении и пробел был ликвидирован в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О

применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», пункт 1 которого определяет освобождение от уголовной ответственности как «отказ государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [8]. Однако данный термин так же не является однозначным и бесспорным. Открытым остается вопрос о соотношении уголовной ответственности и налагаемой кары. Если в силу незначительности совершенного, особенностей посткриминального поведения правонарушителя государство в лице суда, а также, органов следствия, дознания, прокуратуры приходит к выводу о возможности отказа от применения карательных мер, то следует ли понимать это как отказ от государственного осуждения? Как это можно соотносить с самим термином освобождение, ведь его применение означает, что лицо совершило преступление, за которое должно отвечать, и лишь в силу наличия особых обстоятельств может не понести наказание.

Ответы на эти вопросы лежат в плоскости рассмотрения следующих обстоятельств:

– во-первых, в основе освобождения от уголовной ответственности находится установление факта совершения преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность;

– во-вторых, совершение преступления подразумевает обязанность лица понести кару, которая выражается в наложении определенных обязанностей и лишений.

Освобождение от уголовной ответственности следует рассматривать как отказ государства от применения уголовно-правовых мер, но не от негативной оценки его поведения, как государством, так и самим правонарушителем. Только в этом случае данная мера будет оказывать позитивное профилактическое воздействие, способствовать исправлению.

В данном контексте, справедливым следует признать мнение ряда ученых, считающих, что «уголовно-правовая политика должна основываться на закреплении в российском уголовном законодательстве возможности освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступное деяние, которое, в свою очередь, перестало представлять общественную опасность в связи с различными обстоятельствами. При этом в самом виновном должен проследиваться потенциал к своему исправлению и без применения в отношении него уголовных наказаний» [9].

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности в современном российском законодательстве представлен совокупностью норм, определяющих юридический смысл понятия и его соотношение с другими ключевыми дефинициями: уголовная ответственность, уголовное наказание, государственно-принудительное воздействие, что является нормативной основой определения оснований его применения на практике при вынесении судебных и досудебных решений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020).
2. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР) (с изменениями и дополнениями).
3. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. С. 364.
4. *Сверчков В.В.* Курс уголовного права. Общая часть : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.В. Сверчко; Отв. ред. В.Т. Томин. М. : Издательство Юрайт, 2014. С. 484.
5. *Кочои С.М.* Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник. Краткий курс. М., 2009. С. 106.
6. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 669.
7. Уголовное право. Общая часть : учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чуцаева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008. С. 453.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (с изменениями и дополнениями).
9. *Сизов А.А.* Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности по российскому законодательству / А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов, Л.А. Назаренко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 5-5. С. 820.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-ФЗ (ed. From 27.10.2020).
2. Criminal Code of the RSFSR of October 27, 1960 (Criminal Code of the RSFSR) (with amendments and additions).
3. Criminal law of the Russian Federation. General part : textbook for universities / Ed. V.S. Komissarova, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. M. : Statute, 2012. P. 364.
4. *Cherchkov V.V.* Course in Criminal Law. General part : textbook for undergraduate and master's studies / B.V. Sverchko; editor-in-chief ed. V.T. Tomin. M. : Publishing House Yurite, 2014. P. 484.
5. *Kochoi S.M.* Criminal law. General and Special parts : textbook. Short course. M., 2009. P. 106.
6. Criminal law of Russia. General part : textbook / Ed. F.R. Sundurova, I.A. Tarkhanova. 2nd ed., Converted. and supplement. M. : Statute, 2016. P. 669.
7. Criminal law. General part : textbook / Ed. L.V. Inogamova-Hegai, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. 2nd ed., Converted. and additional. M. : Law firm «CONTRACT», INFRA-M, 2008. P. 453.
8. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 19 «On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability» (as amended and supplemented).
9. *Sizov A.A.* Some aspects of exemption from criminal liability under Russian law / A.A. Sizov, R.F. Shakhbazov, L.A. Nazarenko // International Journal of Applied and Basic Research. 2016. № 5-5. P. 820.

Сасько Анатолий Анатольевич
студент 2 курса магистратуры,
Юридический институт
Томского государственного университета
anatolii.a.s@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ОПОЗНАНИЕ» И «ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ»

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема смешения понятий «опознание» и «предъявление для опознания». Автором проанализированы доктринальные подходы к толкованию понятия «опознание» и «предъявление для опознания» как в ретроспективе, так и в настоящем времени, выявлены различия между понятием и его содержанием «опознание» и «предъявление для опознания», дано понятие «опознание» как мыслительный акт, так и понятие «предъявление для опознания» как законодательно закрепленная процедура производства следственного действия.

Ключевые слова: криминалистика, предъявление для опознания, тактика предъявления для опознания, опознание, следственное действие.

В современном русском языке под словом «опознать» понимается способ «узнавания, определения по каким-либо признакам, приметам или установливание тождества чего-нибудь (кого-нибудь) с чем-нибудь (кем-нибудь)».

Различные источники по криминалистике, психологии, уголовному процессу и языковедению наделяют особым смыслом это слово по-своему, исходя из специфики своего предмета исследования.

В криминалистике под опознанием понимается установленная уголовно-процессуальным законодательством процедура проведения следственного действия, которая обозначена в статье 193 УПК РФ «Предъявление для опознания». Например, в отсутствие законодательно регламентируемой процедуры производства опознавания похищенного имущества (предметы, домашние животные и т.д.).

Представляется необходимым обратиться к историческим аспектам криминалистики, уголовного процесса и законодательства в России.

Еще в период правления Петра I в Наказе от 30.11.1710 сыщику «О поимке воров и разбойников и об исследовании их преступлений» было дано указание на использование процедуры опознания при расследовании преступлений

Anatoly A. Sasko
2nd year Master's student,
Institute of Law
Tomsk State University
anatolii.a.s@yandex.ru

THE PROBLEM OF IDENTIFYING THE CONCEPT OF «IDENTIFICATION» AND «PRESENTATION FOR IDENTIFICATION»

Annotation. This article deals with the problem of mixing the concepts of «identification» and «presentation for identification». Analyzed doctrinal approaches to the interpretation of the concept of «identification» and «presentation for identification» both in retrospect and in the present tense, identified the differences between the concept and its content «identification» and presentation for identification, given as the concept of «identification» as a mental act, and the concept of «presentation for identification» as a legislatively enshrined procedure for the production of an investigative action.

Keywords: forensics, presentation for identification, tactics of presentation for identification, identification, investigative action.

посредством вербального сравнения фактов произошедших событий, на которые указывают «оговорные люди» [1].

Любопытное «определение» процедуре опознания давалось в начале 20 века. В это время под опознанием понималось получение доказательства тождества лица, совершившего преступление, свидетели-очевидцы (в современной криминалистике такие лица именуются «опознающими»). Опознавались подозреваемые в совершении преступлений лица посредством не только посредством визуального сравнения с другими лицами, но и по верхней одежде, походке, фигуре человека. Но устанавливалось, что указанные характеристики «представленного для опознания» лица должны иметь индивидуальные особенности, которые присущи только последнему [2].

Формулировка «предъявление для опознания» появилась впервые в советский период, благодаря работам В.И. Громова. Так, названный автор под «предъявлением для опознания» понимал самостоятельный акт опознания личности, осуществляемый в рамках, установленных уголовно-процессуальным законодательством, в котором подозреваемое в каком-либо преступлении лицо предъявляется свидетелю (очевидцу), потерпевшему в целях выяснения, действительно ли данное лицо совершило преступление [3].

В настоящее же время существует неразрешенная неоднозначность понимания «опознания» и «предъявления для опознания» как с точки зрения содержания (деятельности), так и с точки зрения терминологии.

В.Г. Лукашевич под предъявлением для опознания понимал специфическое следственное действие, в ходе которого осуществляется криминалистическая идентификация по идеальным отображениям (мысленным образам, «следам памяти»)» [4].

С данной позицией, по нашему мнению, нельзя согласиться, так как в представленном определении не установлено, что и с чем будет «сравниваться» посредством «мыслительного сопоставления» ранее полученной информации об объекте опознания с представленным для сравнения объектом.

Н.И. Хлюпин «предъявление для опознания – это следственное действие, заключающееся в показе, демонстрации свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому лица или предмета с целью установления наличия или отсутствия тождества» [5].

С указанной выше позицией нельзя согласиться, так как, по нашему мнению, процедура предъявления для опознания – это не просто презентация объекта материального мира для восприятия «опознающего», который сравнивает ранее оставшееся в памяти особенности предоставленного объекта с представляемым в настоящий момент, а установленный в рамках уголовно-процессуального порядка.

В. Курченко под опознанием понимал «следственное действие, состоящее в предъявлении...свидетелю, потерпевшему, обвиняемому в установленном законом порядке человека или какого-либо объекта с целью установления их тождества или различия с тем, что опознающий наблюдал в связи с расследуемым событием и о чем он дал показания» [6].

С этой позицией невозможно согласиться, так как, если исходить из «буквального» толкования этимологии слова «опознание», определять процесс мыслительного отождествления через установленную законом процедуру производства следственного действия не совсем верно.

Необходимо отметить совместную позицию Д.А. Бурьки и Е.В. Егоровой, согласно которой предъявление для опознания понимается как «следственное действие, порядок производства которого установлен уголовно-процессуальным законодательством, и оно заключается в отождествлении (идентификации) предъявляемого объекта по его мыслительному образу, то есть в его опознании (узнавании), представляющим собой психологический акт» [7].

Наиболее верной можно признать позицию З.Г. Самошиной, которая наделяет предъявление для опознания необходимыми признаками: «это следственное действие, состоящее в том, что свидетель, потерпевший, обвиняемый или

подозреваемый в результате обозрения предъявленного ему объекта и мысленного сравнения его с сохранившимся в памяти образом объекта, наблюдавшегося ранее, устанавливает, является ли этот объект тем самым, который наблюдался им ранее (либо относится к объектам определенной группы), либо этот объект он никогда не видел» [8].

Таким образом, необходимо попытаться устранить существующее противоречие в разграничении и(или) смешении определения «опознание» и «предъявление для опознания».

Перед постановкой вопроса: «Что такое опознание?» и дачей на него ответа, следует отметить, что умственный процесс, так называемого, «опознания», по своей сути, в обыденном понимании является психофизиологическим свойством узнавания человеком определенных признаков об объекте, ранее ему уже знакомого, декларативной, семантической и образной памяти [9].

Таким образом, по нашему мнению, под опознанием следует понимать произвольный или непроизвольный процесс по воспроизведению ранее «полученной и сохранившейся кодированной информации [10]» об индивидуальных качествах и признаках объекта посредством визуального, слухового, обонятельного восприятия и сравнению по этим же признакам с представленным лицу объектом материального мира.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит самостоятельного определения предъявления для опознания, но в его положениях находится необходимый перечень признаков, на основе которых представляется возможным сформировать предполагаемое понятие:

1. Субъект уголовного процесса, который уполномочен на производство следственного действия (следователь или дознаватель).
2. Предъявляемый объект, являющийся материальным предметом, живой человек или труп.
3. Предъявление осуществляется по отношению к участникам уголовного судопроизводства противоположных сторон: как со стороны обвинения (например, потерпевшему), так и со стороны защиты (например, обвиняемому), а также иным участникам процесса.
4. Целью опознания является установление предполагаемой идентичности между сравниваемыми объектами.

Соответственно, по нашему мнению, под предъявлением для опознания следует понимать установленное уголовно-процессуальным законодательством следственное действие, производство которого заключается в опознании и отождествлении участником уголовного судопроизводства предъявленного ему материального объекта или живого лица с мыслительным образом того, или иного объекта, сохранившегося в его памяти.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем решить представленную в настоящем исследо-

вании проблему смешения определений «опознание» и «предъявление для опознания», встречающаяся в криминалистической, уголовно-процессуальной литературе, а также, в уголовно-процессуальном законодательстве, что приводит к серьезным ошибкам, как в теоретическом, так и

Литература:

1. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1893. Т. 1. С. 584.
2. О поимке воров и разбойников и об исследовании их преступлений: Наказ от 30 ноября 1710 г. сыщику // ЭПС «Система ГАРАНТ» : ГАРАНТ Платформа F1 ЭКСПЕРТ. Электрон. дан. М., 2020. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
3. *Терновский Н.А.* Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам (пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей). Тула : Типография В.Н. Соколова, 1901. С. 106.
4. *Вышинский А.Я.* Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 454.
5. *Салтевский М.В.* Криминалистика : учебное пособие. Киев, 1987. С. 271.
6. *Курченко В.* Опознание // Законность. 1997. № 6. С. 1.
7. *Бурька Д.А.* Актуальные проблемы психологии предъявления для опознания / Д.А. Бурька, Е.В. Егорова // Юридическая психология. 2012. № 4. С. 2.
8. *Самошина З.Г.* Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии. М., 1976. С. 9.
9. *Циркин В.И.* Нейрофизиология: физиология памяти : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2020. С. 148–154.
10. *Шульговский В.В.* Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2008. С. 287–289.

практическом аспектах следующим образом. Нам представляется, что опознание как мыслительный акт, можно признать частью формализованной уголовно-процессуальным инструментарием процедуры, являющейся по своей юридической природе следственным действием.

Literature:

1. *Sreznevsky I.I.* Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. SPb. : Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1893. Vol. 1. P. 584.
2. About the capture of thieves and robbers and the study of their crimes: Order of November 30, 1710 to the detective // EPS «GARANT System»: GARANT Platform F1 EXPERT. Electron. Dan. M., 2020. Access from the local network Nauch. b-ki Tom. state un-that.
3. *Ternovsky N.A.* Legal grounds for judging the strength of evidence and thoughts from the speeches of the Presiding Judge in criminal cases (a guide for practicing lawyers and jurors). Tula : Printing house of V.N. Sokolov, 1901. P. 106.
4. *Vyshinsky A.Ya.* Forensic science. Technique and tactics of crime investigation. M. : Jurid. Publishing house of the NKYu USSR, 1938. P. 454
5. *Saltevsky M.V.* Forensic science : manual. Kiev, 1987. P. 271.
6. *Kurchenko V.* Identification // Legality. 1997. № 6. P. 1.
7. *Buryka D.A.* Actual problems of psychology of presentation for identification / D.A. Buryka, E.V. Egorova // Legal psychology. 2012. № 4. P. 2.
8. *Samoshina Z.G.* Questions of theory and practice of presentation for identification at the preliminary investigation. M., 1976. P. 9.
9. *Tsirkin V.I.* Neurophysiology: physiology of memory : textbook for universities. 2nd ed., Rev. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2020. P. 148–154.
10. *Shulgovsky V.V.* Physiology of higher nervous activity with the basics of neurobiology: a textbook for students. higher. study. institutions. M. : Publishing Center «Academy», 2008. P. 287–289.

Сизова Алла Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ – филиал, г. Владимир
kurganovaalla58@gmail.com

Наумова Наталья Валерьевна

кандидат педагогических наук,
Владимирский филиал
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
natalya.naumova.69@list.ru

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ПОПРАВОК
В КОНСТИТУЦИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**



Аннотация. Конституция является основополагающим законодательным актом практически любого современного развитого государства, регламентирующим основы его экономического, социального, политического и территориального устройства. Выступая правовой основой деятельности государства, Конституция выполняет две концептуальные функции: основного ориентира в определении вектора внешней и внутренней политики, с одной стороны, и защитным механизмом, обеспечивающим действие системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях органов публичной власти между собой и их взаимодействия с обществом, с другой. В этой связи, любые законодательные попытки внесения изменений в Основной закон традиционно получают широкий отклик, как в профессиональных кругах, так и среди простых граждан. Принятые поправки влекут приведение в соответствие законодательства РФ.

Ключевые слова: конституция, поправки, изменение, предписание, решение, правомерность.



В действующую на протяжении последних 26 лет Конституцию РФ внесено 15 поправок. Президент РФ В. Путин в послании Федеральному собранию 15 января 2020 г. предложил новые поправки в Конституцию, тем самым определил перспективу долгосрочного развития и изменения национального законодательства. Он выступил с инициативой запрета на иностранное гражданство для высших чиновников, усиления роли парламента, губернаторов и Госсовета. Предложено было прописать в Основном законе его приоритет над международным законо-

Alla S. Sizova

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation – branch, Vladimir
kurganovaalla58@gmail.com

Natalia V. Naumova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Vladimir branch
Russian Academy
National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
natalya.naumova.69@list.ru

**ON THE IMPLEMENTATION
OF SOME AMENDMENTS
TO THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**



Annotation. The Constitution is the fundamental legislative act of almost any modern developed state, regulating the foundations of its economic, social, political and territorial structure. Acting as the legal basis for the activities of the state, the Constitution will fulfill two conceptual functions: the main guideline in determining the vector of foreign and domestic policy, on the one hand, and the protective mechanism that ensures the operation of the system of checks and balances in the relations of public authorities among themselves and their interaction with society, other. In this regard, any legislative attempts to amend the Basic Law traditionally receive a wide response, both in professional circles and among ordinary citizens. The adopted amendments entail the alignment of a number of regulatory legal acts.

Keywords: constitution, amendment, amendment, order, decision, lawfulness.



дательством. Введена норма о новом отсчете президентских сроков – она дает возможность действующему главе государства вновь баллотироваться на этот пост в 2024 г.

В начале 2020 г. из-за ситуации, обусловленной стремительным распространением COVID-19, общероссийское голосование по принятию поправок даже переносилось. При этом часть поправок уже фактически начала действовать в связи с объективным отсутствием возможности проведения голосования в запланированные ранее сроки.

Возник юридический парадокс, обусловленный тем, что в принятом законе «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [5] предусмотрен новый порядок вступления изменений в силу.

На май 2020 г., с одной стороны, в РФ продолжал действовать прежний Основной закон, так как предложенные изменения и, соответственно, новая его редакции не была принята в порядке, предложенном конституционным законодателем. Вместе с тем, исходя из предписаний статей 135 и 136 прежней редакции Конституции, правильным было считать, что внесенные поправки уже должны были вступить в законную силу [2]. Но, поскольку это - существенные изменения политической системы, Президент РФ посчитал правильным провести голосование граждан по всему пакету изменений, и только по его результатам утверждены поправки в Основной закон страны.

В период с 25 июня по 01 июля 2020 г., Президентом РФ В. Путиным назначено и проведено всенародное голосование относительно принятия изменений в Конституцию РФ. За поправки проголосовали 77,92 % избирателей, и они вступили в силу 04 июля 2020 г. В настоящее время происходит последовательное внесение изменений в ряд нормативных правовых актов по приведению их в соответствие с действующей редакцией Конституции РФ.

Из всего перечня поправок, основной резонанс приобрело увеличение количества сроков, в течение которых глава государства имеет право баллотироваться и занимать данную должность и о приоритете права РФ над международным правом. Остановимся более подробно на них.

Мы считаем, что решение данного вопроса о числе сроков полномочий главы государства сопряжено с необходимостью соблюдения принципа баланса конституционных ценностей, поиском которого занимается законодательная власть, принимая во внимание специфику исторических факторов, а равно риски и вызовы, обусловленные текущей ситуацией во власти и обществе. Поправки в Основной закон поддержаны волеизъявлением граждан РФ на свободных демократических выборах.

Следует отметить, что в новейшей российской истории уже имел место схожий прецедент, вызванный необходимостью толкования конституционных предписаний применительно к выборам главы государства в 2000 году.

Так, в 1998 году Конституционный Суд уже разъяснял, должен ли засчитываться первый президентский срок Б.Н. Ельцина и имеет ли последний право выдвинуть свою кандидатуру на очередных президентских выборах. Первый президентский срок Ельцина начался после его избрания в 1991 году на основе предписаний действующей на тот момент Конституции РСФСР, утратившей свою силу в 1993 году после принятия действующего сегодня Основного закона. Конституционный Суд признал текущий срок президента Ельцина

вторым, запретив тем самым баллотироваться ему на очередных выборах исходя из того, что положения новой Конституции не прервали первый срок Б.Н. Ельцина на посту главы государства [6]. Вместе с тем, в процессе рассмотрения вопроса о сроках пребывания Ельцина на должности Президента имели место абсолютно иные основания, для его разрешения.

В рассматриваемый период статья 81 новой Конституции не изменялась, а сама ситуация оценивалась с позиции установленного ограничения права на занятие должности главы государства одним и тем же лицом, в связи с чем, данный прецедент практически не имеет общих законодательных предпосылок для проведения аналогий с текущими конституционными поправками. Таким образом, предполагается, что возможность одним лицом занимать пост главы государства более двух сроков подряд имеет место лишь в случае, если последнее получит поддержку в ходе прямого волеизъявления народа РФ.

Данный фактор придает дополнительную конституционную легитимность соответствующему решению. Общероссийское голосование, предусмотренное новым законом, обладает специфической правовой природой. С одной стороны, оно непосредственно не предусмотрено существующим правовым механизмом принятия конституционной поправки, однако, с другой стороны, вполне может быть применено с целью легитимации решения законодателя.

Следовательно, законодательные предписания, регламентирующие новые требования к лицам, претендующим на пост Главы государства, не вступают в противоречие с основами российского конституционного строя и соответствуют положениям глав 1, 2 и 9 действующей редакции Конституции РФ.

Внесенная поправка в ст. 79 Конституции также вызвала широкий общественно-политический резонанс. У нее появились свои сторонники и противники, достаточно много скептических и одобрительных высказываний, однако, умалять ее роль в будущем основном законе страны и относиться к ней, как к уничижающей права граждан не стоило. Так как, приоритет национального права был оглашен в том виде, что нормы международного права, в том числе, Всеобщая декларация прав человека [2], к которым присоединилась Россия, действуют на территории нашей страны, если не ограничивают права и свободы гражданина и не противоречат Конституции РФ [7], составляя, тем самым, часть ее правовой основы.

При разъяснении смысла данной поправки сразу же стоит отметить, что она не входит в состав статей гл. 1 действующей Конституции, а значит, что основы конституционного строя остаются неизменными и все обязательства, которые взяла на себя Россия, ратифицировав ряд международных соглашений, будут так же исполняться, а нормы международного права будут так же находить своё отражение в национальном законодательстве. Данная норма скорректирована как

специальная и практически полностью повторяет слова Президента РФ в послании Федеральному собранию в 2020 г.

По смыслу статей 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (часть 6), скорректированная норма истолковывалась Конституционным Судом и гласила о том, приоритет международного права над национальным, хоть и признан, но он не абсолютен [4]. Однако стоит понимать, что Постановления Конституционного Суда являются частью его правовой системы, имеют юридический авторитет среди правоприменителей всех уровней, но не является составляющей федерального закона и официально к нему не приравнивается, поэтому внесенная поправка такого регулирования на конституционном уровне крайне важна. Кроме того, имеется итоговое мнение Конституционного Суда о выполнении Россией принятых на себя международных обязательств, при главенстве норм Основного Закона [3].

Литература:

1. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23 мая 1969 года) // <https://pravo.ru>
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ). URL : // <https://pravo.ru>
3. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1–3. URL : // <https://pravo.ru>
4. По делу о проверке конституционности Положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального Закона «О международных договорах российской федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 Части 3 статьи 311 арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 Части 1 статьи 350 кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы Депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. URL : // <https://pravo.ru>

Констатируя вышесказанное, следует отметить, что Конституция, как и само государство, являются «живыми» организмами, принципы устройства и действия которых, в первую очередь, обусловлено текущими политическими, экономическим и социальным моментом. Ни один законодательный акт, сколь фундаментальным он бы не был, не может быть подвергнут «вечной консервации», поскольку это, по существу, сделает его лишь препятствием к дальнейшему развитию общества.

В контексте же снятия ограничений в праве лица избираться на пост главы государства более двух раз, внимание следует уделять не самому числу сроков, которые оно пребывало на посту, а сохранению механизмов демократического народовластия, позволяющих избрать либо не избрать данного кандидата, исключив, тем самым, реальную возможность узурпации власти в одних руках.

Literature:

1. Vienna Convention on the law of treaties (Concluded in Vienna on 23 may 1969) // <https://pravo.ru>
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote December 12, 1993) (considering the amendments introduced by Laws of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ, from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 № 2-FKZ, from 21.07.2014 № 11-FCL from 14.03.2020 № 1-FKZ). URL : // <https://pravo.ru>
3. On compliance with the provisions of chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation pending its entry into force the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authorities», and also about compliance of the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation: the constitutional Court of the Russian Federation from 16.03.2020 № 1–3. URL : // <https://pravo.ru>
4. In the case of check of constitutionality of Provisions of article 1 of the Federal law «On ratification of the Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms and the protocols thereto», paragraphs 1 and 2 of article 32 of the Federal Law «On international treaties of the Russian Federation» parts of first and fourth of article 11, paragraph 4 of part four of article 392 of the civil procedure code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 13, paragraph 4 of part 3 of article 311 of the arbitration procedural code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of article 15, item 4 of Part 1 of article 350 of the code of administrative procedure of the Russian Federation and item 2 of part four of article 413 of the criminal procedure code of the Russian Federation in connection with the request of a group Of deputies of the State Duma: Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation № 21–P of 14.07.2015. URL : // <https://pravo.ru>

5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019 (дата обращения 06.11.2020).

6. *Аничкин Е.С.* Преобразование Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 – начале 21 вв. 45 с.

7. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 2020 г. Стенограмма. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/by> (дата обращения 15.01.2020).

5. The law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation from 14.03.2020 № 1–FKZ «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authorities». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019 (date of application 06.11.2020).

6. *Anichkin E.S.* Transformation of the Constitution of the Russian Federation and the development of constitutional law in the late 20th – early 21st centuries. 45 p.

7. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation. Two thousand twenty Verbatim. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/by> (date of application 15.01.2020).

Соловяненко Нина Ивановна
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
сектора предпринимательского
и корпоративного права,
Институт государства и права РАН
spp@igpran.ru

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНТУР ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ БИЗНЕС-ОПЕРАЦИЯХ ЕАЭС

Аннотация. Трансграничные бизнес-операции в цифровых экосистемах ЕАЭС содержат такой существенно важный компонент, как электронный документооборот. Юридическая значимость электронных документов связана с формированием юридической конструкции трансграничного пространства доверия. Инфраструктура трансграничного пространства доверия включает правовую конструкцию доверенной третьей стороны, которая осуществляет такие технологические и юридические функции как: идентификацию участников электронного документооборота; подписание электронного документа электронной подписью и ее проверку; регистрацию даты и времени отправки и получения электронного документа и ряд других, а также специальные меры для обеспечения надежности операций с электронными документами.

Ключевые слова: юридическая значимость электронных документов, правовая конструкция трансграничного пространства доверия, цифровые экосистемы, электронная подпись, доверенные сервисы, метка доверенного времени.

Новейшие условия доступа хозяйствующих субъектов на внешние рынки, а также – выполнения трансграничных бизнес-операций включают такой существенно важный компонент как способность к осуществлению в цифровых экосистемах. Нормативной правовой основой создания и функционирования цифровых экосистем в ЕАЭС являются Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (включая Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках ЕАЭС (приложение № 3 к Договору о ЕАЭС); Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденные Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12.

Nina I. Solovyanenko
Candidate of Legal Sciences,
Senior Researcher the Business Sector
and Corporate Law,
Institute of State and Law of RAS
spp@igpran.ru

LEGAL OUTLINE OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN CROSS-BORDER BUSINESS OPERATIONS OF THE EAEU

Annotation. Cross-border business operations in the digital ecosystems of the EAEU contain such an essential component as electronic document management. The legal significance of electronic documents is related to the formation of the legal structure of the cross-border environment of trust. The infrastructure of the cross-border environment of trust includes the legal structure of a trusted third party, which performs such technological and legal functions as: identification of participants in electronic document flow; signing of an electronic document with an electronic signature and its verification; registration of the date and time of sending and receiving an electronic document and a number of others, as well as special measures to ensure the reliability of operations with electronic documents.

Keywords: legal significance of electronic documents, legal structure of cross-border environment of trust, digital ecosystems, electronic signature, trust services, trusted time stamp.

В нормативных правовых актах ЕАЭС цифровая экосистема определена как «открытая устойчивая система, включающая субъектов: физических лиц, юридических лиц, виртуальных субъектов, а также связи и отношения этих субъектов в цифровой форме на базе сервисов цифровой платформы» [4, с. 230–235].

Электронное юридическое взаимодействие и использование цифровых сервисов в сфере гражданского оборота упрощает трансграничные бизнес-операции, повышает эффективность и транспарентность международных коммерческих сделок, способствуя при этом более строгому соблюдению нормативных требований, прежде всего при трансграничном обмене данными и документами в электронной форме. «В отраслях правоведения цифровизация приобретает свои специфические черты, характеризующие формирующееся

на правовом поле цифровое пространство, информационную инфраструктуру» [2, с. 916–920]. Юридическая задача цифровых экосистем – создание правовой среды, в которой осуществляется адекватный перевод управленческих и технологических решений на язык юридических категорий, что, в свою очередь, связано с обеспечением юридической значимости электронных документов и созданием юридической модели «цифрового пространства доверия».

В Евразийском экономическом союзе в настоящее время разрабатываются различные цифровые экосистемы. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 августа 2019 г. № 135 утверждено техническое задание на оказание услуг по разработке и внедрению Евразийской сети промышленной кооперации, субконтракции и трансфера технологий, ориентированной на создание условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств – членов Союза. Нормативными документами ЕАЭС предусмотрено сопряжение Евразийской сети с перспективными проектами цифровой повестки Союза (цифровая прослеживаемость товаров, применение электронных сопроводительных документов, цифровые транспортные коридоры, регулирование оборота данных и другие). Евразийская сеть представляет собой автоматизированную систему, предназначенную, в том числе, для стимулирования инновационных процессов путем трансфера технологий и возможности продвижения продукции хозяйствующих субъектов с использованием международных цифровых экосистем государств-членов и третьих стран. Техническое задание на разработку и внедрение Евразийской сети предусматривает, в частности, такие составные элементы, как сервисы трансфера технологий по формированию технологических запросов и технологических предложений, юридически значимый документооборот, обмен данными между хозяйствующими субъектами (EDI); сервис по представлению возможности заключения смарт-контрактов и ряд других.

Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 31 января 2020 г. № 4 «О формировании экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза» утвержден план мероприятий по формированию экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС. Экосистема цифровых транспортных коридоров – это открытая цифровая среда обмена логистической информацией, включающая большое количество цифровых платформ и информационных систем, владельцами и (или) операторами которых может являться как бизнес, так и органы государственной власти. Экосистема интегрирует информацию о транспортных средствах, экипажах, грузах, разрешительных и сопроводительных документах на всех этапах перевозки, технологических операциях. Проектом намечено решение таких юридических задач, как:

– полный переход к электронному обмену данными, исключая бумажный документооборот в качестве сопровождения транспортно-логистических операций;

– создание единых стандартов для транспортно-логистических сервисов;

– переход на сквозную интегрированную систему надзора, основанную на анализе данных и освобождающую перевозчиков от значительной доли административной нагрузки.

Создание, внедрение и сопровождение экосистемы предусматривает взаимодействие цифровых платформ государств-членов между собой непосредственно или через интегрированную информационную систему Союза. Интегрированная информационная система ЕАЭС предназначена для обеспечения межгосударственного обмена данными и электронными документами в рамках Союза, с государствами, не входящими в Союз (третьими странами), международными организациями и интеграционными объединениями, создания общих для государств-членов информационных ресурсов, реализации общих процессов в рамках Союза, а также обеспечения деятельности органов Союза (Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 02 апреля 2019 г. № 55).

Трансграничное взаимодействие в правовой и технической областях связано с формированием трансграничного пространства доверия. Использование надежных, заслуживающих доверия правовых инструментов стало важнейшим требованием в сфере электронной экономики ввиду возрастающего значения и конфиденциальности сделок, совершаемых в режиме онлайн. Как справедливо отмечают ученые-юристы, «в такой системе экономического поведения возникает множество специфических рисков, возможностей, лазеек для противоправного поведения, вызовов для государства в части возможностей регулирования. Основная проблема, конечно, это доверие. Формально в нем заинтересованы вообще все участники новых отношений» [1, с. 39–47]. Например, немаловажно, чтобы стороны идентифицировали себя, когда они начинают совершать сделки в режиме онлайн, «поскольку необходимо формирование определённого уровня доверия в подлинности взаимодействующих сторон» [3]. Заключение сделки в электронной форме также может потребовать идентификации сторон, для того чтобы была уверенность в выражении ими своего согласия с содержанием сделки. Кроме того, необходимо обеспечить целостность документа, а также обозначить в документе конкретную дату и время его подписания. Наконец, в некоторых случаях необходимо, чтобы отправка документов одной стороной другой стороне осуществлялась по защищенным каналам для обеспечения возможности фиксировать время отправки и получения документа. Во многих сделках, совершаемых через Интернет, требуется проверка идентификационных данных владельца веб-сайта, для того чтобы быть уверенным, что этот веб-сайт принадлежит юридическому лицу и действительно управляется этим лицом.

Цели, задачи и элементы трансграничного пространства доверия в ЕАЭС определяются «Стратегией развития трансграничного пространства доверия», утвержденной Решением Коллегии

Евразийской экономической комиссии от 27 сентября 2016 г. № 105, и «Концепцией использования при межгосударственном информационном взаимодействии механизмов и имеющих юридическую силу электронных документов», утвержденной Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18 сентября 2014 г. № 73. Трансграничное пространство доверия – это «совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами». Понятие трансграничного пространства доверия закреплено в Протоколе об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках ЕАЭС (приложение № 3 к Договору о ЕАЭС). Протокол содержит такие базовые юридические компоненты пространства доверия как: электронный документ, доверенная третья сторона, общая инфраструктура документирования информации в электронном виде; субъекты электронного взаимодействия. Общий юридический контур электронного документооборота в пространстве доверия заключается в том, что юридическая сила электронных документов, которыми обмениваются субъекты электронного взаимодействия, использующие различные механизмы защиты электронных документов, обеспечивается с использованием сервисов, предоставляемых операторами инфраструктуры электронного документирования информации, в том числе, сервисов доверенной третьей стороны.

В соответствии с п. 20 Протокола, операторами сервисов доверенной третьей стороны являются Евразийская экономическая комиссия и уполномоченные органы государств-членов или определенные (аккредитованные) ими организации. Доверенными третьими сторонами, являющимися элементами национальных пространств доверия государств-членов или элементами трансграничного пространства доверия, могут осуществляться следующие технологические и юридические функции:

- идентификация и аутентификация участников электронного документооборота;
- обмен электронными документами между участниками электронных бизнес-операций;
- хранение электронных документов, в том числе, электронной подписи, подписание электронной подписью электронного документа и проверку электронной подписи;
- регистрация даты и времени совершения юридических действий;
- проверка полномочий участника электронного документооборота на подписание и (или) передачу электронных документов;
- проверка подлинности электронных документов по истечении определенного периода времени;
- предоставление электронных доказательств совершения участниками электронного документооборота юридических действий и ряд других.

Электронный документооборот в условиях трансграничного пространства доверия осуществляется на основе сформулированных ЮНСИТРАЛ основополагающих юридических принципов, лежащих в основе взаимодействия в цифровой бизнес-среде.

Принцип автономии сторон. Использование предоставляемых средств должно быть факультативным. Стороны должны сохранять свободу выбора при принятии решения относительно применимого уровня обеспечения безопасности. Правовые нормы рассматриваются как «правовой инструментарий», предоставленный в распоряжение участников рынка.

Принцип нейтральности как технологической, так и экономической модели. Создание правовой базы не должно препятствовать развитию инноваций и предпринимательских возможностей вследствие установления строгих правил, стимулирующих внедрение одних технических решений или экономических моделей в ущерб другим.

Принцип недискриминации. Юридическая сила и применимость в качестве доказательства в судопроизводстве электронной идентификации или сервиса доверия не должны отвергаться только на том основании, что они осуществляются в электронной форме.

Принцип функциональной эквивалентности. Обеспечение сопоставимых юридических функций независимо от того, совершаются ли действия в физической или в электронной среде.

Пространство доверия объединяет многих независимых участников, взаимодействующих друг с другом для осуществления сложных электронных операций (юридических действий) с соблюдением установленной степени надежности. В этой связи, устанавливаются юридические требования, которые выходят за рамки обеспечения исключительно работоспособности системы электронного документооборота, но предусматривают дополнительные меры для обеспечения уверенности участников в результате операций с электронными документами и готовности полагаться на них. Подобные меры предусмотрены в нормативном документе ЕАЭС «Требования к созданию пространства доверия», утвержденным решением Совета ЕЭК от 05 декабря 2018 г. № 96. В международной практике применяются различные определения уровней обеспечения доверия, выработанные публичными и частными структурами. Их формулировки регулярно обновляются с учетом развития технологий. В свете применяемого принципа технологической нейтральности, во внимание принимаются только уровни обеспечения доверия, имеющие технологически нейтральные определения. В европейском регулировании (Постановлении eIDAS) определены три уровня обеспечения доверия (надежности), связанные с идентификацией участника электронного взаимодействия: низкий, значительный и высокий, а также указаны связанные с ними критерии. Так, «низкому» уровню надежности соответствует невысокая степень уверенности в

принадлежности данному лицу заявляемой или приписываемой им себе идентичности; «значительному» уровню надежности соответствует значительная степень уверенности в принадлежности данному лицу заявляемой или приписываемой им себе идентичности, а при «высоком» уровне надежности степень уверенности в принадлежности данному лицу заявляемой или приписываемой им себе идентичности еще выше,

Литература:

1. *Габов А.В.* Изменения в праве как следствие развития цифровой экономики // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 39–47.
2. *Лебедь К.А.* Свойства электронного судебного решения // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 21. С. 916–920.
3. *Сабанов А.Г.* Уровни доверия к результатам идентификации и аутентификации в период цифровой трансформации // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 5(33).
4. *Шпинеv Ю.С.* Искусственный интеллект – вопросы правового регулирования. В книге: Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : коллективная монография : в 4-х томах / Ю.С. Шпинеv; Отв. редактор С.Д. Могилевский и [др.]. М., 2020. С. 230–235.

чем при «значительном». Также, установлены минимальные технические спецификации и процедуры, предназначенные для определения надежности и качества процессов записи, управления средствами электронной идентификации, аутентификации, а также, организации и управления деятельностью трансграничных поставщиков услуг доверия.

Literature:

1. *Gabov A.V.* Changes in law as a consequence of the development of the digital economy // Perm legal almanac. 2020. № 3. P. 39–47.
2. *Lebed K.A.* Properties of an electronic court decision // Innovation. The science. Education. 2020. № 21. P. 916–920.
3. *Sabanov A.G.* levels of confidence in the results of identification and authentication in the period of digital transformation // Cybersecurity issues. 2019. № 5(33).
4. *Shpinev Yu.S.* Artificial intelligence – issues of legal regulation. In the book: Law and business: legal space for business development in Russia : collective monograph : in 4 vol. / Yu.S. Shpinev; Ed. S.D. Mogilevsky et [al.]. M., 2020. P. 230–235.

Старцев Петр Сергеевич
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ТАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

Аннотация. Допрос – один из наиболее распространенных процессуальных способов получения доказательств, его сущность состоит в получении следователем непосредственно от допрашиваемого в установленной уголовно-процессуальной форме показаний об известных ему обстоятельствах и иных данных, имеющих значение для расследуемого дела. В статье автором проанализированы отдельные аспекты производства допроса подозреваемого (обвиняемого). Рассмотрены возможности использования различных тактических приемов, предложены рекомендации по их применению, направленные на повышение качества допроса.

Ключевые слова: тактика производства отдельных следственных действий, допрос, следственные действия, тактические приемы, криминалистическая тактика.

Допрос – один из наиболее распространенных процессуальных способов получения доказательств, его сущность состоит в получении следователем непосредственно от допрашиваемого в установленной уголовно-процессуальной форме показаний об известных ему обстоятельствах и иных данных, имеющих значение для расследуемого дела [1].

Важное значение имеет подготовка к проведению допроса. Общими требованиями при подготовке к нему, независимо от процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, выступают:

- 1) уяснение процессуального положения участника допроса;
- 2) выяснение его отношения к производимому допросу, наличие либо отсутствие желания сотрудничать со следствием;
- 3) выявление особенностей личности допрашиваемого;
- 4) выбор места допроса;
- 5) подготовка к фиксации показаний допрашиваемого, при необходимости – с применением средств аудио- видеозаписи.

Pyotr S. Startsev
Post-graduate student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

TO THE QUESTION OF TACTICS OF INTERROGATION OF THE SUSPECT (ACCUSED)

Annotation. Interrogation is one of the most common procedural methods of obtaining evidence, its essence consists in obtaining by the investigator directly from the interrogated person in the established criminal procedure form of testimony about the circumstances known to him or her and other data relevant to the case under investigation. In the article, the author analyzes certain aspects of the interrogation of a suspect (accused). The possibilities of using various tactical techniques are considered, and recommendations for their use are proposed.

Keywords: tactics of individual investigative actions, interrogation, investigative actions, tactical techniques, forensic tactics.

Правила допроса регламентированы УПК РФ, однако, нормы уголовно-процессуального законодательства, рассматривая основные правила допроса участников уголовного процесса, не могут заключать в себе весь перечень рекомендаций по тактике проведения этого следственного действия. Данными проблемами занимается криминалистическая (или следственная) тактика. В то же время, тактические приемы допроса, разработанные криминалистической наукой и апробированные на практике, должны осуществляться в рамках и на основании уголовно-процессуального закона. В ходе допроса, независимо от сложившейся ситуации, со стороны следователя недопустимы обман, ложь, фальсификация, игра на низменных наклонностях допрашиваемого, провокации, психическое или физическое насилие над личностью и т.п. [2].

К основным тактическим приемам допроса считаем необходимым отнести следующие:

– предоставление допрашиваемому лицу возможности описать свое видение ситуации и свободно рассказать о произошедшем, без уточняющих вопросов и детализации (целью такого приема будет являться фиксация первоначальных показаний с теми, которые такое лицо будет давать в процессе расследования по мере получения иных доказательств);

– постановку перед допрашиваемым уточняющих вопросов после фиксации первоначальных показаний;

– постановку поясняющих и дополняющих вопросов с целью предоставления возможности обоснования допрашиваемым своего видения;

– постановку контрольных вопросов, призванных сделать выводы относительно темы расследования (на данном этапе наиболее вероятен положительный исход применения тактических приемов).

Такие приемы имеют целью конкретизацию информации, выявлению разногласий в показаниях, данных без вмешательства извне (следователя, дознавателя), постановке выводов относительно важности и значимости предоставленной информации и её соответствия действительности, и как следствие – отношения к допрашиваемому (более доверительного, в случае дачи правдивых показаний, либо скептического, в случае ложности показаний) [3].

В качестве рекомендаций по применению тактических приемов в ситуации, где допрашиваемое лицо предпочитает скрывать достоверную информацию, исказить её, считаем целесообразным применение следующих:

– детализацию даваемых показаний для установления противоречий, так как при уточнении конкретных обстоятельств (точное время, позиция допрашиваемого, его место нахождения в конкретный момент времени, совершаемые им действия, либо данные о других участниках), что вызвано сложностью согласования всех нюансов произошедшего участниками событий;

– выявление и использование внутренних противоречий в предоставленных допрашиваемым сведениях, особенно в совокупности с уже имеющимися доказательствами;

– последовательное предъявление полученных доказательств в ходе допроса с целью выявления противоречий между данными показаниями и конкретными доказательствами, что позволяет дестабилизировать поведение и выбранную тактику допрашиваемого;

– постановку внезапных вопросов, не связанных с предыдущими;

– косвенный допрос.

В совокупности в вышеуказанными тактическими приемами и методами, на стадии, предшествующей допросу, важным элементом к установлению картины произошедшего и контакту с допрашиваемым является изучение личности такого лица, его характере, особенностях поведения, что позволит более грамотно и профессионально подойти к самому процессуальному действию, сформулировать важнейшие для расследования вопросы, что отразится в свою очередь на эффективности и ценности проведенного допроса и полученной информации.

В качестве тактического приема при проведении допросов подозреваемых и обвиняемых возможно использовать аудио- и видеозапись процесса допроса. С этой целью целесообразно воспользоваться помощью специалиста. Наличие видеозаписи исключит направление допрашиваемым различных жалоб и доводов о неправомерном воздействии на обвиняемого с целью ухода от уголовной ответственности.

Такой тактический прием, как «допущение лжигенды», заключается в том, что допрашиваемому предоставляется возможность беспрепятственно излагать ложные показания, отвечая на вопросы, поставленные следователем, создавая у последнего впечатление о том, что данные показания признаются истинными. Эффективность данного приема многократно возрастает в сочетании с тактическими приемами «пресечение лжи» – когда допрашиваемому внезапно предъявляется вещественное или иное доказательство, полностью разрушающее его ложные показания и избивающее его, а также, «повторный допрос» – проведение допроса через некоторое время по тем же обстоятельствам, что и первичный допрос.

Однако возможны и более приемлемые приемы эмоционального и логического воздействия. В частности, к приемам эмоционального воздействия относятся действия следователя, направленные на осознание негативных последствий подозреваемым в случае уклонения от дачи показаний, воздействие на сознание и иные положительные качества личности допрашиваемого.

К числу приемов логического воздействия можно отнести, например, предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого.

При этом предъявление таких доказательств должно производиться в корректной форме, без унижения человеческого достоинства. Важно помнить, что ложные показания выступают одной из форм защиты допрашиваемого, который зачастую не уверен в том, что данные им показания в дальнейшем не станут основанием для мести со стороны подозреваемых или обвиняемых [4].

К числу видов психологического воздействия при допросе относят приемы, основанные:

– на эмоциональном и логическом воздействии на сознание допрашиваемого и убеждении;

– на внезапности и неожиданности постановки вопросов;

– на использовании рефлексивных рассуждений, связанных с имитацией мыслей и действий противной стороны и анализом собственных рассуждений и выводов о позиции соперника, его предполагаемых рассуждениях и решениях.

В результате, следователь определяет свое оптимальное поведение в конкретной ситуации, способствующее созданию у допрашиваемого

определенного впечатления и мнения, приводящих, в свою очередь, к нужному для следствия поведению допрашиваемого на допросе. Тем самым, осуществляется рефлексивное управление поведением допрашиваемого. Важным средством психологического воздействия является использование психологических реагентов, под которыми понимаются какие-либо материальные объекты, человек и др., безразличные для лиц, не имеющих отношения к данному преступлению, но весьма значимые для лиц, причастных к преступлению. Этот реагент при его восприятии на допросе напоминает о важных обстоятельствах и вызывает у допрашиваемого соответствующие эмоции, приводящие к даче правдивых показаний.

Литература:

1. Тактика допроса и очной ставки : учебное пособие / Рук. авт. кол. Н.А. Андроник. Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2014. 45 с.
2. *Залужный А.Г.* Процессуальные, тактические и психологические основы производства допроса в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / А.Г. Залужный, Н.А. Жукова, Э.З. Тешебаев. Белгород, 2014. 76 с.
3. *Порубов Н.И.* Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 145–153.
4. *Лозовский Д.Н.* Особенности тактики допроса при изобличении во лжи / Д.Н. Лозовский, А.В. Руденко; Отв. ред. Г.М. Меретуков // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития», посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар : КубГАУ, 2019. С. 182–187.

Таким образом, допрос продолжает занимать центральное место в системе следственных действий, производимых по уголовным делам. Важнейшей составляющей допроса являются его тактические и психологические элементы, которые, в совокупности с процессуальными особенностями, образуют комплексный институт допроса.

Следователь, владеющий тактикой допроса, способен принять верное решение о применении конкретного тактического приема в создавшейся ситуации. Изучение тактики ведения допроса и применение тактических приемов в конкретной следственной ситуации является эффективным средством нейтрализации противодействия, оказываемого допрашиваемым.

Literature:

1. Tactics of interrogation and face-to-face betting : textbook / Hands. aut. call. N.A. Andronik. Yekaterinburg : Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2014. 45 p.
2. *Zaluzhny A.G.* Procedural, tactical and psychological bases of interrogation in criminal proceedings : textbook / A.G. Zaluzhny, N.A. Zhukova, E.Z. Teshebaev. Belgorod, 2014. 76 p.
3. *Porubov N.I.* Interrogation: procedural and criminalistic aspects / N.I. Porubov, A.N. Porubov. M. : Yurлитinform, 2013. P. 145–153.
4. *Lozovsky D.N.* Features of interrogation tactics when exposing lies / D.N. Lozovsky, A.V. Rudenko; editor-in-chief G.M. Meretukov // Collection of scientific articles based on the materials of the all-Russian scientific and practical conference (with international participation) «Modern problems of domestic criminalistics and prospects for its development», dedicated to the 20th anniversary of the Department of criminalistics. Krasnodar : KubGAU, 2019. P. 182–187.

Темникова Ольга Николаевна
преподаватель
кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России
lelik_08-08@mail.ru

МЕДИЦИНСКОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье отмечается общественная вредность употребления подростками алкоголя и наркотических средств, а также, указываются законодательные запреты на употребления алкоголя и наркотических средств несовершеннолетними. Далее рассматриваются проблемы медицинского освидетельствования несовершеннолетних на состояние опьянения, обусловленные законодательными коллизиями в части реализации такого освидетельствования. На основе анализа законодательства формулируется вывод о порядке производства медицинского освидетельствования в отношении несовершеннолетнего старше возраста пятнадцати лет.

Ключевые слова: несовершеннолетний, состояние опьянения, медицинское освидетельствование, родители, законные представители, коллизии законодательства.

В настоящее время одной из социально-значимых негативных проблем в современном обществе является употребление подростками алкоголя и наркотиков. Влечение к алкоголю или потреблению наркотических средств и психотропных веществ у подростка происходит, как правило, в связи с тем, что состояние опьянения начинает нравиться, как состояние веселья, «интересных приключений». Порой подростки и в трезвом состоянии не всегда способны контролировать свое поведение, а тем более в состоянии опьянения. При таких обстоятельствах от них можно ожидать проявление различных опасных действий – опасных как для себя, так и для посторонних. Более того, детский алкоголизм и наркомания являются одной из причин совершения не только правонарушений, но и преступлений, что определяет обязанность представителей органов внутренних дел осуществлять профилактику такого рода явлений [1, с. 106].

Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской

Olga N. Temnikova
Teacher of the Department of Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies,
Tyumen Institute for Improvement
Qualifications of Employees of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
lelik_08-08@mail.ru

MEDICAL EXAMINATION OF MINORS IN THE STATE OF INTOXICATION: SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

Annotation. The article notes the social harmfulness of alcohol and narcotic drugs used by teenagers, as well as legislative prohibitions on the use of alcohol and narcotic drugs by minors. Further, the problems of medical examination of minors for intoxication caused by legislative conflicts in the implementation of such examination are considered. And based on the analysis of the legislation, a conclusion is drawn about the procedure for conducting a medical examination in relation to a minor over the age of fifteen years.

Keywords: minor, state of intoxication, medical examination, parents, legal representatives, conflicts of law.

Федерации» говорит о том, что государство признает охрану здоровья детей как одно из важных и необходимых условий физического и психического развития детей [2]. В свою очередь, Федеральный закон № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [3] указывает на раннее выявление незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ как одну из формы профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ вообще.

Запреты на употребления алкоголя и наркотических средств несовершеннолетними предусмотрены и в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ):

– ст. 6.9 КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ»;

– ст. 20.20 КоАП РФ «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах»;

– ст. 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения»;

– ст. 20.22 КоАП РФ «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ».

Согласно ст. 20.20 КоАП РФ, предусмотрена ответственность физического лица, начиная с 16 лет, за потребление (распитие) алкогольной продукции в местах, запрещенных федеральным законом, а также, за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также, в других общественных местах. Перечисленные статьи предусматривают ответственность, как совершеннолетних, так и несовершеннолетних, но достигших 16 летнего возраста (за исключением ст. 20.22 КоАП РФ, в которой предусмотрена ответственность родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет за нахождение в состоянии опьянения, либо потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции, либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ).

Для квалификации административных правонарушений по вышеуказанным нормам необходимо установить факт опьянения. Для этого несовершеннолетнего нужно доставить на медицинское освидетельствование. И вот здесь, как справедливо замечают С.И. Иванова и Г.Ф. Хаметдинова, как раз, и возникают некоторые проблемы реализации такого освидетельствования [4, с. 4; 5, с. 139]. Так, порядок направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения и его проведение регулируется рядом нормативно-правовых актов. В частности, согласно Приказу Минздрава России от 18.12.2015 № 933-н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» [6], медицинское освидетельствование проводится в отношении:

– несовершеннолетнего старше возраста пятнадцати лет (в целях установления состояния алкогольного опьянения) или несовершеннолетнего, приобретшего в соответствии с законодательством Российской Федерации полную дееспособность до достижения им восемнадцатилетнего возраста, на основании его письменного заявления;

– несовершеннолетнего, не достигшего возраста пятнадцати лет (за исключением случаев приобретения в соответствии с законодательством Российской Федерации несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста) на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя.

– несовершеннолетнего в целях установления состояния наркотического либо иного токсического опьянения (за исключением установленных законодательством Российской Федерации случаев приобретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста) – на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя.

При этом в Федеральном законе № 323-ФЗ установлено, что на медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, информированное добровольное согласие дает один из родителей или иной законный представитель. Кроме того, в п. 5 Постановления Правительства РФ от 23.01.2015 № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» говорится о том, что при направлении на медицинское освидетельствование несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомляются его родители или иные законные представители [7]. В данном пункте говорится об обязательном уведомлении родителей или иных законных представителей, но не требуется их согласие при производстве медицинского освидетельствования. И также, в данной статье не оговаривается конкретный возраст несовершеннолетнего, направляемого на медицинское освидетельствование.

В связи с вышеуказанными противоречиями в действующем законодательстве, правоприменителю, порой, сложно единообразно применять нормы закона ввиду их некоторой несогласованности между собой. В частности, говоря о несовершеннолетнем, достигшим возраста 15 лет, но не достигшим возраста 16 лет, в одном нормативном акте указывают на необходимость согласия одного из родителей или иного законного представителя; в другом же нормативном документе указывают на то, что согласия одного из родителя или иного законного представителя не требуется и достаточно письменного заявления несовершеннолетнего.

Однако, согласно ст. 3. Федерального закона № 323-ФЗ, в случае несоответствия норм об охране здоровья, содержащихся в других федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, нормам указанного Федерального закона, применяются нормы именно Федерального закона № 323-ФЗ. Следовательно, исходя из этого, при производстве медицинского освиде-

тельствования в отношении несовершеннолетнего старше возраста пятнадцати лет требуется письменное заявление одного из его родителей или иного законного представителя.

Литература:

1. *Хаметдинова Г.Ф.* Основания ответственности родителей (иных законных представителей) несовершеннолетних за неисполнение обязанностей по их содержанию и воспитанию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1(27). С. 98–107.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
3. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 232-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.
4. *Иванова С.И.* К вопросу о порядке освидетельствования несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение в состоянии опьянения / С.И. Иванова, Г.Ф. Хаметдинова // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 2–6.
5. *Хаметдинова Г.Ф.* Актуальные проблемы правового обеспечения деятельности инспектора по делам несовершеннолетних / Г.Ф. Хаметдинова; Ред. коллегия: С.А. Карнович, П.А. Капустюк, Н.Ю. Жигалов // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов 20-й международной научно-практической конференции. Иркутск, 2015. С. 138–142.
6. Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н (ред. от 25.03.2019) «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // Консультант Плюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195274 (дата обращения 25.11.2020).
7. Постановление Правительства РФ от 23.01.2015 № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 5. Ст. 817.

Данное правило, как нам представляется, и должно определять деятельность правоприменителя при производстве медицинского освидетельствования в отношении несовершеннолетнего старше возраста пятнадцати лет.

Literature:

1. *Khametdinova G.F.* Bases of responsibility of parents (other legal representatives) of minors for non-fulfillment of duties on their maintenance and education // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 1(27). P. 98–107. P. 106.
2. Federal law № 323-FZ of 21.11.2011 «On the basics of public health protection in the Russian Federation» (ed. Federal law № 303-FZ of July 31, 2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724.
3. Federal law № 3-FZ of 08.01.1998 «On narcotic drugs and psychotropic substances» (as amended). Federal law № 232-FZ of July 26, 2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. № 2. Art. 219.
4. *Ivanova S.I.* On the issue of the procedure for examining minors who have committed an administrative offense in a state of intoxication / S.I. Ivanova, G.F. Khametdinova // Bulletin of the Ural law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. № 1. P. 2–6. P. 4.
5. *Khametdinova G.F.* Actual problems of legal support for the activities of the inspector for minors / G.F. Khametdinova; Ed. Board: S.A. Karnovich, P.A. Kapustyuk, N.Yu. Zhigalov // Activity of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the 20th international scientific and practical conference. Irkutsk, 2015. P. 138–142. P. 139.
6. Order of the Ministry of health of the Russian Federation № 933n of 18.12.2015 (ed. of 25.03.2019) «On the procedure for conducting a medical examination for the state of intoxication (alcoholic, narcotic or other toxic)» // Consultant Plus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195274 (date of application 25.11.2020).
7. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.01.2015 № 37 «On approval Of the rules for referral to a medical examination for intoxication of persons who have committed administrative offenses» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. № 5. Art. 817.

Фадеев Андрей Владимирович
преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет
МВД России
andreifma7777@gmail.com

Фадеев Михаил Владимирович
преподаватель кафедры
материального обеспечения,
Министерство обороны
Российской Федерации,
Военная академия
материально-технического обеспечения
имени генерала армии А.В. Хрулева
andreifma7777@gmail.com

Четверикова Александра Ивановна
преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Воронежский институт
МВД России
andreifma7777@gmail.com

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. История становления российского государства неразрывно связана с развитием государственных органов. Государственные органы выполняют функции, возложенные на государство (оборона страны, поддержание порядка, экономическая и воспитательная). В результате их деятельности возникают административно-правовые отношения, в том числе, и дисциплинарные. В статье рассматривается история формирования дисциплинарного производства в органах внутренних дел Российской Федерации, возможные пути его совершенствования.

Ключевые слова: органы внутренних дел, нарушение служебной дисциплины, дисциплинарное производство, служебная проверка.

■ ■ ■

История становления российского государства неразрывно связана с развитием государственных органов. Государственные органы выполняют функции, возложенные на государство (оборона страны, поддержание порядка, экономическая и воспитательная). В результате их

Andrey V. Fadeev
Lecturer of the Department
Administrative Activities
of the Department of Internal Affairs,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
andreifma7777@gmail.com

Mihail V. Fadeev
Teacher of the Department
Material Support,
Ministry of Defence Russian Federation,
Military Academy logistics
named after General
of the Army A.V. Khruleva
andreifma7777@gmail.com

Alexandra I. Chetverikova
Teacher of the Department
Administrative Activities of the Department
of Internal Affairs,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
andreifma7777@gmail.com

THE HISTORY OF THE FORMATION OF DISCIPLINARY PROCEEDINGS IN THE INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: WAYS OF IMPROVEMENT

■ ■ ■

Annotation. The history of the formation of the Russian state is inextricably linked with the development of state bodies. State bodies perform the functions assigned to the state (defence of the country, maintenance of order, economic and educational). As a result of their activities, administrative and legal relations, including disciplinary ones, arise. The article examines the history of the formation of disciplinary proceedings in the internal affairs bodies of the Russian Federation, possible ways of its improvement.

Keywords: internal affairs bodies, violation of official discipline, disciplinary proceedings, official check.

■ ■ ■

деятельности возникают административно-правовые отношения, в том числе, и дисциплинарные.

Институт дисциплинарных отношений формировался под влиянием исторических событий.

Вопросы поддержания дисциплины и определенных правил поведения начали возникать на Руси с момента зарождения государства. Полицейские функции в эпоху становления государственности исполняли дружинники, наместники князей, а позднее помещики, дворские.

Значительный вклад в развитие и совершенствование государственных органов и структур внес Петр I. В эпоху его правления были разработаны и приняты уставы, содержащие нормы, определяющие деятельность конкретных учреждений и нормы материального права. Это был серьезный шаг в развитии дисциплинарных правовых отношений в полиции.

В 1782 году при Екатерине II принят Устав благочиния, в котором были определены такие понятия как злоупотребление должностью, упущение должности, неисполнение должности.

В 1802 году, в период правления Александра I, было создано Министерство внутренних дел (далее МВД). Образованный Департамент внутренних дел, состоял из 4 экспедиций. Экспедиция спокойствия и благочиния осуществляла руководство полицией и состояла из двух отделений. Второе отделение осуществляло руководство полицией и пожарными. Отделение рассматривало жалобы на полицию, его сотрудники фактически выполняли современные функции инспекций по личному составу.

Население России в конце XIX века негативно относилось к деятельности полиции. Внутренняя ревизия, проведенная МВД, выявила серьезные злоупотребления, которые угрожали дальнейшему функционированию полицейских органов. По результатам ревизии был сделан вывод о том, что деятельность полиции требует немедленного реформирования [1, с. 26]. В этих целях было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [2]. За допущенные правонарушения предусматривались различного рода исправительные и уголовные наказания, определялись полномочия субъектов применения наказания. За совершение преступлений и проступков по службе применялись:

- исключение со службы;
- отрешение от должности; вычет из времени службы;
- удаление от должности; перемещение с высшей должности на низшую;
- выговор «более или менее строгий с внесением его в послужной список»;
- вычет из жалованья; выговор «более или менее строгий»;
- замечание.

Дальнейшее развитие дисциплинарного производства в органах внутренних дел связано с Октябрьской революцией 1917 года. В результате преобразований, происшедших в государстве, создавалась новая система органов внутренних дел

(далее ОВД). Власти издают нормативные акты и документы в сфере ОВД, в том числе, и в части соблюдения дисциплины, полностью отказываясь от дореволюционного правового института дисциплинарных отношений. Было утверждено Постановление Народного комиссариата по внутренним делам «О рабочей милиции» [3], инструкция Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата по внутренним делам РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [4], в которой были регламентированы дисциплинарные отношения в органах милиции. Первый Дисциплинарный устав служащих советской рабоче-крестьянской милиции увидел свет 22 августа 1919 года. Дисциплинарная ответственность (далее ДО) формируется как отдельный вид юридической ответственности. Произошло разделение уголовной и ДО. В Уставе появились новые виды дисциплинарных взысканий:

- предостережение;
- выговор в строю и в приказе по милиции;
- наряд вне очереди не свыше 10 суток;
- арест на срок не свыше 10 суток;
- смещение на низшие должности;
- увольнение со службы.

Было введено правило о занесении в особые списки или на «черную доску» сотрудников, осужденных судом за преступления, а также, уволенных за нарушения служебной дисциплины (далее СД).

Институт дисциплинарных отношений получил свое дальнейшее развитие в Дисциплинарном уставе рабоче-крестьянской милиции 1923 года. Более конкретно был определен процесс наложения дисциплинарных взысканий, появились новые виды дисциплинарных взысканий, нормы о поощрении, понятие «милицейская дисциплина».

Более современный вид дисциплинарные правовые отношения получили после принятия в 1991 году Закона РСФСР «О милиции» [5]. Порядок прохождения службы в милиции значительно шире стал регламентироваться положениями трудового законодательства и приобрел более демократичные черты. Статьей 42 Положения о службе в ОВД были утверждены «Суды чести». В своей деятельности Суд чести руководствовался требованиями Кодекса чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации (далее - Кодекс чести), утвержденного Приказом МВД России от 19.11.1993 г. № 501, который действовал до принятия «Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (далее Кодекс этики), утвержденного Приказом МВД России от 24.12.2008 г. № 1138.

В 2011 году, в результате проведенной реформы, милиция была преобразована в полицию. Положения Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в

отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее, Закон о службе в ОВД), который регламентирует порядок прохождения службы сотрудников ОВД, приведены в соответствии с современными требованиями, порядок проведения ДП в новом законе получил более точную регламентацию.

Однако высокий имеющийся некомплект личного состава ОВД и текучесть кадров говорят об имеющихся проблемах в ОВД. В СМИ активно обсуждаются негативные явления и события с участием сотрудников ОВД.

В настоящее время отсутствует нормативный правовой акт, в котором объединены нормы дисциплинарного производства (далее ДП) в ОВД. Они содержатся в различных нормативных правовых актах и этот круг довольно обширен. Так, в Законе о службе в ОВД определены понятия «дисциплинарный проступок», «основания и порядок проведения СП», установлена ответственность сотрудника, а также, перечень дисциплинарных взысканий и поощрений, перечислены грубые нарушения служебной дисциплины (далее СД), сроки давности привлечения сотрудников к ДО.

В Дисциплинарном уставе [6] определены обязанности руководителей по поддержанию СД, обязанности сотрудников по соблюдению СД, правила наложения и исполнения дисциплинарных взысканий, правила обжалования дисциплинарных взысканий. В приказе МВД России от 26 марта 2013 г. № 161 определен порядок

проведения СП в ОВД [7]. В Указе Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» определено, что к сотруднику, сообщившему о фактах коррупции, меры ДО применяются (в случае совершения этим лицом в течение года после указанного сообщения дисциплинарного проступка) только по результатам рассмотрения сложившейся ситуации на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. В приказе МВД России от 01.02.2018 № 50 «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации» утверждена процедура рассмотрения служебного спора, определены права сотрудника, обратившегося за разрешением служебного спора и его действия в случае его несогласия с принятым по служебному спору решением. И этот список – не полный.

На практике проведение СП является по факту дополнительной нагрузкой, для лица, который участвует в ее проведении. Сотрудники, которым поручается проведение СП, обязаны знать все тонкости и нюансы действующего законодательства, регламентирующего осуществление ДП в ОВД РФ.

Полагаем, что целесообразно объединить нормы и положения ДП в одном нормативном правовом акте, который будет регламентировать стадии процессуальных действий, устанавливать права и обязанности участников производства.

Литература:

1. *Борисов А.В.* Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А.В. Борисов, М.Г. Детков, С.И. Кузьмин, А.Я. Малыгин. М. : Изд-во Объед. ред. МВД России. 1996. С. 26.
2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения декабрь 2019).
3. Постановление НКВД РСФСР от 10 ноября 1917 г. «О рабочей милиции». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Инструкция НКЮ и НКВД РСФСР «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» от 13 октября 1918 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 (ред. 07.04.2017) «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Literature:

1. *Borisov A. V.* Organs and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A short historical sketch / A.V. Borisov, M.G. Detkov, S.I. Kuzmin, A.Ya. Malygin. M. : Publishing house united. ed. Ministry of Internal Affairs of Russia. 1996. P. 26.
2. Code of penalties and penalties 1845. URL : <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of application December 2019).
3. Resolution of the NKVD of the RSFSR of November 10, 1917 «On the workers' militia». Reference and legal system «ConsultantPlus».
4. Instruction of the People's Commissariat of Justice and the NKVD of the RSFSR «On the organization of the Soviet workers and peasants militia» dated October 13, 1918 // Reference and legal system «ConsultantPlus».
5. Law of the Russian Federation of 18.04.1991 № 1026-1 «On the police» // Reference and legal system «ConsultantPlus».
6. Decree of the President of the Russian Federation of October 14, 2012 № 1377 (revised on April 7, 2017) «On the Disciplinary Charter of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» // Reference and Legal System «ConsultantPlus».

7. Приказ МВД России от 26.03.2013 № 161 (ред. от 12.11.2018) «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 03.26.2013 № 161 (as amended on 12.11.2018) «On approval of the Procedure for conducting an official inspection in the bodies, organizations and divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // Reference and legal system «ConsultantPlus».

Шапиро Ирина Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
sonten@mail.ru

Irina V. Shapiro

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor at the Department
of Constitutional and Municipal Law
Faculty of Law,
Kuban State University
sonten@mail.ru

ПРАВО ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВЫБОР МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА В РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

THE RIGHT OF FOREIGN CITIZENS TO FREEDOM OF MOVEMENT, CHOICE OF PLACE OF STAY AND RESIDENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой регламентации права иностранных граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, а также отмечается, что не для всех категорий иностранных граждан урегулирована возможность реализации элементов, составляющих нормативное содержание права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Annotation. In the article the problems of legal regulation of the rights of foreign citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence, and also noted that not all categories of foreign citizens is regulated the possibility of implementing elements of the normative content of the right to freedom of movement, choice of place of residence.

Ключевые слова: право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, иностранные граждане, миграционный учет, место пребывания, место жительства, место проживания.

Keywords: right to freedom of movement, choice of place of stay and residence, foreign citizens, migration registration, place of stay, place of residence, place of residence.

Право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства иностранных граждан в пределах Российской Федерации гарантируется ч. 3 ст. 62 Конституции РФ 1993 г, согласно которой иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ и ч. 1 ст. 27 закрепляющей возможность реализации данного права каждому, кто законно находится на территории страны.

гражданства на пребывание (проживание) в Российской Федерации.

Положения ч. 1 ст. 27 Конституции РФ нашли свое развитие в Законе РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», который в ч. 3 ст. 1 устанавливает, что «лица, не являющиеся гражданами Российской Федерации и законно находящиеся на ее территории, имеют право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации в соответствии с Конституцией и законами Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации». Законность нахождения подтверждается наличием действительных вида на жительство, либо разрешения на временное проживание, либо визы и (или) миграционной карты, документов, подтверждающих право иностранного гражданина или лица без

Однако, анализ законодательства показал, что не для всех категорий иностранных граждан (временно пребывающие, временно проживающие, постоянно проживающие), законно находящихся на территории Российской Федерации закреплена возможность реализации всех элементов, составляющих нормативное содержание исследуемого права: 1) свободы передвижения по территории Российской Федерации; 2) свободы выбора места пребывания; 3) свободы выбора места жительства [1].

Так, ст. 11 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» регламентирует только право иностранных граждан на свободу передвижения

в личных или деловых целях в пределах Российской Федерации.

К личным целям относят культурные или туристические поездки, к деловым – служебные командировки. Данное положение касается временно пребывающих и временно проживающих иностранных граждан, которые в соответствии с п. 4.2 и 5

ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не вправе осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу или разрешение на временное проживание.

Приказом Министерства здравоохранения и социального развития от 28 июля 2010 г. № 564н установлен перечень профессий, когда указанные категории иностранных граждан могут осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта, где им выдано соответствующее разрешение. Так, общая продолжительность служебной командировки временно пребывающего иностранного гражданина не может превышать 10 календарных дней в течение периода действия разрешения на работу, если его деятельность носит разъездной характер и это указано в трудовом договоре, то не более 60 дней.

Временно проживающие иностранные граждане могут осуществлять непрерывную трудовую деятельность вне пределов субъекта, где им выдано разрешение на работу не более 30 дней, если его работа носит разъездной характер, не ограничена сроком [2].

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» не содержит норм регламентирующих права иностранных граждан на свободу выбора места пребывания и жительства.

Стоит отметить, что в науке конституционного права сложилось мнение, что реализация права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства иностранных граждан неразрывно связана с регистрационным (миграционным) учетом по месту пребывания и месту жительства [3, с. 22–26.].

Согласно положениям Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», под миграционным учетом понимается государственная деятельность по фиксации и обобщению предусмотренных указанным Федеральным законом сведений об иностранных гражданах и о лицах без гражданства и об их перемещениях. Регистрация (учет) иностранного гражданина по месту жительства или месту пребывания – фиксация в установленном порядке органами миграционного учета сведений о месте жительства или нахождении иностранного гражданина или лица без гражданства в месте пребывания.

Миграционный учет носит уведомительный характер, в тоже время, постановка на учет по месту пребывания и жительства является обязательной, что делает ее необходимым условием реализации прав на выбор места пребывания и жительства и, как следствие, ограничением их осуществления.

Конституционный Суд РФ также указал, что под местом пребывания и местом жительства

понимают наличие жилого помещения, подтвержденного регистрацией по месту пребывания или жительства [4].

Здесь, хотелось бы обратить внимание, что ч. 1. ст. 14 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» говоря об обязательности постановки на регистрационный учет по месту жительства обращается только к временно и постоянно проживающим иностранным гражданам. Таким образом, временно пребывающие иностранные граждане не могут быть поставлены на учет по месту жительства, а значит, и реализовать право на выбор места жительства.

Под местом жительства иностранного гражданина понимается жилое помещение, по адресу которого иностранный гражданин зарегистрирован. Место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации – жилое помещение, не являющееся местом жительства, или иное помещение, в котором иностранный гражданин или лицо без гражданства фактически проживает (регулярно использует для сна и отдыха), либо организация, по адресу которой иностранный гражданин или лицо без гражданства подлежит постановке на учет.

Стоит отметить, что еще до июля 2018 г. под местом пребывания понималось жилое помещение, не являющееся местом жительства иностранного гражданина, а также иное помещение, учреждение или организация, в которых иностранный гражданин или лицо без гражданства находится и (или) по адресу которых иностранный гражданин или лицо без гражданства подлежит постановке на учет по месту пребывания.

Однако, подобная формулировка не уточняла в каких случаях иностранный гражданин мог быть поставлен на учет принимающей стороной по месту фактического проживания в жилом помещении, а когда по адресу учреждения или организации, что влекло за собой противоречивую правоприменительную практику [5].

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 19 июля 2017 г. № 22-П [6] отметил, что положения Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ содержат неопределенность в вопросе о месте пребывания, по которому временно пребывающий в России иностранный гражданин (лицо без гражданства) обязан встать на учет. По мнению Конституционного Суда РФ, понятие места пребывания иностранного гражданина содержит указание на его связь как с жилым помещением, так и с иным помещением, а также с учреждением или организацией в качестве принимающей стороны и у которых иностранный гражданин фактически проживает или осуществляет трудовую деятельность (находится). То есть, место пребывания временно пребывающего иностранного гражданина не приравнивается к месту (адресу) его проживания, а значит, допускается его учет по месту пребывания и в иных местах, где он осуществляет трудовую деятельность (находится).

Таким образом, согласно позиции Конституционного Суда РФ, если у временно пребывающего иностранного гражданина заключен трудовой или гражданско-правовой договор с пригласившей его для осуществления трудовой деятельности организацией, то он может быть поставлен на учет по месту нахождения организации и фактически проживать в предоставленном ею жилом помещении.

Федеральным Законом от 27 июня 2018 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства» ст. 21 была изложена в новой редакции.

Согласно ч. 1 указанной статьи иностранный гражданин подлежит постановке на учет по месту пребывания:

1) по адресу жилого помещения, не являющегося его местом жительства, в котором иностранный гражданин фактически проживает;

2) по адресу гостиницы или иной организации, оказывающей гостиничные услуги, санатория, дома отдыха, пансионата, детского оздоровительного лагеря, туристской базы, кемпинга или иного помещения, в которых он фактически проживает, либо по адресу медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или организации социального обслуживания, предоставляющей социальные услуги в стационарной форме, в том числе лицам без определенного места жительства, в которой он находится в связи с получением услуг этой организации, либо по адресу учреждения, исполняющего уголовное или административное наказание, в котором он содержится.

3) по адресу организации, в которой он в установленном порядке осуществляет трудовую или иную не запрещенную законодательством Российской Федерации деятельность, в случае фактического проживания по адресу указанной организации либо в помещении указанной

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

2. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» / А.Н. Жеребцов, А.О. Облезова, А.В. Семенова, О.Ю. Ситкова, А.В. Степанов, Е.А. Очеретько, И.В. Шапиро, Е.В. Артемьев, Н.В. Богатырева, Р.В. Тишин // Подготовлен для СПС : Гарант, 2016.

организации, не имеющем адресных данных (строении, сооружении), в том числе временном.

Как видно, законодатель предоставил работодателю ставить на миграционный учет по месту пребывания иностранных граждан по адресу организации, только если они фактически проживают по ее адресу.

По нашему мнению, позиция Конституционного Суда РФ, допускающая возможность временно прибывающему иностранному гражданину встать на миграционный учет по месту пребывания по адресу нахождения организации, а фактически проживать в предоставленном ею жилом помещении, в большей мере способствует реализации их права на выбор места проживания, как и других прав и свобод человека.

Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не дает понятие «место проживания», которое использует Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Так, согласно п. 2. ст. 11 временно проживающие иностранные граждане не вправе изменять по собственному желанию место своего проживания в пределах субъекта РФ, на территории которого ему разрешено временное проживание, как и избрать место проживания другой субъект РФ.

Исходя из анализа нормативно-правовых актов, законодатель под местом проживания понимает жилое помещение, по адресу которого временно проживающие иностранные граждане поставлены на учет по месту жительства или пребывания. По нашему мнению, использование термина «место проживания», а не «место пребывания» и «место жительства» продиктовано регламентацией разрешительного порядка выбора места проживания временно проживающим иностранным гражданам, что не соответствует естественному характеру конституционного права на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Literature:

1. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation of 4 April 1996. № 9-P «On business about check of constitutionality of some regulatory acts of Moscow and Moscow region, Stavropol territory, Voronezh region and the city of Voronezh, regulating the procedure of registration of citizens arriving for permanent residence in these regions» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1996. № 2.

2. Commentary to the Federal law of July 25, 2002 № 115-FZ «On the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation» / A.N. Zherebtsov, A.O. Oblezova, A.V. Semenova, O.Yu. Sitkova, A.V. Stepanov, E.A. Ocheretko, I.V. Shapiro, E.V. Artemyev, N.V. Bogatyreva, R.V. Tishin // Prepared for SPS : Garant, 2016.

3. *Шапиро И.В.* Проблемы реализации прав на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства граждан РФ // Конституционное и муниципальное право 2009. № 17. С. 22–26.

4. О проверке конституционности частей первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию.» в связи с жалобой гражданина А.Я. Аванова: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1998 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 2.

5. Постановление Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 5-АД17-106 // СПС: «Консультант Плюс».

6. По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2017 г. № 22-П // Собрание законодательства РФ 2017. № 31 (Часть II). Ст. 4984.

3. *Shapiro I.V.* Problems of realization of the rights to freedom of movement, choice of the place of stay and residence of citizens of the Russian Federation // Constitutional and municipal law 2009. № 17. P. 22–26.

4. On checking the constitutionality of parts one and three of article 8 of the Federal law of August 15, 1996 «On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen A. ya.Avanov: Resolution of the constitutional Court of the Russian Federation of January 15, 1998 № 2-P // Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation. 1998. № 2.

5. The decision of the Supreme Court of the Russian Federation from December 26, 2017 № 5-АД17-106 // ATP «ConsultantPlus».

6. In the case of check of constitutionality of provisions of part 1 and paragraph 2 of part 2 of article 20 of the Federal law «On migration registration of foreign citizens and individuals without citizenship in the Russian Federation» in connection with complaints of citizens of the United States N.D. Worden and P.D. Oldham: the Decision of the constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2017 № 22-P // collected legislation of the Russian Federation 2017. № 31 (Part II). Art. 4984.

Яковлева Вера Михайловна
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров,
Академия права и управления
Федеральной службы
исполнения наказаний, г. Рязань
vera.yakowlewa2017@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРЫСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ОСУЖДЕННЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация. Сложившаяся ситуация в настоящее время показала, что противодействие преступности, осуществляемое средствами воздействия на лиц, совершающих преступления и ведущих антиобщественный образ жизни, не позволяет в полном объеме победить ее. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости создания исправного функционирования превентивных механизмов противодействия преступности, которые приведут к стабилизации и ослаблению напряженной криминальной ситуации. Представленная работа посвящена вопросам предупреждения уголовно-правовыми средствами корыстных преступлений, совершаемых осужденными. Анализируются различные точки зрения ученых о понятии и сущности уголовно-правового воздействия, и места в нем уголовно-правовых средств предупреждения. Предлагается авторское понимание системы уголовно-правовых средств предупреждения корыстной преступности осужденных.

Ключевые слова: меры уголовно-правового воздействия, осужденные, предупреждение, средства, корыстные преступления.

Сложившаяся ситуация в настоящее время показала, что противодействие преступности, осуществляемое средствами воздействия на лиц, совершающих преступления и ведущих антиобщественный образ жизни, не позволяет в полном объеме победить ее. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости создания исправного функционирования превентивных механизмов противодействия преступности, которые приведут к стабилизации и ослаблению напряженной криминальной ситуации.

При решении данной проблемы «по угнетению и ликвидации преступности следует проводить последовательную и планомерную деятельность с учетом требований неотвратимости и справедливости, а также, упреждающего воздействия на ее причины и условия» [1].

Vera M. Yakovleva
Adjunct at the Faculty of Training
Scientific and Pedagogical Personnel,
Academy of Law and Management
Federal Service
Execution of Sentences, Ryazan
vera.yakowlewa2017@yandex.ru

ON SOME FEATURES OF THE PREVENTION OF MERCENARY CRIMINALITY CONVICTED BY CRIMINAL MEANS

Annotation. The current situation has now shown that the counter-crime by means of influencing perpetrators and anti-social behaviours does not fully defeat it. This fact demonstrates the need for the creation of a proper functioning of pre-velinery mechanisms to combat crime, which will lead to stabilization and easing of the tense criminal situation. The presented work is devoted to the issues of prevention of mercenary crimes committed by convicts by criminal legal means. Various points of view of scientists on the concept and essence of criminal law impact, and the place in it of criminal law means of prevention are analyzed. The author's understanding of the system of criminal-legal means of preventing the selfish criminality of convicts is proposed.

Keywords: measures of criminal law impact, convicts, criminal law prevention, prevention, mercenary crimes.

Особое место в системе мер предупреждения преступлений в полном объеме занимают Уголовный закон и практика его применения.

Предупреждение преступлений, рассматриваемое как часть уголовной политики, позволяет достаточно предметно отразить продуманную, целенаправленную и последовательную деятельность органов и институтов государства которые оказывают воздействие, как на преступность, так и на факторы, ее порождающие.

Определяя место уголовно-правовых средств предупреждения преступлений в уголовно-правовом воздействии, следует, уточнить его понятие. В настоящий момент данное понятие в правовой доктрине не достаточно проработано. В частности, существуют различные точки зрения,

касаемо понимания уголовно-правового воздействия, к примеру, рассматриваемых в рамках уголовно-правовых институтов, регламентированных только в Общей части УК РФ. Так, к примеру, такие средства как наказание, освобождение от уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера, были отнесены В.К. Дуюновым в объем уголовно-правового воздействия, в качестве отрицательной реакции государства на преступное посягательство [2].

В.Ф. Ширяев рассматривает уголовно-правовое воздействие как «совокупность ограниченного количества элементов, носящих основной или вспомогательный характер, объединенных результатом ее направленности, выраженных в целях наказаний, и регламентированных УК РФ» [6].

Интересна точка зрения Н.В. Генрих, которая различает воздействие уголовного-права на ценностно-ориентирующие (предмет уголовно-правовой охраны) и информационное (обще-предупредительные отношения, в рамках которых усваивается Уголовный закон и целесообразность его соблюдения).

Более широкий подход к средствам уголовно-правового воздействия был представлен Т.Н. Нурукаевой. Она отмечает, что, помимо мер уголовно-правового характера, связанных с общими основаниями освобождения от уголовной ответственности, уголовно-правовое воздействие возможно и посредством специальных видов освобождения [3].

Согласно словарю С.И. Ожегова, «воздействие» – это действие, направленное на кого-нибудь, с целью добиться чего-нибудь. А «воздействовать», значит повлиять [4].

Нам представляется более верной позиция, в которой к средствам уголовно-правового воздействия отнесены именно нормы Особенной части Уголовного закона, и используются данным автором как «уголовно-правовые средства борьбы с преступностью» [5].

Придерживаясь данной точки зрения, которая, так или иначе, соответствует семантике термина «воздействие», под уголовно-правовым профилактическим воздействием по нашему мнению следует понимать действие норм и институтов Уголовного Закона, а также, деятельность субъектов, направленную на предупреждение преступлений в рамках общей и частной превенции.

Анализируя систему уголовно-правовых средств предупреждения корыстной преступности осужденных, отметим, что подобная система носит сложный характер. Корыстная преступность осужденных характеризуется разными видами преступлений. Основопологающим признаком, которой является наличие цели извлечения материальной или иной выгоды материального характера, в свою очередь связанной с корыстной мотивацией. С учетом данного признака, нам представляется две систематизации средств предупреждения корыстной преступности осужденных.

Первая связана с наличием в формулировках диспозиций норм упоминания о корысти. В нее входят следующие группы норм Особенной части:

- преступления, совершаемые из корыстных побуждений;
- преступления, совершенные из корыстной заинтересованности;
- преступления, совершенные с корыстной целью.

Помимо представленных норм предупреждения корыстной преступности осужденных, регламентированных Особенной частью Уголовного закона, существуют и другие средства без упоминания о корыстной мотивации преступления, основанные на характере объекта уголовно-правовой охраны: например преступления против свободы, чести и достоинства личности, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина и т.д.

Итак, преступлений, совершаемых осужденными с целью извлечения материальной выгоды или получения иных имущественных благ не мало. Рассмотрение сущности данных средств уголовно-правового предупреждения предоставило нам возможность выделить несколько оснований для ее классификации.

По характеру диспозиции нормы, возможно, представить две группы норм:

- нормы, в диспозиции которых присутствует упоминание элементов корыстной мотивации;
- нормы в диспозиции, которых отсутствует прямое упоминание элементов корыстной мотивации.

Возможно, такая классификация имеет в большей степени уголовно-правовое значение, препятствуя комплексному восприятию профилактического воздействия исследуемых уголовно-правовых средств предупреждения корыстной преступности осужденных.

Так, в рамках рассматриваемой нами проблемы, более подходящей будет классификация, основанная на характере объекта уголовно-правовой охраны, в рамках которой верным представляется объединить исследуемые средства уголовно-правового предупреждения по характеру диспозиции нормы.

Помимо рассмотренных нами выше групп, которые дополняются нормами, содержащими в диспозициях упоминание о корыстной мотивации, в данную классификацию следует добавить также:

- преступления против жизни и здоровья;
- преступления в сфере компьютерной информации;
- преступления против порядка управления.

В общем, подобная классификация позволяет максимально оценить широкий механизм, объемность которой связана со сложностями исследования, а также с невозможностью использовать данную классификацию при анализе количественных и качественных показателей корыстной преступности осужденных.

Исходя из этого, более практичной нам видится классификация, выведенная с учетом общих криминологических показателей корыстной преступности осужденных, значительный объем которых входит в рамки следующих групп:

- корыстные преступления против собственности;
- корыстные преступления против экономической деятельности;
- коррупционные преступления;
- корыстные преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Подводя итог вышесказанному, мы можем отметить, что уголовно-правовое профилактическое воздействие обладает самостоятельным характером, которое только за счет своего наличия

Литература:

1. Гауфарова Г.Д. Предупредительные начала российского уголовного права : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 58.
2. Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства – это не починка «Тришкина кафтана» // Вопросы российского и международного права. 2012. № 1. С. 99.
3. Нуркаева Т.Н. К вопросу о понятии уголовно-правового воздействия и формах его реализации // Право. законодательство. личность. 2015. № 1. С. 200–204.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцовой. 24-е изд., испр. М. : ООО «Изд. Оникс», 2005. С. 115–1200.
5. Рарог А.И. Уголовно-правовые средства воздействия на организованную преступность // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 3. С. 104–105.
6. Ширяев В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. С. 49.

воздействует на неопределенный круг лиц, создавая рамки допустимого и поведения, а также страх перед карой.

Помимо этого, уголовно-правовое профилактическое воздействие осуществляется путем использования таких инструментов как:

- нормами Общей части;
- нормами Особенной части Уголовного закона;
- уголовно-правовые средства предупреждения (регламентированные Особенной частью).

И в заключение следует сказать, что оказываемое предупредительное воздействие на лиц, совершивших уголовно-наказуемое деяние, осуществляемое нормами Уголовного закона, реализуется не только путем наказания (кары), но и средствами стимулирования их отказа или прекращения преступной деятельности, а также позитивного посткриминального поведения. Представленная нами классификация средств уголовно-правового предупреждения корыстной преступности осужденных исходит из наличия норм, в которых упоминается корыстная мотивация, либо фактическое содержание данных норм, предполагающих ее наличие.

Literature:

1. *Gaufarova G.D.* Preventive principles of Russian criminal law : dis. ... cand. jurisprudence. Kazan, 2004. P. 58.
2. *Duyunov V.K.* Improvement of criminal legislation is not a repair of «Trishkin's caftan» // Questions of Russian and international law. 2012. № 1. P. 99.
3. *Nurkaeva T.N.* On the question of the concept of criminal law impact and the forms of its implementation // Law. legislation. personality. 2015. № 1. P. 200–204.
4. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language: Ok. 53,000 words / S.I. Ozhegov; Under total. ed. prof. L.I. Skvortsova. 24th ed., Rev. M. : OOO «Izd. Onyx», 2005. P. 115–1200.
5. *Rarog A.I.* Criminal Law Means of Influencing Organized Crime // All-Russian Criminological Journal. 2013. № 3. P. 104–105.
6. *Shiryayev V.F.* Punishment in the system of measures of criminal law impact: content, problems of improvement : dis. ... cand. jurisprudence. Yaroslavl, 2001. P. 49.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 21.12.2020
Подписано в печать 23.12.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,8
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 56

e-mail: id.yug2016@gmail.com